Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Согоян Диана Паргевна

ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ И ФОРМЫ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ КРЕДИТОРСКОГО СООБЩЕСТВА В УПРАВЛЕНИИ ДОЛЖНИКОМ-ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Беликова Ксения Михайловна

Москва — 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……3

ГЛАВА 1. УЧАСТИЕ КРЕДИТОРСКОГО СООБЩЕСТВА В ОТНОШЕНИЯХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)…….....24

§1. Кредиторское сообщество в деле о банкротстве: общая характеристика и вопрос правосубъектности……..…….....25

§2. Собрание кредиторов и комитет кредиторов как органы кредиторского сообщества……...….98

ГЛАВА 2. ФОРМЫ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ КРЕДИТОРСКОГО СООБЩЕСТВА В УПРАВЛЕНИИ ДОЛЖНИКОМ-ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ…….....117

§1. Процедура участия органов кредиторского сообщества в управлении должником-юридическим лицом……..……..……..122

§2. Решение органа кредиторского сообщества: правовая природа, виды и проблемы оспаривания……...……152

ГЛАВА 3. СПОСОБЫ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ КРЕДИТОРСКОГО СООБЩЕСТВА В УПРАВЛЕНИИ ДОЛЖНИКОМ-ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ……..……...……...…179

§1. Понятие и пределы компетенции органов кредиторского сообщества ……...……...……..…181

§2. Модели осуществления полномочий органов кредиторского сообщества…….……..……...204

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...……..252

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ……..260

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования многоаспектна и продиктована целым рядом следующих обстоятельств.

Политико-правовой аспект. 28 февраля 2024 года Президент РФ подписал Указ № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»[1], который стал важным шагом в дальнейшем формировании стратегии научно-технологического прогресса России[2]. Вместе с тем российская экономика продолжает сталкиваться с серьезными вызовами, одним из которых является высокая степень банкротств среди отечественных организаций, включая компании в области наукоемких технологий[3][4]. Этому способствует продолжающееся расширение антироссийских санкций, вызванное нынешней геополитической напряженностью.

При таких обстоятельствах одной из первостепенных задач государства становится обеспечение условий для структурной перестройки и оздоровления экономики. Это включает в себя не только поддержку перспективных отраслей и развитие инновационных проектов[5], но и, на наш взгляд, разработку действенных механизмов вывода из оборота неэффективных активов и их перераспределения в пользу более конкурентоспособных игроков.

Ключевую роль в этом процессе играет институт банкротства (несостоятельности)[6]. Слабость механизмов банкротства может привести к замораживанию значительных объемов активов, препятствуя их реинвестированию и развитию новых производств. Обратно, хорошо

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.

[3] Суд признал банкротом российского разработчика компьютеров «Т-Платформы» [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/ekonomika/15939421?ysclid=m4cs11qrwv572483326 (дата обращения: 02.11.2024).

[4] Суд признал банкротом IT-компанию «Техносерв Консалтинг» [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru/russia/872819 (дата обращения: 02.11.2024).

[5] Путин: нужно сформировать все условия для дальнейшей структурной перестройки экономики [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/ekonomika/15726151 (дата обращения: 11.12.2024).

[6] В настоящем исследовании термины «банкротство» и «несостоятельность» используются как синонимы, что соответствует легальному определению, данному в ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

функционирующая система банкротства способствует очищению рынка от нежизнеспособных предприятий, освобождая ресурсы и создавая пространство для роста здоровых компаний.

Процедура банкротства немыслима без участия кредиторов. Их роль многогранна и критически важна на всех этапах: от возбуждения дела до окончательного его завершения. В подавляющем большинстве случаев в деле о банкротстве фигурирует несколько кредиторов с разными по размеру и характеру требованиями, что обуславливает их конфликтность в условиях ограниченности ресурсов для погашения требований. Проблема усугубляется недостаточной ясностью правового положения собрания и комитета кредиторов, отсутствием детальной регламентации порядка их участия в процедурах банкротства, принимаемых ими решений, объема и пределов их компетенции, что нуждается в научном осмыслении и систематизации.

Исторический аспект. В России институт банкротства претерпел длительную эволюцию. Традиционно он рассматривался как специфический механизм исполнения обязательств перед кредиторами при недостаточности имущества должника[7]. По этой причине основной фокус регулирования всегда был сосредоточен на правовом положении должника в процедурах банкротства, его деятельности в преддверии финансового кризиса и способах погашения требований кредиторов.

Однако в последнее время обнаруживается смещение внимания законодателя с должника на кредиторов как в части порядка осуществления отдельным кредитором своих прав и обязанностей в деле о банкротстве, так и совместного участия кредиторов в процедурах банкротства.

Данную мысль подтверждает новый закон, вступивший в силу 29 мая 2024 года[8], который внес ряд изменений в Федеральный закон от 26.10.2002

---

[7] Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 34.

[8] Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 23 (часть I). Ст. 3045.

№ 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)[9]. Так, например, им установлен порядок обжалования кредитором судебного акта, на котором основано требование другого кредитора, уточнен порядок утверждения собранием кредиторов и комитетом кредиторов положения о порядке реализации имущества гражданина.

Также наблюдается изменение взглядов в отечественной юридической науке. Если дореволюционная доктрина базировалась на отсутствии юридического единства кредиторов, отрицала необходимость агрегирования их в сообщество и рассматривала «стечение кредиторов» лишь как необходимое условие конкурсного процесса[10], то подход современной доктрины направлен на правовую интеграцию кредиторов в рамках отношений несостоятельности через признание существования кредиторского сообщества с действующими в его интересах органами[11].

Исследование конституирующих признаков и правового положения кредиторского сообщества, особенностей отношений, складывающихся внутри него, а также правовых форм и способов участия его органов в процедурах банкротства приобретает сегодня все большую значимость в свете обозначенных исторических изменений.

Социально-экономический аспект. Статистические данные показывают, что в период с 2018 по 2023 года инициаторами дел о банкротстве юридического лица стабильно выступают кредиторы (конкурсные кредиторы: показатели варьируются от 66,4 до 78,1%; уполномоченный орган – от 12,6 до 23,1%).

При этом за рассматриваемый период времени доля кредиторов, чьи требования были удовлетворены, по сравнению с теми, которые были включены в реестр требований, составляет 0,05-0,09% (например, в 2019 году из 2 500 млрд руб.

---

[9] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
[10] Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021. С.343 и др.
[11] Османова Д.О. Правовой режим основных множественностей в процедуре банкротства // Lex russica (Русский закон). 2021. № 11. С. 19. Шишмарева Т.П. Цифровые технологии в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 52 и др.

включенных требований 131 млрд руб. были удовлетворены, в 2023 году из 3 005 млрд руб. – 297 млрд руб.).

Кроме этого, за последние десять лет средняя длительность процедур банкротства выросла практически в 2 раза (например, конкурсного производства с 567 до 1124 дней)[12]. Безусловно, на данные показатели может влиять множество разнообразных факторов: как объективных, например, число участников и количество обособленных споров в деле о банкротстве, состав и размер конкурсной массы должника, так и субъективных, например, квалификация и опыт конкретного арбитражного управляющего или загруженность судьи и оперативность назначения и проведения им судебных заседаний.

Тем не менее указанная статистика свидетельствует о доминирующей роли кредиторов в инициировании дел о банкротстве юридических лиц, их общей борьбе за конкурсную массу при значительном увеличении продолжительности процедур банкротства. Следовательно, определение правил взаимодействия кредиторов между собой, порядка их совместного участия по вопросу управления должником-юридическим лицом, его деятельностью и имуществом является критическим фактором для повышения эффективности всей процедуры.

Правоприменительный аспект. На сегодняшний день основным двигателем изменений правового регулирования отношений несостоятельности является не столько законодатель, сколько высшая судебная инстанция. В последние годы отечественный институт банкротства представляет собой пространство активной судебной интерпретации[13]. Данный тезис подтверждается тем, что Верховный Суд РФ не ограничивается классическим толкованием действующих законодательных положений, а фактически формирует новые нормативные положения, принципы и правовые конструкции. Это подтверждают позиции Верховного Суда РФ о допустимости утверждения мирового соглашения без единогласия залоговых

[12] Инфографика: банкротные итоги 2023 г. [Электронный ресурс] // URL: https://probankrotstvo.ru/articles/infografika-bankrotnye-itogi-2023-4727?ysclid=m4ckkalgps19424637 (дата обращения: 04.11.2024).
[13] Кантор Н.Е. Влияние публичного элемента в делах о банкротстве на развитие судебного правотворчества // Закон. 2023. № 12. С. 68.

кредиторов[14], расширении полномочий собрания кредиторов[15] и разработке принципа реабилитационного паритета[16]. Подобные примеры судебного нормотворчества в сфере банкротства носят системный характер и затрагивают в том числе вопросы участия собрания и комитета кредиторов в процедурах банкротства, что требует глубокого научного анализа для оптимизации законодательства о банкротстве.

Технологический (цифровой) аспект. Институт банкротства продолжает сталкиваться с системными деформациями, связанными со злоупотреблениями со стороны кредиторов, например: предъявление кредиторами фиктивных требований, сокрытие аффилированности с должником и информации о его финансовом состоянии, уклонение от заключения выгодного для кредиторов мирового соглашения. Вектором решения обозначенной проблемы может стать цифровизация процедуры банкротства, включающая, например, внедрение блокчейн-платформы учёта требований кредиторов, алгоритмов машинного обучения для выявления типичных проявлений кредиторской недобросовестности и смарт-контрактов по автоматическому распределению денежных средств. При этом целью настоящей диссертации не является разработка конкретных технологий или программных продуктов. Исследование направлено на обеспечение соответствия российского антикризисного регулирования целям национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства»[17], что актуализирует тему в контексте всеобщей технологической трансформации.

Степень научной разработанности темы исследования. Работы, имеющие отношение к теме диссертации, можно разделить на три условные группы.

---

[14] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2025 № 308-ЭС22-27464(11,13,14) по делу № А63-6153/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Пункт 1 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

[16] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 308-ЭС20-3526(9,10,12-14) по делу № А32-26161/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[17] Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [Электронный ресурс] // http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 02.03.2025).

К первой группе относятся работы, содержащие анализ правового статуса кредитора в процедурах банкротства: Валягин В.В., Енькова Е.Е., Кораев К.Б., Павлодский Е.А., Суворов Е.Д., Шайдуллин А.И., Шершеневич Г.Ф., Шишмарева Т.П., Юлова Е.С. и др.

Вторая группа содержит труды ученых, исследующих вопросы управления в процедурах банкротства, в том числе роли собрания кредиторов и комитета кредиторов в этом процессе: Галкин С.С., Говоруха М.А., Дорохина Е.Г., Еничева Н.В., Карелина С.А., Пантюхин А.В., Тай Ю.В., Телюкина М.В. и др.

Третью группу составляют исследования авторов отдельных аспектов, касающихся деятельности собрания кредиторов и комитета кредиторов, например, порядка принятия ими решений и их оспаривания: Егоров А.В., Шевченко И.М. и др.

Между тем за последние годы нами не выявлено работ по комплексному доктринальному исследованию правового положения кредиторского сообщества, совместной деятельности кредиторов в процедурах банкротства, в том числе через собрание кредиторов и комитет кредиторов, а также форм и способов их участия в управлении должником-юридическим лицом, его деятельностью и имуществом в конкурсном процессе.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют труды отечественных ученых в области несостоятельности (банкротства), таких как: Валягина В.В., Галкина С.С., Говоруха М.А., Егорова А.В., Еньковой Е.Е., Карелиной С.А., Кораева К.Б., Суворова Е.Д., Тай Ю.В., Телюкиной М.В., Шайдуллина А.И., Шишмаревой Т.П., Юловой Е.С.

Теоретическую основу исследования также составили работы зарубежных авторов, среди которых такие как: Абду Туре (Abdou Toure), Эдриан Коэн (Adrian Cohen), Доминик Овона-Атангана (Dominique Owona-Atangana), Мишу Леон (Michoud Léon), Сейед Моджтаба Ваези (Seyed Mojtaba Vaezi), Спонагель М. (Sponagel M.), Тарек М. Хаджири (Tarek M. Hajjiri), Томасик Роман (Tomasic Roman), Вэй Цуй (Wei Chuyi).

Нормативную основу исследования составляют нормативные правовые акты Российской Федерации и законодательство иностранных государств.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы российской правоприменительной практики и статистических исследований, размещенные в свободном доступе в сети Интернет, и данные, полученные из средств массовой информации.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в рамках несостоятельности (банкротства), связанные с правовым положением кредиторского сообщества и участием его органов в процедурах банкротства.

Предметом диссертационного исследования выступает зарубежное и российское законодательство, доктрина, правоприменительная практика, законопроекты и иные официальные акты и документы, касающиеся юридического положения кредиторского сообщества, правового статуса собрания кредиторов и комитета кредиторов, а также правовых форм и способов их участия в управлении должником-юридическим лицом, его деятельностью и имуществом в отношениях несостоятельности (банкротства).

Цель диссертационного исследования заключается в формировании целостного научного представления о кредиторском сообществе как коллективном образовании, обладающим правосубъектностью в рамках конкурсных отношений, а также в комплексном исследовании правовых форм и способов участия собрания и комитета кредиторов как его органов в управлении должником-юридическим лицом, его деятельностью и имуществом в процедурах банкротства.

В рамках названной цели исследования автором поставлен ряд задач:

1. Провести сравнительно-правовой анализ российского подхода и подхода зарубежных стран относительно правового статуса кредиторского сообщества.
2. Определить правовой статус собрания кредиторов и комитета кредиторов в конкурсных отношениях.

3. Предложить авторское определение понятий «форма» и «способ» участия органов кредиторского сообщества в управлении должником-юридическим лицом в процедурах банкротства.

4. Исследовать виды решений органов кредиторского сообщества, а также проблемы их принятия и оспаривания.

5. Определить понятие и пределы компетенции органов кредиторского сообщества, модели осуществления ими своих полномочий.

6. Установить виды кредиторских злоупотреблений, определить стандарт поведения кредитора и ответственность за его незаконное и недобросовестное поведение в процедурах банкротства.

7. По результатам проведенного исследования сформировать предложения по совершенствованию действующего законодательства, систематизации правоприменения, развитию правовой доктрины.

Методология и методы диссертационного исследования. В процессе исследования были применены такие методы как анализ, синтез, индукция, дедукция, гипотезы, а также специальные методы юридико-правового исследования – формально-юридический (позволил установить пробелы и коллизии в законодательстве о банкротстве применительно к статусу кредиторского сообщества и его органов) и сравнительно-правовой методы (позволил выявить специфику зарубежного правового регулирования статуса кредиторского сообщества и его органов в процедурах банкротства).

Методологическую основу диссертации составил диалектический метод, один из законов которого – закон единства и борьбы противоположностей – позволил объяснить пребывание конкурирующих между собой кредиторов во внутреннем единстве, составляя кредиторское сообщество со своими признаками различия и общности.

Метод аналогии позволил установить правовую природу кредиторского сообщества и сделать вывод о возможности его сравнения с такими же корпорациями в широком смысле как гражданско-правовое сообщество, юридическое лицо и простое товарищество.

Логический метод позволил классифицировать решения органов кредиторского сообщества, а также определить модели их компетенции.

Одновременно в рамках настоящего исследования автор исходит из субъективно-объективной заданности процессов и явлений.

Научная новизна настоящего исследования заключается в разработке целостного научного представления о кредиторском сообществе как о самостоятельном субъекте отношений несостоятельности (банкротства). Авторский подход преодолевает традиционное представление доктрины, рассматривающее кредиторов как разрозненных субъектов, сводящих свои интересы к индивидуализированным имущественным притязаниям, и предлагает модель единого правосубъектного образования, наделенного способностью к волеизъявлению (через собрание и комитет кредиторов), для достижения единой цели сообщества (формирование конкурсной массы и погашение требований), установлению внутренних стандартов взаимодействия между кредиторами, исключающих конфликт частных и коллективных интересов. Этот подход позволяет ликвидировать системный пробел в регулировании межкредиторских отношений в процедурах банкротства.

В результате исследования автором сформулированы и выносятся на защиту следующие положения:

1. О правосубъектности кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности (банкротства): Доказано, что кредиторское сообщество в процедурах банкротства обладает признаками правосубъектного образования несмотря на отсутствие его легального признания в качестве субъекта правоотношений. Оно характеризуется организационным единством, реализуемым через систему органов (собрание и комитет кредиторов); способностью к формированию и выражению единой воли по ключевым вопросам процедуры; функциональной имущественной обособленностью конкурсной массы, то есть находящейся под контролем сообщества и служащей инструментом достижения установленной законом его цели – максимального удовлетворения требований кредиторов; внешней индивидуализацией в конкурсном процессе и наделенностью

комплексом прав, реализуемых от его имени как целого. Наличие указанной совокупности признаков является достаточным основанием для признания за кредиторским сообществом правосубъектности в рамках правоотношений несостоятельности (банкротства). Природа данной правосубъектности является sui generis, то есть уникальной, что исключает ее редукцию к следующим классическим конструкциям:

1) гражданско-правовому сообществу по смыслу ст. 181.1 ГК РФ, которое закон и высшая судебная инстанция отождествляют с собранием кредиторов как органом принятия решений и которое не охватывает всей полноты феномена кредиторского сообщества, включающего всех кредиторов-лиц, участвующих в деле о банкротстве;

2) юридическому лицу, от которого кредиторское сообщество отличается целевым назначением имущественной обособленности: для юридического лица обособленное имущество служит базой его самостоятельной имущественной ответственности, тогда как для кредиторского сообщества конкурсная масса предназначена для достижения установленной законом его цели – погашения требований кредиторов;

3) простому товариществу, от которого кредиторское сообщество отличается императивным генезисом (ex lege), строго заданной законом целью, отсутствием договорной основы.

Законодательное признание данной правосубъектности позволит, во-первых, совершенствовать правовые инструменты реализации коллективной воли кредиторского сообщества по стратегическим вопросам процедуры (таким как, например, оспаривание сделок должника, привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности) и, во-вторых, регламентировать иные аспекты его взаимодействия с участниками конкурсного процесса, обеспечив баланс коллективных и индивидуальных интересов кредиторов.

2. О правовом статусе собрания кредиторов и комитета кредиторов: Функциональное и организационно-структурное сходство собрания кредиторов и комитета кредиторов с органами управления должника-юридического лица, а

также схожий у них способ формирования воли и ее изъявления позволили установить, что собрание кредиторов и комитет кредиторов представляют собой организационно оформленные структурные элементы кредиторского сообщества, то есть являются органами кредиторского сообщества.

3. О компетенции собрания кредиторов и ее пределах: Установлено, что отсутствие четкой модели и пределов компетенции собрания кредиторов создает риск неправомерного расширения его полномочий. В связи с этим обоснована необходимость законодательного закрепления диспозитивной модели компетенции, согласно которой решения собрания кредиторов порождают правовые последствия только в прямо предусмотренных законом случаях, а при определении пределов компетенции собрания кредиторов подлежит учету сущность регулирования конкурсных отношений, нормативно закрепленная в целях и задачах процедуры банкротства. Для внедрения данного подхода сформулировано предложение по совершенствованию действующего законодательства (пункт 4).

4. О применении норм о корпоративной ответственности к органам кредиторского сообщества: Обоснована возможность и целесообразность применения к органам кредиторского сообщества норм о корпоративной ответственности, закрепленных в ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ. Основанием для этого служит функциональное сходство органов кредиторского сообщества с органами управления должника-юридического лица (определение стратегии деятельности, распоряжение имуществом, принятие решений о дальнейшей судьбе предприятия). Такой подход позволит эффективно защищать интересы участников конкурсного процесса, используя уже существующие правовые способы, без искусственного расширения оснований субсидиарной ответственности, которая, при этом, в данном случае неприменима, поскольку органы кредиторского сообщества действуют после наступления неплатежеспособности, и их решения направлены на преодоление кризиса, а не его создание.

5. О форме участия органов кредиторского сообщества: Доказано, что форма участия органов кредиторского сообщества в управлении в процедурах

банкротства представляет собой комплексное явление, раскрывающееся через единство внутренней (процедурной) формы, охватывающей порядок организации и осуществления их деятельности (созыв, уведомление, принятие решений), и внешней (материальной) формы, проявляющейся в юридически значимых решениях, непосредственно влияющих на ход и результаты процедуры банкротства. Выделение указанных форм участия органов кредиторского сообщества в банкротстве является категориальной необходимостью, обеспечивающей легитимность процесса принятия решений через соблюдение установленных правил созыва, уведомления и голосования и одновременно определяющей юридическую силу и правовые последствия самих решений, непосредственно влияющих на судьбу процедуры, что в совокупности создает основу для эффективного, предсказуемого и справедливого правового регулирования конкурсного процесса.

6. О кредиторском акте как новом юридическом термине: Выявлена необходимость унификации юридической терминологии: такие акты органов кредиторского сообщества, как план внешнего управления, план финансового оздоровления, положение о порядке продажи имущества должника, положение о порядке предоставления отступного и др., которые обладают смешанной правовой природой, сочетая черты корпоративного договора и локального нормативного акта, предлагается именовать как кредиторские акты. Признание таких актов кредиторскими создает значительный потенциал для повышения эффективности процедуры банкротства за счет стандартизации правил их принятия (единые правила формирования кворума, процедуры голосования кредиторов) и обжалования (единые основания и порядок оспаривания).

7. О классификации решений органов кредиторского сообщества и их оспаривании: Разработана классификация решений органов кредиторского сообщества, в качестве критерия которой выступают их правовая природа и последствия: 1) решения, которые сами по себе порождают материально-правовые последствия (сочетающие процедурный и материально-правовой аспекты) и 2) решения, выполняющие исключительно процедурную функцию оформления

принятия кредиторского акта. Предложенная классификация позволит определить предмет и основания судебного оспаривания: нарушения процедуры принятия решения (процедурные основания) влекут оспоримость самого решения собрания; незаконность содержания утвержденного кредиторского акта, нарушающая права и законные интересы участников процесса (материально-правовые основания), служит основанием для оспоримости самого кредиторского акта в целом или в части.

8. О феномене «параллельных решений» и способах его преодоления: Установлен и проанализирован опыт принятия «параллельных решений» собрания кредиторов – существования противоречащих друг другу решений по одному вопросу, порожденный пробелами действующего российского законодательства (отсутствие запрета на повторный созыв по урегулированному вопросу и неясность процедуры отмены решений). Для решения этой проблемы предложен дифференцированный подход: 1) автоматическая отмена предыдущего решения допустима только при принятии нового решения тем же составом кредиторов, отражающим актуальность их воли; 2) при изменении состава кредиторов обязательна судебная проверка соответствия нового решения единой цели кредиторского сообщества. Для внедрения данного подхода сформулировано предложение по совершенствованию действующего законодательства (пункт 7).

9. О классификации кредиторских злоупотреблений и стандарте поведения кредитора: Разработана классификация кредиторских злоупотреблений в зависимости от их направленности на единую цель кредиторского сообщества: а) не затрагивающие непосредственно цель формирования конкурсной массы и погашения задолженности (например, предъявление фиктивных требований) и б) непосредственно нарушающие единую цель кредиторского сообщества (например, блокирование выгодного для всех кредиторов мирового соглашения). На основе этой классификации обоснован двухуровневый стандарт поведения кредитора в деле о банкротстве: на индивидуальном уровне – это обязанность действовать добросовестно, на коллективном уровне – это подчинение частных интересов единой цели

кредиторского сообщества в виде формирования конкурсной массы, максимизации ее стоимости и погашения требований кредиторов. Для внедрения данного подхода сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства (пункты 1, 2).

10. О способе участия органов кредиторского сообщества: Доказано, что способ участия органов кредиторского сообщества в управлении в процедурах банкротства раскрывается через диалектику их полномочий и условий их реализации, формируемых законодательством, конкретной процедурой банкротства и поведением иных участников конкурсного процесса, на основе чего выделены и исследованы две основные модели осуществления полномочий органов кредиторского сообщества, которые позволяют раскрыть разные подходы к роли кредиторов в банкротстве – это:

1) линейно-автономная модель, которая основана на признании автономии кредиторского сообщества и возможности его органов самостоятельно действовать в рамках процедуры банкротства (например, через самостоятельную отмену органом кредиторского сообщества ранее принятого им решения);

2) преобразовательно-корпоративная модель, которая предполагает участие органа кредиторского сообщества в корпоративном управлении должником (например, посредством трансформации статуса кредитора в статус участника через акционирование долга).

По результатам исследования сформулированы следующие предложения по совершенствованию действующего законодательства, а именно:

1. Дополнить Закон о банкротстве новой статьей – «статья 11.1. Обязанности кредиторов в деле о банкротстве» следующего содержания:

«1. Кредиторы, участвующие в деле о банкротстве, обязаны осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении друг друга, должника и иных лиц, участвующих в деле о банкротстве или в процессе по делу о банкротстве, добросовестно и разумно.

Под разумностью действий понимается их соответствие общим интересам всех кредиторов, а также установленным законом целям процедуры банкротства.

Недобросовестным поведением кредитора, в частности, признаются:

сокрытие информации об аффилированности с должником, иными кредиторами или арбитражным управляющим, имеющей существенное значение для дела о банкротстве;

предоставление заведомо ложных сведений о финансовом состоянии должника, его активах или обязательствах в суд, собранию кредиторов, комитету кредиторов или арбитражному управляющему;

умышленное затягивание процедуры банкротства путем подачи необоснованных ходатайств, жалоб, возражений или иным способом с целью извлечения необоснованной выгоды или причинения вреда другим лицам, участвующим в деле о банкротстве или в процессе по делу о банкротстве;

совершение иных действий (бездействия), явно направленных на нарушение прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве или в процессе по делу о банкротстве, либо на воспрепятствование достижению целей банкротства.

В случае установления судом факта недобросовестного поведения кредитора, суд вправе по заявлению лиц, участвующих в деле о банкротстве или лиц, участвующих в процессе по делу о банкротстве, уменьшить размер требований такого кредитора пропорционально степени вреда, причиненного конкурсной массе.

2. Кредиторы не вправе использовать свои права в целях причинения вреда общим интересам всех кредиторов, необоснованного затягивания процедуры банкротства, получения необоснованного преимущества в ущерб другим кредиторам.

3. Нарушение обязанностей, предусмотренных настоящей статьей, влечёт ответственность кредитора в виде возмещения им убытков.

4. Арбитражный управляющий, кредитор или должник, а равно иное лицо, участвующее в деле о банкротстве или в процессе по делу о банкротстве, вправе обратиться в арбитражный суд с требованием о применении последствий, предусмотренных пунктом 3 настоящей статьи».

2. Дополнить Закон о банкротстве новой статьей – «статья 11.2. Принудительный выкуп требований кредиторов в деле о банкротстве» следующего содержания:

«1. В случае, если собрание кредиторов не может принять решение вследствие голосования против него одного или нескольких кредиторов, большинство конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, включенных в реестр требований кредиторов (за исключением кредиторов, голосовавших против), вправе принять решение о принудительном выкупе требований указанных кредиторов, голосовавших против.

2. Решение о принудительном выкупе требований подлежит утверждению арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве.

3. Арбитражный суд утверждает решение о принудительном выкупе требований при одновременном наличии следующих условий:

голосование кредитора против решения объективно и необоснованно блокирует принятие решения собрания кредиторов, которое является экономически целесообразным и направлено на максимизацию удовлетворения требований всех кредиторов;

цена выкупа требования является справедливой и соответствует его рыночной стоимости, определяемой в порядке, установленном пунктом 4 настоящей статьи;

при подготовке, созыве и проведении собрания кредиторов соблюдены все требования настоящего Федерального закона.

4. Рыночная стоимость выкупаемого требования определяется на дату принятия решения о выкупе независимым оценщиком, привлекаемым арбитражным управляющим в порядке, предусмотренном статьей 20.3 настоящего Федерального закона.

5. Арбитражный управляющий обязан в течение трех рабочих дней с даты принятия собранием кредиторов решения, указанного в пункте 1 настоящей статьи:

направить кредитору, требование которого подлежит выкупу, уведомление заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении;

разместить информацию о принятом решении и его содержании в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве.

6. Средства для выкупа требований и оплату услуг оценщика, указанных в пункте 4 настоящей статьи, вносятся кредиторами, проголосовавшими за решение о выкупе, пропорционально размерам их требований, включенных в реестр, на депозитный счет арбитражного суда до подачи в арбитражный суд заявления об утверждении решения о принудительном выкупе. Выкуп требований осуществляется за счет указанных средств после вступления в законную силу определения арбитражного суда об утверждении выкупа.

7. Кредитор, требование которого выкуплено в порядке настоящей статьи, вправе обжаловать определение арбитражного суда об утверждении принудительного выкупа его требования в срок, не превышающий четырнадцати календарных дней со дня принятия такого определения».

3. В пункт 2 статьи 12 Закона о банкротстве добавить абзац 15 следующего содержания:

«об отмене решений комитета кредиторов при условии, что оно не начало влиять на права и законные интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве, лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, третьих лиц».

4. Дополнить статью 12 Закона о банкротстве пунктом 2.1 следующего содержания:

«Собрание кредиторов вправе рассматривать и принимать решения по вопросам, не отнесенным к его компетенции настоящим Федеральным законом.

Решение собрания кредиторов, принятое по вопросу, не отнесенному к его компетенции настоящим Федеральным законом, является принятым с нарушением компетенции, в случае если такое решение:

1) не соответствует требованиям закона, в частности изменяет или отменяет его, направлено на обход его положений;

2) нарушает существо законодательного регулирования отношений, возникающих в рамках дела о банкротстве».

5. Внести изменения в пункт 2 статьи 17 Закона о банкротстве:

заменить слова *«может не»* на слова *«не может»;*

добавить абзац следующего содержания*: «не допускается создание комитета кредиторов, состоящего исключительно из представителей одного кредитора».*

6. Внести изменения в пункты 1 и 3 статьи 17 Закона о банкротстве:

в пункте 1 заменить слова *«представляет законные интересы конкурсных кредиторов, уполномоченных органов и осуществляет контроль за действиями арбитражного управляющего, а также реализует иные предоставленные собранием кредиторов полномочия в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом»* на слова *«осуществляет функции по представлению законных интересов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, а также контролю за действиями арбитражного управляющего»*;

в абзаце 1 пункта 3 после слова *«функций»* добавить слова *«в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи»*;

абзац 6 пункта 3 изложить в следующей редакции: *«принимать решения по другим вопросам, решения по которым в соответствии с настоящим Федеральным законом принимаются собранием кредиторов или комитетом кредиторов, в случае предоставления собранием кредиторов таких полномочий в порядке, установленном настоящим Федеральным законом».*

7. Дополнить Закон о банкротстве новой статьей – «статья 15.1. «Порядок отмены решений собранием кредиторов» следующего содержания:

«1. Собрание кредиторов вправе отменить ранее принятое им решение при условии отсутствия признаков злоупотребления правом и до момента, когда такое решение начало влиять на права и законные интересы лиц, участвующих в

деле о банкротстве, лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, третьих лиц.

2. Включение в повестку дня собрания кредиторов вопроса об отмене ранее принятого решения осуществляется большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, требования которых включены в реестр требований кредиторов.

3. Решение об отмене ранее принятого собранием кредиторов решения считается действительным, если состав кредиторов на дату его принятия идентичен составу кредиторов на дату принятия первоначального решения.

4. В случае изменения состава кредиторов на дату принятия собранием кредиторов решения об отмене ранее принятого им решения, такое решение подлежит обязательному утверждению арбитражным судом.

5. По результатам рассмотрения заявления об утверждении решения собрания кредиторов об отмене ранее принятого им решения арбитражный суд выносит определение об утверждении или определение об отказе в утверждении в случае, если решение собрания кредиторов противоречит общим интересам кредиторов по делу о банкротстве.

6. Проведение собрания кредиторов по вопросу, по которому уже принято решение, не признанное недействительным или не отмененное в установленном настоящей статьей порядке, не допускается».

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что оно содержит решение значимой для развития доктрины конкурсного права научной задачи по определению правового статуса кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности, форм и способов участия его органов в процедурах банкротства.

Полученные результаты диссертационной работы могут стать отправной точкой для новых научных изысканий, а также послужить инструментом, способным оказать влияние на практику применения законодательства о банкротстве.

Результаты диссертационного исследования могут быть интегрированы в учебные курсы, такие как «Банкротство (несостоятельность)», «Предпринимательское право», «Арбитражный процесс» в высших юридических учебных заведениях, а также в программы дополнительного профессионального образования для подготовки арбитражных управляющих.

По итогам проведенного исследования автором предложены конкретные изменения в действующее законодательство, направленные на повышение эффективности процедур банкротства, улучшение качества работы органов кредиторского сообщества и создание более предсказуемой правовой среды для всех участников конкурсного процесса.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается избранной методологией исследования, эмпирической базой, включающей правоприменительную практику и статистические данные в области несостоятельности (банкротства), а также анализом российской и зарубежной доктрины и нормативной правовой базы.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на следующих научно-практических мероприятиях:

1) Международном конгрессе молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права». Тема доклада: «Проблема кредиторских злоупотреблений в банкротстве и потенциал цифровых технологий» (г. Москва, 04-05 апреля 2025 г.).

2) I Всероссийском молодежном научно-практическом форуме «Банкротство и антикризисное управление: новые тенденции и вызовы». Тема доклада: «Особенности участия кредиторского сообщества в деле о банкротстве должника-эмитента облигаций» (г. Москва, 06-07 февраля 2025 г.).

3) X Международной научно-практической конференции молодых ученых «Тенденции развития частного права». Тема доклада: «Проблема обеспечения консолидированного интереса кредиторского сообщества в деле о банкротстве» (г. Москва, 30 ноября – 1 декабря 2023 г.).

4) II Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов «Бизнес, менеджмент и право». Тема доклада: «Правовой статус органов кредиторского сообщества в деле о банкротстве» (г. Екатеринбург, 24-25 ноября 2023 г.).

5) XXIV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». Тема доклада: «Проблема обеспечения баланса интересов российского кредиторского сообщества и иностранных должников в условиях санкционных ограничений» (г. Москва, 24 ноября 2023 г.).

6) Всероссийской научно-практической конференции «XVI Овчинниковские научные чтения». Тема доклада: «Репрезентативность как ключевой принцип формирования и деятельности комитета кредиторов» (г. Владивосток, 24 июня 2023 года).

По теме диссертационной работы опубликовано 10 научных работ, включая 7 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 1 публикация в электронном научном юридическом журнале и 2 статьи в сборниках материалов научно-практических конференций.

Результаты диссертационного исследования нашли успешное практическое применение в профессиональной юридической деятельности автора, в том числе при правовом консультировании и представительстве интересов доверителей в делах о банкротстве.

Структура и объем диссертационного исследования определяются его целью и задачами. Диссертация включает введение, три главы (шесть параграфов), заключение, а также список использованных источников и литературы.

Глава 1. УЧАСТИЕ КРЕДИТОРСКОГО СООБЩЕСТВА В ОТНОШЕНИЯХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

В науке отечественного права и российской правоприменительной практике традиционно большее внимание уделяется вопросам управления юридическим лицом до возбуждения в отношении него дела о банкротстве. Связано это с тем, что установление руководства компании и принятых им негативных управленческих решений дает кредиторам возможность определить реального виновника банкротства юридического лица и направить свои имущественные претензии в том числе в их адрес. В этих целях, в частности, законом установлены основания и порядок оспаривания сделок должника и привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Так, например, Шайхеев Т.И. утверждает, что при наличии у юридического лица признаков несостоятельности (банкротства) в первую очередь необходимо проверить действия его руководящих органов на предмет их разумности и добросовестности[18].

В то же время вопросы управления юридическим лицом в процедурах банкротства приобретают особую значимость, поскольку здесь основными субъектами управления становятся сами кредиторы – лица, которые, по общему правилу, не имеют как таковой цели участвовать в управлении юридическим лицом, а заинтересованы, прежде всего, в возврате ранее предоставленных должнику денежных средств и процентов за период их пользования.

Однако передача управления кредиторам создает потенциальные риски: те из них, которые занимают доминирующие позиции по сравнению с остальными кредиторами (например, благодаря размеру требований) могут своими единоличными действиями причинить вред как самому должнику, так и другим его кредиторам.

[18] Шайхеев Т.И. Правовые позиции судов по экономическим спорам в примерах из судебной практики // Арбитражные споры. 2022. № 3. С. 134.

По указанной причине отечественное законодательство о банкротстве конструировано таким образом, чтобы обеспечить сочетание единоличного (кредитор действует самостоятельно) и коллективного кредиторского управления (кредитор действует совместно с другими кредиторами в рамках кредиторского сообщества) в процедурах банкротства.

Однако до настоящего времени открытым остается вопрос о правовом статусе кредиторского сообщества, правовой природе собрания кредиторов и комитета кредиторов в деле о банкротстве.

С учетом изложенного в настоящей главе будут исследованы признаки кредиторского сообщества, вопрос о его правосубъектности в отношениях несостоятельности (банкротства), а также правовая природа отношений, складывающихся между кредиторами внутри этого сообщества. На основе полученных выводов будут рассмотрены юридическая сущность собрания кредиторов и комитета кредиторов, правовые принципы их формирования и деятельности.

§1. Кредиторское сообщество в деле о банкротстве: общая характеристика и вопрос правосубъектности

В условиях несостоятельности (банкротства) система управления должником-юридическим лицом существенно трансформируется: в зависимости от процедуры банкротства власть над организацией полностью либо частично переходит из рук его руководства в руки кредиторов и арбитражного управляющего.

Указанные изменения в управлении должником-юридическим лицом можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, необходимостью отстранения от управления должником лиц, которые фактически доказали свою некомпетентность в вопросах управления как самим юридическим лицом, так и принятых им на себя обязательств. Аналогичным образом рассуждает Пантюхин А.В., указывая, что сам

должник в таком случае признается обществом в качестве «плохого хозяина»[19]. Во-вторых, направленностью самого института банкротства на учет интересов кредиторов должника, его нацеленностью на соразмерное удовлетворение их требований.

Специфика управления юридическим лицом в период его пребывания в процедурах банкротства подчеркивается многими исследователями. В частности, Говоруха М.А. указывает, что система управления в условиях несостоятельности представляет собой особую модель управления, поскольку предусматривает как собственно органов управления должника, так и органов конкурсного управления[20].

Однако более многочисленны исследователи, которые не ограничиваются лишь констатацией самой специфики управления юридическим лицом в процедурах банкротства, а предпринимают попытки конкретизировать его в зависимости от субъекта управления, выделяя тем самым арбитражное управление (субъект управления – арбитражный управляющий)[21] и кредиторское управление (субъект управления – кредиторы, собрание кредиторов и комитет кредиторов).

Членение системы управления, по мнению Дорохиной Е.Г., позволяет выделить относительно неделимые, совместно функционирующие, взаимодействующие и взаимозависимые между собой элементы (многосубъектность управления): арбитражного управляющего, кредиторов и их коллективных образований (собрания кредиторов, комитета кредиторов)[22].

В отечественной доктрине представлен взгляд, признающий арбитражного управляющего центральным звеном данной системы. Подтверждая это, Соболев С.И., ссылаясь на Шафранова А., указывает на его статус как ключевой фигуры в

---

[19] Пантюхин А.В. Гражданско-правовое регулирование участия кредиторов в управлении несостоятельным юридическим лицом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 46.

[20] Говоруха М.А. Правовое положение органов управления несостоятельного должника: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Иркутск, 2008. С. 16.

[21] Карелина С.А., Фролов И.В. Современная модель арбитражного управления в Российской Федерации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 8.

[22] Дорохина Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства. М.: Новый индекс, 2009. С. 186.

делах о банкротстве[23]. Свириденко О.М. также подчеркивает его первостепенную роль на всех стадиях конкурсного процесса и в связи с этим пишет, что на арбитражного управляющего «возложено как непосредственное проведение процедур банкротства, так и осуществление функций руководителя должника в процедурах внешнего управления и конкурсного производства»[24]. Еремина О.В. также отмечает общепризнанность статуса арбитражного управляющего как ключевого участника дела о банкротстве, чей профессионализм, личностные и деловые качества, а также уровень ответственности в значительной мере детерминируют успех ликвидационных процедур, что закономерно актуализирует задачу контрольно-надзорного органа по обеспечению строгого соблюдения требований законодательства при утверждении его кандидатуры[25].

Не отрицая значимости фигуры арбитражного управляющего, следует отметить, что кредиторское управление является первичным по отношению к арбитражному управлению, поскольку в отсутствие кредиторов в любом случае не может быть введена процедура банкротства в отношении юридического лица, как следствие, также не может возникнуть фигура арбитражного управляющего.

В контексте исследования приоритета кредиторского управления над арбитражным необходимо выделить ряд нормативных положений, иллюстрирующих доминирующую роль кредиторов в процедурах несостоятельности. Так, в соответствии с п. 1 ст. 45 и п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве кредиторы наделяются правом определения субъекта арбитражного управления, а именно возможностью предлагать кандидатуру арбитражного управляющего или саморегулируемой организации (СРО), из числа членов которой назначается управляющий, а он, в свою очередь, обязан действовать в интересах кредиторов.

---

[23] Соболев С.И. Стимулирующее вознаграждение арбитражного управляющего при добровольном погашении требований кредиторов: кристаллизация проблем и поиск их решения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 8. С. 115.

[24] Свириденко О.М. Участники производства по делам о несостоятельности (банкротстве) // Право и экономика. 2009. № 2. С. 105.

[25] Еремина О.В. Участие Росреестра в арбитражном процессе по делу о банкротстве // Арбитражный управляющий. 2015. № 2. С. 36.

Дальнейшее подтверждение данного тезиса обнаруживается в ст. 143 Закона о банкротстве, устанавливающей императивные требования к порядку и срокам предоставления конкурсным управляющим отчетности перед собранием и комитетом кредиторов, что обеспечивает прозрачность его деятельности и подконтрольность кредиторам.

Существенным доказательством примата кредиторского управления выступает также механизм стимулирования деятельности арбитражного управляющего: в соответствии с п. 13 ст. 20.6 Закона о банкротстве размер процентной части вознаграждения арбитражного управляющего находится в прямой зависимости от объема удовлетворенных требований кредиторов, что создает экономико-правовой стимул для максимизации их удовлетворения. Положения п. 7 ст. 20.6 Закона о банкротстве предоставляют собранию кредиторов дискреционное право устанавливать дополнительное вознаграждение арбитражному управляющему, тем самым усиливая его заинтересованность в учете прав и законных интересов кредиторов.

Традиционно банкротство рассматривается как коллективный механизм взыскания задолженности, без которого отдельные кредиторы, самостоятельно взыскивая свои долги, будут лишь наносить ущерб конкурсной массе и, следовательно, своим собственным интересам.

Данная идея нашла активную поддержку как в российских, так и иностранных научных исследованиях. Так, Суворов Е.Д. указывает, что банкротство – это получение удовлетворения на коллективной основе, коллективный способ расчетов с кредиторами[26]. Ссылаясь на мнение Р. Мокал, он пишет, что целью банкротства является исключительно замена индивидуальных действий кредиторов коллективной процедурой[27]. Еничева Н.В. пишет, что несостоятельность предполагает по общему правилу коллективный процесс, при котором все требования кредиторов к этому должнику подчиняются единому

[26] Суворов Е.Д. Банкротное право. М.: Статут, 2023. С. 8.
[27] Суворов Е.Д. Принцип равенства кредиторов: монография. М.: Статут, 2022. С. 29.

режиму[28]. Файншмидт Е.А. указывает, что всеобщей чертой всех процедур несостоятельности является их коллективный характер[29].

В своей работе Вэй Чуи обращает внимание, что такой взгляд на банкротство признан на международном уровне, что находит свое подтверждение в Руководстве ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности[30]. Томас Х. Джексон утверждает, что кредиторы должны отдавать предпочтение совместному участию в процедурах банкротства, а не гонке за индивидуальный захват активов должника[31]. Коллективный процесс является более совершенным, чем если бы он был оставлен на усмотрение отдельных кредиторов, так как в таком случае они были бы мотивированы действовать исключительно в своих собственных интересах[32]. Ряд других ученых считают, что банкротство основывается на теории сделки между кредиторами, заключенной для максимизации их благосостояния путем коллективизации[33].

Следует признать, что в рамках дела о банкротстве кредиторы, несмотря на существование различий в характере и размере своих требований, проявляют единство, действуя как целостная группа[34]: одинаково претерпевают принудительное изменение условий своих обязательств с должником, подчинены единым правилам об очередном и пропорциональном удовлетворении требований, объединены общей целью надлежащего формирования конкурсной массы и погашения долга[35], наделены равным доступом к управлению должником, его

---

[28] Еничева Н.В. Реализация правоспособности юридического лица в процедурах несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 106.

[29] Файншмидт Е.А. Зарубежная практика антикризисного управления: учебно-методический комплекс. М.: ЕАОИ, 2011. С. 103.

[30] Wei Chuyi. Chinese Bankruptcy Law in Its Eighth Year: an Evaluation in Theory and Practice // International Company and Commercial L. Rev. 2014. P. 312.

[31] Jackson T.H. Bankruptcy, Non-Bankruptcy Entitlements, and the Creditors' Bargain // Yale Law Journal. 1982. № 5. P. 857.

[32] Priya Garg, Trusha Modi, Balapragatha M. Anusandhan. The need to improve governance standards for committee of creditors and resolution professionals to safeguard the goal of corporate rescue // Insolvency and Bankruptcy Board of India. 2022. P. 388.

[33] Baird D.G. A World Without Bankruptcy // Law & Contemporary Problems. 1987. № 50. P. 184; Korobkin D.R. Rehabilitating values: A jurisprudence of bankruptcy. Columbia Law Review. 1991. № 91. P. 187.

[34] Ayotte, Kenneth and Morrison, Edward R. Creditor Control and Conflict in Chapter 11 // The Journal of Legal Analysis. 2009. № 2. P. 512.

[35] Есманский А.А. Реструктуризация задолженности: как защитить интересы независимых кредиторов // Закон. 2023. № 4. С. 94; Будылин С. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 4. С. 45.

деятельностью и ходом процедуры банкротства в том числе через собрание кредиторов и комитет кредиторов.

Таким образом, можно утверждать, что существует кредиторское сообщество, которое выступает носителем общего интереса всех кредиторов. Этот интерес, включающий в себя стремление к надлежащему формированию конкурсной массы и удовлетворению требований, не сводится к индивидуальным интересам каждого кредитора, а формирует целостный правовой и экономический контекст, в котором осуществляется процедура банкротства.

Формирование такого сообщества имеет экономическое и правовое объяснение, что также связано с самим институтом несостоятельности (банкротства) как одновременно экономической и правовой категории. С экономической точки зрения неплатежеспособность должника создает для кредиторов существенные риски, поскольку их имущественные потери, возникшие еще до возбуждения дела, усугубляются дефицитом активов должника для полного погашения их требований. В этой связи законодательство снижает указанные риски, наделяя кредиторов правом коллективного участия в управлении процедурой банкротства. С правовой точки зрения совместное управление направлено на обеспечение баланса между разнородными кредиторами, но в то же время объединенными общей целью в надлежащем формировании конкурсной массы в условиях нехватки имущества должника для расчетов с кредиторами.

Все изложенное подчеркивает актуальность и необходимость дальнейшего развития законодательных механизмов, обеспечивающих надлежащую защиту интересов кредиторов как единого сообщества в процессе реализации их прав в рамках дела о банкротстве.

В связи с указанным в рамках настоящего исследования рассмотрим проблемы определения правовой природы кредиторского сообщества, включая вопрос его правосубъектности. Для этих целей будут проанализированы опыт России и ряда зарубежных стран[36].

---

[36] Согоян Д.П. Кредиторское сообщество в правоотношениях несостоятельности (банкротства): опыт России и зарубежных стран // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. № 1. С. 110-121.

I. Кредиторское сообщество в России

Действующее российское законодательство регулирует права и обязанности отдельных кредиторов, в том числе механизмы их коллективного участия посредством голосования на собрании кредиторов. Однако оно не придает должного внимания кредиторскому сообществу и не признает его правосубъектности в правоотношениях несостоятельности (банкротства).

Такой подход приводит к ряду негативных последствий. Во-первых, само по себе отсутствие формализованного статуса кредиторского сообщества затрудняет защиту коллективных интересов кредиторов в суде. Каждый кредитор, действуя самостоятельно, может преследовать свои частные интересы, что может противоречить коллективным интересам кредиторов и даже причинять им вред.

Во-вторых, без законодательно закрепленного статуса кредиторского сообщества у кредиторов отсутствует возможность эффективного коллективного представительства своих интересов. Это означает, что они лишены возможности привлекать общего юриста, эксперта или иного специалиста для защиты их общих интересов и совместно нести затраты на них, что существенно увеличивает индивидуальные расходы и снижает эффективность защиты.

В-третьих, отсутствие четкого правового статуса лишает кредиторов механизмов урегулирования споров и координации действий между собой, что препятствует эффективному проведению процедур банкротства и защите интересов всех участников конкурсного процесса.

Любопытно, что отечественная правоприменительная практика, напротив, признает наличие у кредиторского сообщества определенных признаков «лица». Так, арбитражные суды признают, что кредиторское сообщество, во-первых, имеет свои права и законные интересы, подлежащие учету в работе арбитражного управляющего[37], во-вторых, может выступать стороной обособленного спора в

[37] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.12.2023 № Ф04-344/2023 по делу № А45-35287/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

рамках дела о банкротстве[38], в-третьих, имеет собственные органы – собрание кредиторов и комитет кредиторов[39].

В то же время для полноценного понимания правовой природы кредиторского сообщества одних лишь достижений судебной практики будет недостаточно, необходимо углубленное исследование его сущности. Обозначенный пробел в определении правовой сущности кредиторского сообщества предопределяет настоятельную необходимость его глубокого научно-теоретического осмысления и комплексного правового анализа.

1. Кредиторское сообщество как носитель универсальных признаков субъекта права

Отталкиваясь от установленной необходимости анализа правовой природы кредиторского сообщества, отправной точкой настоящего исследования избирается не ретроспективный обзор всей массы доктринальных воззрений на понятие субъекта права, а анализ его фундаментальных, универсальных признаков, выработанных общей теорией права и цивилистикой. Целью является проверка гипотезы о том, что кредиторское сообщество в процедуре банкротства обладает совокупностью таких признаков, позволяющих рассматривать его как особого носителя свойств субъекта права.

Прежде чем приступить к определению универсальных признаков субъекта права, необходимо признать фундаментальный тезис об исторической и концептуальной подвижности самой категории правосубъектности. Как обоснованно подчеркивал Шершеневич Г.Ф., правосубъектность, подобно многим иным правовым конструкциям, «подвержена историческим колебаниям»[40]. Эта изменчивость отражает эволюцию общественных отношений и правопонимания. Более того, как верно констатирует Лаптев В.А., даже в современной правовой

---

[38] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.09.2021 № 301-ЭС20-18311(2) по делу № А43-41965/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[39] Пункт 7 Обзора судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 12; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 07.03.2023 № 08АП-1835/2023 по делу № А46-324/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[40] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск 3. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. С. 578.

доктрине отсутствует абсолютное единство в категориальном аппарате, используемом для определения способности лица к участию в правоотношениях. Учеными активно применяются различные, зачастую пересекающиеся, но не всегда тождественные понятия: «правоспособность», «правосубъектность», «дееспособность», «деликтоспособность» и др.[41].

Однако несмотря на отмеченную историческую изменчивость и терминологическую полифонию, в юридической доктрине утвердился конвенциональный подход, связывающий саму возможность признания правосубъектности коллективного образования с наличием у него конкретного комплекса правомочий, императивно закрепленных нормативными актами[42]. Как справедливо отмечает Пономарева Е.В., «нормативное признание прав объективно конституирует правосубъектность соответствующего образования»[43]. Эта позиция также находит подтверждение в исследованиях Шахова В.Д., который, анализируя трудовые коллективы, прямо указывает на их правомочия как основу правосубъектности[44]. Таким образом, присутствие нормативно закрепленных прав является первичным индикатором потенциальной субъектности. Обладание правами предполагает существование их обособленного и распознаваемого носителя, способного к самостоятельному участию в правоотношениях[45]. Эти

---

[41] Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 42.

[42] Гинцбург Л.Я. Трудовое законодательство: права, обязанности, сфера действия // Советское государство и право. 1971. № 11. С. 44; Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.С. Нерсесянц; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ин-т. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 510.

[43] Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 143.

[44] Шахов В.Д. Механизм самоуправления трудового коллектива (организационно-правовые проблемы). Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та. 1990. С. 72.

[45] Вместе с тем автор признает, что в международно-правовой доктрине и практике существуют образования, обладащюие правом совершать определенные юридически значимые действия, но не признаваемые международными организациями, то есть субъектами права (например, БРИКС) *(Ануфриева Л. П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 123-133; Беликова К.М. БРИКС: формы и методы институциализации (выбор направления развития на основе анализа сходных действующих структур). Информационное обеспечение БРИКС // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты: сборник статей / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013. С. 197-221. (429 с.))*, что, однако, не отменяет общетеоретического универсального значения приведенного подхода для отношений, регулируемых внутригосударственным правом, в частности отношений несостоятельности (банкротства).

качества конкретизируются через такие признаки как организационное единство, имущественная обособленность и индивидуализация[46].

Важнейший аспект организационного единства – наличие структуры, обеспечивающей целенаправленное функционирование коллектива как единого целого. Как подчеркивает Мозолин В.П., именно организационное единство позволяет отличить коллективный субъект права от простой совокупности индивидов[47]. Организационное единство, обеспечивающее координацию действий, порождает ключевое для коллективного субъекта свойство – способность формировать и выражать единую волю[48]. Эта воля признается правопорядком как воля самого субъекта, отличная от воль отдельных лиц, его составляющих. Как сформулировал Б. Виндшейд, сущность субъективного права заключается в признанной правопорядком свободе воли, дозволенной законом[49]. Для коллектива это означает способность объединять отдельные желания («хотения», по В. Виндельбанду[50]) индивидов в коллективную волю, подчиненную общему правопорядку, но независимую в своей реализации от воль других субъектов. Формирование такой единой воли – фундаментальный атрибут субъекта права.

Историко-правовая ретроспектива подтверждает универсальность этих критериев. Классическая юриспруденция, восходящая к римскому праву, отождествляет субъекта права с «persona» (правовой маской). Г. Кельзен в «Чистом учении о праве» констатирует: «традиционная теория права отождествляет понятие субъекта права с понятием лица», при этом «лицо – это не только человек как субъект обязанностей и прав», но также и «известные сообщества»[51]. Римская конструкция universitas блестяще реализовала эти признаки: союз обладал субъективными правами, обособленным имуществом, вступал в отношения через

---

[46] Пономарева Е.В. Там же. С. 146.

[47] Мозолин В.П. Система российского права (Доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С. 112.

[48] Луганцев В.М. Коллективные субъекты трудового права // Советское государство и право. 1984. № 4. С. 66.

[49] Виндшейд Б. Учебник пандектного права / Соч. проф. Гейдельберг. ун-та Виндшейда. Т. 1: Общая часть. Санкт-Петербург: Гиероглифов и Никифоров, 1874. С. 108.

[50] Виндельбант В. О свободе воли / Проф. Виндельбандт; Пер. с нем. Г. Сонина, под ред. В.В. Битнера. Санкт-Петербург: В.В. Битнер, 1904. С. 11.

[51] Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. Санкт-Петербург: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 216.

представителей, выступал в суде и сохранял организационное единство и перманентность независимо от состава участников. Признание процессуальной правоспособности муниципий подтверждало применение конструкции лица также к публичным образованиям[52].

Дальнейшее развитие идеи коллективного субъекта представлено в теории Гирке О. о «союзной личности» – признанной правопорядком деятельности человеческого союза как единого целого, отличного от суммы его членов. Эта личность обладает собственной волей, реализуемой через органы, причем деятельность органов – не представительство отдельных членов, а представление самого союза как целого («частное через часть»). Члены союза сохраняют индивидуальную правосубъектность[53]. Современные исследователи, как Козлова Н.В., отмечают, что римская концепция universitas и теория Гирке заложили основы понимания корпорации как самостоятельного субъекта, обладающего атрибутами, аналогичными физическому лицу, что актуально для анализа нетрадиционных коллективных образований[54].

На основе анализа этой концепции Крипак И.И. сформулировал ключевые признаки сложного коллективного субъекта: 1) самостоятельная единая воля; 2) единый правовой интерес и цель; 3) обособленное имущество; 4) организационное единство[55]. Эта мысль перекликается с позицией видного цивилиста Иоффе О.С., указывавшего, что понятие юридического лица возникает для обозначения совокупности (объединения) физических лиц, противопоставляемой в правовом смысле единичному физическому лицу[56].

Развитие теории коллективного субъекта благодаря трудам Мицкевича А.В. вышло за узкие рамки гражданско-правовой правосубъектности. Мицкевич А.В. обосновал ее распространение на все отрасли права, включая в круг коллективных

---

[52] Пономарева Е.В. Там же. С. 22.
[53] Gierke O. v. Deutsches Privatrecht. Allgemeiner Teil und Personenrecht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1895. S. 469-485.
[54] Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. М.: Статут, 2003. С. 119.
[55] Крипак И.И. Сложный коллективный субъект права: проблемы общей теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2006. С. 51.
[56] Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. М.: Статут, 2020. С. 53-55.

субъектов не только юридических лиц, но и разнообразные организации – государство, его органы, иные коллективные образования, формально не обладающие статусом юридического лица, но фактически наделенные правосубъектностью в силу закона и выполняемых функций[57]. Это расширительное понимание подчеркивает, что правосубъектность коллектива не всегда требует формальной регистрации как юридического лица; она может вытекать из его функциональной роли в правопорядке.

Эта совокупность признаков, подтвержденная историческим развитием права и фундаментальными теоретическими построениями, служит универсальным критерием для идентификации носителя правосубъектности. Принципиально важно подчеркнуть, что понимание субъекта права в современной теории не сводится к узкому перечню формально признанных категорий. Как обоснованно указывал Нерсесянц В.С., субъектами права являются все адресаты права, все те, кто находится под его действием и признается им в качестве абстрактного правового лица – возможного носителя прав и обязанностей. В этот широкий круг он включал свободных индивидов, хозяйственные образования, общественные и религиозные организации и т.д.[58] Значимый для настоящего исследования акцент сделан Нерсесянцем В.С. на термине «хозяйственные образования». Употребление этой категории, а не строго определенного понятия «организации с правами юридического лица», позволяет предположить, что под «хозяйственными образованиями» подразумевались различные формы коллективной экономической деятельности, не обладающие формальным статусом юридического лица, но реально наделенные правомочиями. Методологическая ценность подхода Нерсесянца В.С. для настоящего исследования заключается в широком понимании круга субъектов права, выходящего за формальные рамки зарегистрированных юридических лиц (кредиторское сообщество, хоть и не является хозяйствующим субъектом, является коллективным образованием,

[57] Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962. С. 5–33.
[58] Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 509.

наделенным законом комплексом прав по управлению имуществом (конкурсной массой) и защите общего для всех его участников интереса).

Этот подход созвучен с ранее рассмотренной позицией Мицкевича А.В. о фактической правосубъектности коллективных образований, вытекающей из их функциональной роли, и подчеркивает, что правосубъектность может признаваться за образованиями, не вписывающимися, например, в рамки юридического лица, но отвечающими универсальным признакам субъекта права.

Таким образом, опираясь на универсальные признаки субъекта права (обладание правами, организационное единство, имущественная обособленность, индивидуализация, способность к формированию единой воли) и расширительное понимание круга их носителей, включающее коллективные субъекты, наделенные правосубъектностью de facto в силу выполняемых функций, последующее исследование применит эту теоретическую матрицу для анализа природы кредиторского сообщества в деле о банкротстве.

Первооснову конституирования кредиторского сообщества составляет единый правовой интерес и цель, императивно установленные законодателем как ratio всего института несостоятельности[59]: максимально полное и соразмерное удовлетворение требований кредиторов посредством надлежащего формирования и реализации конкурсной массы (ст. 2 Закона о банкротстве). Этот надперсональный, объективно доминирующий интерес нивелирует частные различия в характере и объеме требований кредиторов, выступая их консолидирующим началом.

Организационное единство кредиторского сообщества находит свое институциональное воплощение в законодательно установленной структуре органов: собрания кредиторов (как высшего органа волеобразования) и избираемого им комитета кредиторов (как представительного органа) (ст. ст. 12, 17

[59] При этом автор признает существование иных подходов к определению приоритетных целей института банкротства, которые могут дифференцироваться в зависимости от субъекта конкурсных отношений, конкретной процедуры банкротства и ряда иных факторов (например, Беликова К.М. О конкурсном контроле в контексте тенденций развития несостоятельности (банкротства) предприятий // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 83–96).

Закона о банкротстве). Данные органы не выполняют лишь координационную функцию; они легитимно репрезентуют кредиторское сообщество как целостность в отношениях с арбитражным управляющим, должником и судом. Их решения, принятые в установленной законом процедуре, обладают нормативной силой и обязательны для всего круга лиц, признанных участниками сообщества, включая кредиторов без права голоса (субординированные, зареестровые), но сохраняющих процессуальный статус лица, участвующего в деле.

Ключевой атрибут субъектности – способность к формированию и выражению единой воли – реализуется через собрание и комитет кредиторов. Принятие решений по вопросам, определяющим судьбу процедуры банкротства (утверждение плана внешнего управления, выбор СРО или арбитражного управляющего, заключение мирового соглашения и т.д.), представляет собой не механическую агрегацию индивидуальных предпочтений, а процесс легитимного формирования коллективной воли самого сообщества как единого субъекта. Эта воля, будучи сформирована уполномоченным органом, выступает юридическим фактом, порождающим значимые правовые последствия в рамках дела о банкротстве, что соответствует доктринальной позиции Б. Виндшейда о воле как основе субъективного права.

Переходя к исследованию следующего конституирующего признака правосубъектности – имущественной обособленности – применительно к кредиторскому сообществу в процедуре банкротства, считаем возможным исходить из тезиса, сформулированного Ибрагимовым К.Ю., исследователя феномена юридического обособления имущества в частном праве[60]: признание правопорядком правосубъектности образования может осуществляться посредством регулирования, при котором имущество обособляется для достижения определенной цели или защиты самостоятельного интереса[61].

---

[60] Ибрагимов К.Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 194 с.

[61] Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. №1 (75). С. 44.

Ключевым аргументом в пользу наличия данного признака у кредиторского сообщества выступает законодательно установленный специальный правовой режим конкурсной массы. Этот режим характеризуется строгой функциональной обособленностью данного имущества: оно выделяется из общего состава имущества должника исключительно для целей удовлетворения требований кредиторов в рамках банкротства. Конкурсная масса также не принадлежит отдельным кредиторам, представляя собой целевой имущественный пул, существующий исключительно для погашения кредиторских требований. Однако, при этом, кредиторское сообщество посредством своих органов контролирует осуществляемое арбитражным управляющим управление этим имуществом: например, собрание и комитет кредиторов утверждают отчеты арбитражного управляющего (ст. 143 Закона о банкротстве), дают согласие на сделки с конкурсной массой (ст. 101 Закона о банкротстве), определяют порядок его реализации (ст. 110 Закона о банкротстве).

Как подчеркивает Пономарева Е.В., имущественную обособленность «коллективного субъекта» можно констатировать лишь при условии отличия его имущества от имущества входящих в него лиц[62]. С учетом изложенного, сам факт законодательного закрепления специального режима владения, пользования и распоряжения этой массой, реализуемого, главным образом, арбитражным управляющим под контролем органов кредиторского сообщества (собрания и комитета кредиторов), на наш взгляд, является убедительным проявлением имущественной обособленности, достаточным для этого признака субъектности.

С учетом изложенного, данный способ обособления – в пользу определенного круга лиц для строго установленной законом цели – на наш взгляд, следует квалифицировать как целевое (функциональное) обособление имущества. Хотя оно не соответствует классическим формам обособления по ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (право собственности, хозяйственное ведение, оперативное управление), в контексте

[62] Пономарева Е.В. Там же. С. 167.

банкротства оно обладает аналогичной значимостью по сути и правовым последствиям, обеспечивая юридическое отделение активов от имущества должника и отдельных кредиторов, подчиняя распоряжение исключительно цели кредиторского сообщества.

Цели подобного функционального обособления, хорошо исследованные в доктрине, заключаются, во-первых, в установлении особого порядка управления имуществом (что наблюдается, например, при доверительном управлении по гл. 53 ГК РФ или в отношениях общей собственности по гл. 16 ГК РФ), и, во-вторых, в ограничении распорядительной свободы управомоченного лица (как в случаях ареста или обособления для взыскания).

Аналогичные примеры функционального (целевого) обособления имущества получили развитие в зарубежных правовых системах. Ярким примером служит институт фидуции (fiducie), закрепленный во французском законодательстве и представляющий собой договор, в силу которого одно или несколько лиц (учредителей) передают имущество, права или обеспечения –либо их совокупность, включая будущие, – одному или нескольким фидуциарам. Последние обязуются содержать переданные активы обособленно от собственного имущества и управлять ими в определенных целях в интересах бенефициаров[63]. Как справедливо отмечает Дорошенко Л.А., универсальный характер данной юридической конструкции позволяет наполнять ее разнообразным экономическим содержанием, охватывая направления, исторически сложившиеся еще в римском праве: обеспечительную фидуцию (fiducia cum creditore; фр. la fiducie-sûreté) и фидуцию управления активами (fiducia cum amico; фр. la fiducie-gestion). Именно поэтому цели, достигаемые посредством французской фидуции (как и в случае англо-американского траста), «ограничены лишь степенью развития профессионального воображения юристов»[64]. Важный аспект раскрывают Репин Р.Р. и Дятко А.Н., подчеркивая, что фидуция оперирует не только на

[63] Ионцев М.А. Правовая адгезия, или Реабилитация по-французски: о значимости компромисса в урегулировании несостоятельности: монография. М.: Статут, 2023. С. 127.
[64] Дорошенко Л.А. Обеспечительная фидуция в ГК Франции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 112.

обязательственно-правовом уровне (возлагая на фидуциара обязанность целевого обращения с имуществом), но и на вещно-правовом уровне (ограничивая правомочия собственника-фидуциара и сужая его распорядительную власть над активами). Это позволяет авторам сделать вывод о своеобразном разделении единого права собственности на «экономическую» и «юридическую» составляющие[65].

Обособление конкурсной массы в процедурах банкротства эффективно решает обе эти задачи: оно исключает распорядительную свободу должника в отношении данного имущества и одновременно вводит особый порядок управления им в течение всей процедуры банкротства. Как справедливо отмечает Останина Е.А., подобные примеры функционального обособления (наследственная масса, имущество супругов, крестьянского (фермерского) хозяйства) хорошо известны и российской доктрине, и конкурсная масса органично встраивается в этот ряд[66].

Доктринальные основания такого подхода предоставляет, в частности, немецкая юриспруденция. Как указывает в своем исследовании Останина Е.А., Б. Даунер-Либ определяет обособленное имущество как совокупность прав и обязанностей, принадлежащих лицу, так что отношения по поводу этой совокупности регулируются специальным законодательством, а имущество предназначено для определенных задач, а Ф. Якоби подчеркивает подвижность его состава и связь правовых последствий не с конкретной вещью, а с их совокупностью, описанной общими признаками (наследство, имущество супругов, имущество товарищей и т.д.)[67].

Указанный подход к пониманию имущественной обособленности в немецкой доктрине получило дальнейшее развитие. В данном ключе показательна концепция

---

[65] Репин Р.Р., Дятко А.Н. О доверительном правообладании не для цели обеспечения (fiducia cum amico). Размышления в связи с Определением судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 марта 2024 года № 305-ЭС20-20127(20) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 10. С. 24.

[66] Останина Е.А. Имущественная обособленность физического лица и последствия, с нею связанные // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 56.

[67] Останина Е.А. Там же. С. 52.

особого вещного права (Beschlagsrecht), разработанная Й. Колером[68], который утверждал, что кредиторы в совокупности обладают в отношении имущества должника особым вещным правом, близким по своей природе к праву залога, но не тождественным ему. Идея Й. Колера состоит в том, что указанное право появляется у кредиторов уже со времени прекращения платежей и позволяет им опровергать сделки должника, совершенные в состоянии неплатежеспособности[69]. Эту линию аргументации, квалифицирующую право кредиторов на имущество должника как особое вещное право, сегодня продолжает профессор Беттина Нуннер-Краутгассер, указывая, что в конкурсном процессе действия кредитора направлены не на личность должника, а на его имущество («Diese Rechtsposition ist nach hA54 auf die Vermögenswerte des Schuldners und nicht (wie der Leistungsanspruch) gegen seine Person gerichtet»[70]); владелец вещи может использовать ее и распоряжаться ею, но вещь также несет ответственность перед своими кредиторами («Der Eigentümer einer Sache darf diese (insb) gebrauchen und über sie verfügen; die Sache haftet aber auch seinen Gläubigern im Rahmen der persönlichen Vermögenshaftung»[71]).

Таким образом, проведенный анализ убедительно свидетельствует о наличии у кредиторского сообщества в процедуре банкротства признака имущественной обособленности, конституирующего его правосубъектность. Эта обособленность носит строго функциональный (целевой) характер, юридически оформленный специальным правовым режимом конкурсной массы. Этот режим обеспечивает юридическое отделение имущества как от должника, ограничивая либо полностью исключая его распорядительную свободу в зависимости от процедуры, так и от отдельных кредиторов, подчиняет его использование исключительно цели удовлетворения требований кредиторов и устанавливает особый порядок

---

[68] Kohler J. Lehrbuch des Konkursrechts. Stuttgart, 1891. S. 102-103.

[69] Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. С. 208.

[70] Bettina Nunner-Krautgasser. Zur rechtlichen Qualifikation von Anfechtungsansprüchen in der Insolvenz des Anfechtungsgegners // Juristische Blätter. 2021. № 143. S. 73.

[71] Bettina Nunner-Krautgasser. Haftungsrechtliche Unwirksamkeit infolge Insolvenzanfechtung und ihre Tragweite in der Insolvenz des Anfechtungsgegners [Электронный ресурс] // URL: https://360.lexisnexis.at/d/fachbuch/haftungsrechtliche_unwirksamkeit_infolge_insolvenz/h_87090_000750_87090_Koneceny_ZIKSpezial_4c02bd4dab (дата обращения: 28.09.2025).

управления через арбитражного управляющего под контролем органов кредиторского сообщества.

Индивидуализация и внешняя обособленность кредиторского сообщества в конкурсном процессе не вызывают сомнений. Во-первых, кредиторское сообщество наделено комплексом прав (хоть и только в рамках конкурсных отношений), что подтверждается как судебной практикой, так и доктриной. Так, анализируя стандарт поведения арбитражного управляющего в деле о банкротстве, Кантор Н.Е. обращается к позиции высшей судебной инстанции[72], согласно которой несмотря на наличие у управляющего определенной дискреции, он должен учитывать права и законные интересы кредиторского сообщества, а не отдельных лиц[73].

О наличии у кредиторского сообщества прав и законных интересов также сказано в пункте 12 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 (далее – Обзор от 29.01.2020).

Помимо этого судебной практикой признается за кредиторским сообществом субъективное право требовать взыскания кредиторских убытков[74]; субъективное право требовать признания незаконными действий (бездействия) арбитражного управляющего, отстранения его от исполнения обязанностей[75]; право выбора определенной стратегии получения удовлетворения требований кредиторов[76] и т.д.

---

[72] Кантор Н.Е. Применение business judgment rule в спорах о гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 172.

[73] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2020 № 305-ЭС19-17553 по делу № А40-64173/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[74] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[75] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.11.2024 № Ф09-2062/19 по делу № А60-51084/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[76] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.03.2023 № Ф09-10194/22 по делу № А71-6361/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Помимо прав кредиторского сообщества судебная практика выделяет его обязанности, например, по несению расходов на погашение всех текущих обязательств должника при недостаточности для этих целей конкурсной массы[77].

Во-вторых, интересы кредиторского сообщества защищаются в судебном порядке как интересы единого образования, например, при оспаривании сделок должника или привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Так, Верховный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что в таких обособленных спорах истцом выступает единое сообщество кредиторов, а не конкретные кредиторы или арбитражный управляющий, которые подают заявления и поэтому выступают лишь представителями указанного сообщества, действуя в его интересах[78]. В этой связи вслед за Шевченко И.М.[79] следует признать, что идея о субъектности кредиторского сообщества активно применяется судами для целей применения п. 2 ч. 1 ст. 150 Арбитражного процессуального кодексв Российской Федерации (далее – АПК РФ)[80].

Из указанного следует, что на уровне отечественной доктрины и практики высшей судебной инстанции кредиторское сообщество признается субъектом процессуальных отношений. При этом наличие процессуальной правоспособности является одним из ключевых легальных признаков лица. На это традиционно указывается в отечественной доктрине (например, Шиткина И.С. относит возможность выступать в суде в качестве истца и ответчика к существенным признакам юридического лица[81]; ссылаясь на Гонгало Б.М., в своей работе

---

[77] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.09.2024 № 305-ЭС24-8465 по делу № А40-114902/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[78] Определение Верховного Суда РФ от 22.02.2024 № 301-ЭС23-29035 по делу № А43-27133/2022 // СПС «КонсультантПлюс». Определение Верховного Суда РФ от 27.01.2023 № 307-ЭС22-27042 по делу № А26-2428/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 20.05.2019 № 305-ЭС16-20779(39, 41, 44) по делу № А40-154909/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[79] Шевченко И.М. Некоторые вопросы обращения взыскания на имущество супругов-созалогодателей в делах о банкротстве // Российский судья. 2020. № 6. С. 6.

[80] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95 ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[81] Корпоративное право: учебник / [А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.]; отв. ред. д.ю.н., проф. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019. С. 234.

Дондоков Ж.Д. пишет о наличии у юридического лица права выступать в суде от собственного имени[82]).

Проведенный анализ демонстрирует наличие у кредиторского сообщества всей совокупности универсальных признаков субъекта права: оно обладает организационным единством, реализуемым через систему органов (собрания и комитета кредиторов); способно к формированию и выражению единой воли по ключевым вопросам процедуры; располагает функционально обособленным имуществом (конкурсной массой), непосредственно служащим достижению его цели и находящимся под его контролем; индивидуализировано и внешне обособленно в конкурсном процессе; и, что наиболее существенно, наделено комплексом прав, реализуемых от его имени как целого.

Следовательно, кредиторское сообщество в деле о банкротстве представляет собой особый вид коллективного субъекта права, существующий в течение всего срока процедуры банкротства и обладающий специальной (функциональной) правосубъектностью, производной исключительно от целей и задач института банкротства. Это самостоятельный участник конкурсного процесса, носитель коллективных прав и интересов, отвечающий классическим критериям persona в ее коллективном, процедурно обусловленном воплощении.

Дальнейшая научная задача видится в уточнении объема и содержания этой уникальной правосубъектности и в разработке оптимальных правовых способов реализации ее потенциала в целях повышения эффективности процедур банкротства.

2. Уникальность кредиторского сообщества: синтез черт и самостоятельная природа

Установление факта обладания кредиторским сообществом универсальными признаками субъекта права закономерно ставит вопрос о его месте в системе правовых явлений и характере его правосубъектности. Для выявления sui generis природы данного образования необходим сравнительный анализ с классическими

[82] Дондоков Ж.Д. Гражданская правосубъектность учреждений, являющихся органами публичной власти: дуалистический анализ // Российский юридический журнал. 2024. № 2. С. 95.

гражданско-правовыми конструкциями объединений лиц (корпорациями в широком смысле[83]), прежде всего – с гражданско-правовым сообществом, юридическим лицом и простым товариществом. Такой анализ не только подчеркнет уникальные черты кредиторского сообщества, но и прояснит границы возможной аналогии закона в регулировании его деятельности.

1) Кредиторское сообщество и гражданско-правовое сообщество

Существующие научные труды, в которых косвенно затрагивается феномен кредиторского сообщества, преимущественно редуцируют его сущность до модели гражданско-правового сообщества. Данный вывод конструируется, главным образом, на основе буквального толкования п. 2 ст. 181.1 ГК РФ, где «кредиторы при банкротстве» рассматриваются как участники гражданско-правового сообщества. Так, в трудах Гаевского С.В. проводится аналогия между сообществом участников реструктуризации финансовых организаций (RSA) и гражданско-правовым сообществом кредиторов должника со ссылкой на указанную норму ГК РФ[84]. Аналогично Кресс В.В. включает кредиторов в процедуре банкротства в объем понятия гражданско-правового сообщества как юридической категории, апеллируя к положениям статей 181.1 и 181.2 ГК РФ[85].

Между тем, критический анализ нормативной базы позволяет выявить существенную ограниченность такого подхода. Глава 9.1 ГК РФ, содержащая статьи 181.1 и 181.2, посвящена исключительно вопросам принятия решений собраниями. В своих разъяснениях Верховный Суд РФ прямо отождествляет собрание с гражданско-правовым сообществом, определяя последнее как группу лиц, компетентных принимать решения (п. 103 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской

---

[83] Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / [Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.]; отв. ред. д.ю.н., проф. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. С. 224.

[84] Гаевский С.В. Реабилитационный механизм на стадии предупреждения и восстановительной стадии процесса несостоятельности (банкротства) юридического лица: отличительные особенности // Вестник арбитражной практики. 2024. № 6. С. 12.

[85] Кресс В.В. Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // Предпринимательское право. 2024. № 4. С. 4.

Федерации»[86]). Следовательно, позиция отечественного законодателя, а вслед за ним и высшей судебной инстанции, сводит понятие гражданско-правового сообщества применительно к банкротству исключительно к собранию кредиторов как органу, наделенному правом принятия решений. Ряд ученых также усмотрели данную логику. Например, Поваров Ю.С. пишет, что в терминологии действующего гражданского законодательства, с учетом его сложившейся интерпретации судами, данные образования (как сформированные определенным образом группы лиц) есть гражданско-правовые сообщества[87]. В своей работе Груздев В.В. также обращает на это внимание, объясняя, что, в отличие от кредиторов, собрание кредиторов и комитет кредиторов не находятся в самостоятельных материально-правовых отношениях с должником, поэтому являются процессуально-правовыми сообществами[88].

Этот узкий конструкт не охватывает всей полноты феномена кредиторского сообщества. В его состав помимо кредиторов, обладающих правом голоса на собрании (в соответствии со ст. 12 Закона о банкротстве), также включаются и иные кредиторы. Речь, в частности, идет о субординированных кредиторах (лишенных права голоса на собрании кредиторов[89]) и зареестровых кредиторах (чьи требования не включены в реестр, как предусмотрено абз. 1 п. 4 ст.142 Закона о банкротстве). Ключевым аспектом является то, что несмотря на формальное отсутствие права голоса на собраниях кредиторов, указанные кредиторы обладают статусом лиц, участвующих в деле о банкротстве, и сохраняют имущественный интерес в его исходе. Их требования, пусть и с определенными ограничениями в процедурных правах, подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве и оказывают влияние на общий его ход (на это особенно указывает новая позиция

---

[86] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[87] Поваров Ю.С. Особенности комитета кредиторов как гражданско-правового сообщества // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4. С. 35.

[88] Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 67.

[89] П. 14 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

Верховного Суда РФ, который отметил, что для прекращения дела о банкротстве требуется удовлетворение всех требований, включая субординированных кредиторов[90]), что неоспоримо свидетельствует об их принадлежности к кредиторскому сообществу.

Развивая указанную мысль, следует отметить, что кредиторское сообщество представляет собой объединение кредиторов, которые имеют формально равное положение по отношению к должнику. Это объединение возникает в условиях, когда должник объявляет себя неплатежеспособным. Кредиторы, попадая в такую ситуацию, равным образом сталкиваются с необходимостью защищаться против одного «злодея», и именно в этом контексте формируется кредиторское сообщество.

Представим себе ситуацию, когда небольшая компания, занимающаяся производством мебели, сталкивается с финансовыми трудностями и не может погасить свои долги. У компании есть несколько кредиторов: банк, поставщик материалов и арендодатель складского помещения. Каждый из этих кредиторов имеет свои требования к компании, но в условиях банкротства они оказываются в равном положении: наделяются правом на получение удовлетворения из конкурсной массы и правом на управление в ходе процедуры банкротства *(позитивное проявление принципа равенства кредиторов)*, а также принимают риск возбуждения в отношении должника дела о банкротстве в связи с его трудным финансовым положением *(негативное проявление принципа равенства кредиторов[91])*.

Тем самым в условиях банкротства происходит принудительное изменение условий обязательств, связывающих неплатежеспособного должника и его кредиторов. Как верно рассуждает Суворов Е.Д., кредитору именно потому можно

---

[90] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.06.2025 № 307-ЭС22-25636 (6) по делу № А66-10018/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[91] Суворов Е.Д. Принцип равенства кредиторов как инструмент выявления злоупотреблений в банкротстве: равное равным, различное различным // Закон. 2020. № 9. С. 43.

навязать новые условия, что он является носителем риска невозможности исполнить прежние условия обязательства[92].

Указанное позволяет констатировать, что кредиторское сообщество образуют кредиторы, которые готовы в равном объеме взять на себя бремя неплатежеспособности должника-юридического лица: начиная от необходимости несения расходов на участие в деле о его банкротстве, заканчивая согласием с установленным законом правилом об очередном и пропорциональном удовлетворении требований кредиторов.

С учетом изложенного ответим на вопрос о субъектном составе кредиторского сообщества. Наша позиция такова, что субъектный состав кредиторского сообщества в деле о банкротстве должен быть представлен исключительно кредиторами, обладающими формально-равным статусом, что проявляется в трёх следующих взаимосвязанных элементах.

Во-первых, подчинением таких кредиторов императивному правилу об очередном и пропорциональном удовлетворении требований, закреплённому в ст. 134 Закона о банкротстве.

Во-вторых, наличием у таких кредиторов права участия в деле о банкротстве независимо от фактического объема прав, который зависит от конкретного правового статуса кредитора и размера требований.

В-третьих, наличием у таких кредиторов права на удовлетворение требований из конкурсной массы как общего объекта притязаний кредиторов.

В связи с указанным, статус участника кредиторского сообщества также должен признаваться за кредиторами, требования которых субординированы. Хоть и такие кредиторы не вправе голосовать на собраниях кредиторов[93], тем не менее у них есть иные правовые механизмы управленческого воздействия на процедуру банкротства. Об этом пишет Верховный Суд РФ в своем определении от 26.11.2018

---

[92] Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 97.

[93] п. 14 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

№ 305-ЭС18-11840 по делу № А40-70992/2017, указывая, что «задолженность перед таким кредитором учитывается при определении наличия права на самостоятельное оспаривание сделок по специальным основаниям (п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве), а также при исчислении размера субсидиарной ответственности (п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве)»[94].

Помимо участия в процедуре банкротства на субординированных кредиторов распространяется действие принципа очерёдности и пропорциональности погашения требований кредиторов (п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве), а значит они вправе получить удовлетворение своего требования за счет конкурсной массы. Более того, как недавно в своем определении от 03.04.2025 № 305-ЭС24-22635 по делу № А41-33349/2024 отметил Верховный Суд РФ, субординированные кредиторы (в том числе лица, претендующие на возврат компенсационного финансирования) также имеют право на получение мораторных процентов[95].

Представляется целесообразным также определить, являются ли текущие кредиторы участниками кредиторского сообщества. При анализе их соответствия обозначенным выше трем признакам следует отметить следующее. Текущие кредиторы получают удовлетворение своих требований за счет конкурсной массы, что прямо установлено п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве об очерёдности удовлетворения требований кредиторов. В то же время они не признаются лицами, участвующими в деле о банкротстве (п. 2 ст. 5 Закона о банкротстве). В связи с этим на сегодняшний день с учетом действующего законодательства отсутствуют основания для их включения в состав кредиторского сообщества. В то же время нельзя не отметить, что законопроектом № 1172553-7[96], находящимся с 2021 года на рассмотрении в Государственной Думе РФ, предлагается предоставить таким кредиторам право голоса на собрании кредиторов, в том числе по вопросам

---

[94] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.11.2018 № 305-ЭС18-11840 по делу № А40-70992/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[95] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.04.2025 № 305-ЭС24-22635 по делу № А41-33349/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[96] Законопроект № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7?ysclid=m9d2w3mruv220936701 (дата обращения: 11.02.2025).

назначения и отстранения арбитражного управляющего (пункты 1 и 5 проектируемой редакции ст. 12 Закона о банкротстве). Вероятно, эта инициатива отражает намерение законодателя расширить влияние текущих кредиторов на формирование конкурсной массы, позволив им участвовать в ключевых решениях, которые затрагивают процедуру банкротства.

Также следует отметить особый статус залоговых кредиторов в составе кредиторского сообщества. Указанные кредиторы имеют право голоса на собраниях кредиторов по отдельным вопросам, а по тем, по которым лишены такого права могут выступать по вопросам повестки дня (п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве). Как следует из положений п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве, требования кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, удовлетворяются за счет стоимости предмета залога в порядке, установленном ст. 138 Закона о банкротстве. Следовательно, залоговых кредиторов также следует рассматривать как участников кредиторского сообщества. Данное утверждение не теряет своей обоснованности даже при наличии у них специальных правомочий, позволяющих формировать самостоятельную позицию по отдельным аспектам процедуры. Такая обособленность обусловлена не исключением их из кредиторского сообщества, а спецификой правового режима залога, который, с одной стороны, закрепляет привилегированный статус указанных субъектов[97], а с другой – сохраняет их интеграцию в сообщество кредиторов. Данный вывод подтверждается следующими аспектами:

Во-первых, специфика правового положения залоговых кредиторов не нивелирует их системной роли в кредиторском сообществе. Так, согласно ст. 12 Закона о банкротстве залоговые кредиторы, несмотря на преимущественное удовлетворение требований, сохраняют статус участников дела о банкротстве, что подчеркивает их функциональную связь с иными кредиторами. Так, в частности, они участвуют в собрании кредиторов с правом голоса при решении ключевых

[97] Касьянов А. Привилегированность залогового кредитора // ЭЖ-Юрист. 2015. № 31. С. 11. 246; Суворов Е.Д. Принцип равенства кредиторов как инструмент выявления злоупотреблений в банкротстве: равное равным, различное различным // Закон. 2020. № 9. С. 45.

вопросов (например, выбор арбитражного управляющего), что подчеркивает их роль в формировании воли кредиторского сообщества. Таким образом, обособленность залоговых кредиторов не исключает их из кредиторского сообщества, а лишь определяет специфику участия в нем.

Во-вторых, самостоятельность залоговых кредиторов не имеет абсолютный характер. Так, например, хоть они и сами определяют порядок реализации предмета залога (абз. 2 п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве), тем не менее он может быть изменен по заявлению лиц, участвующих в деле о банкротстве (абз. 3, 4 п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве). Более того, как указано в п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2016)[98], собрание и комитет кредиторов вправе заявлять разногласия относительно порядка и условий проведения торгов по реализации предмета залога. Обусловлено это тем, что определенная часть от суммы, вырученной от реализации предмета залога, в силу ст. 138 Закона о банкротстве направляется в том числе на погашение требований других кредиторов. В этой связи Кораев К.Б. верно отмечает, что необходимость реализации предмета залога под контролем арбитражного управляющего и кредиторов является абсолютно оправданной[99]. Тем самым автономность залоговых кредиторов, в том числе по вопросу продажи предмета залога, не нарушает единства кредиторского сообщества, а определяет порядок реализации предоставленного им «приоритетного» права.

В-третьих, право вето залоговых кредиторов по отдельным вопросам, таким как, например, заключение мирового соглашения (п. 2 ст. 150 Закона о банкротстве), следует рассматривать не как инструмент сепаратизма от кредиторского сообщества, а как гарантию защиты собственных интересов. Данное полномочие, будучи исключительным, направлено на предотвращение ущемления прав залоговых кредиторов в целом. При этом даже указанное право вето может

---

[98] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 3.

[99] Кораев К.Б. Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2008. С. 71.

быть преодолено в судебном порядке[100], то есть если, например, залоговый кредитор без видимых экономических причин отказывается от заключения мирового соглашения, то оно может быть утверждено вопреки его воле[101]. Таким образом, даже исключительные права залоговых кредиторов остаются встроенными в общую систему сдержек и противовесов, обеспечивающую целостность кредиторского сообщества.

Резюмируя проведенный анализ, отметим, что правовая природа статуса залоговых кредиторов сочетает элементы автономии и интеграции. Их обособленность, обусловленная особым режимом залога, не противоречит принадлежности к кредиторскому сообществу, а лишь конкретизирует порядок их участия в нем. Законодатель, предоставляя им специальные полномочия, одновременно устанавливает механизмы подчинения этих прав интересам системы в целом, что подтверждает тезис о диалектическом единстве автономности и коллективности в институте банкротства.

В контексте исследования состава кредиторского сообщества в процедурах банкротства особого внимания заслуживает анализ ситуации де-факто его моносубъектности, при которой совокупность кредиторов редуцирована до единственного носителя требований. Возникает правовая дилемма: сохраняется ли в такой ситуации правосубъектность объединения кредиторов, и существуют ли особенности процедуры банкротства? Данный вопрос закономерен, поскольку кредиторское сообщество как товарищество, корпорация предполагает коллективное взаимодействие для согласования воль множества участников и защиты их общих интересов, что коррелирует с позицией Кулагина М.И., изначально подчеркивавшего, что «механизм товарищества предназначен служить инструментом согласования интересов участников»[102]. Однако эволюция его взглядов, признавшая легитимность юридических лиц с единственным участником

---

[100] Определение Верховного Суда РФ № 308-ЭС22-27464(11,13,14) от 30.01.2025 по делу № А63-6153/2019) // СПС «КонсультантПлюс».

[101] Шевченко И.М. О первом опыте заключения локального мирового соглашения с залоговым кредитором в деле о банкротстве гражданина // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 115.

[102] Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2004. С. 12.

в западной практике, указывает на возможность адаптации институтов коллективного характера к моносубъектным реалиям.

Представляется, что формальное существование кредиторского сообщества при наличии единственного кредитора не нивелирует его правовую природу, но трансформирует механизм реализации его прав. Единственный кредитор обязан действовать в рамках целеполагания, заложенного в кредиторском сообществе, – обеспечения надлежащего формирования конкурсной массы и удовлетворения требований, что приобретает особую значимость в условиях потенциальной динамики реестра (например, появления новых кредиторов). Данный тезис находит подтверждение в аргументации Суворова Е.Д., отмечающего, что «отдельный кредитор не имеет заранее определенного (гарантированного) участия в управлении делом о банкротстве»[103] ввиду изменчивости конфигурации реестра требований кредиторов.

Системное сопоставление с конструкцией «компании одного лица» выявляет универсальность подхода отечественного законодателя к моносубъектным образованиям. Российское право, как справедливо подчеркивает Раевская Т.С., не является новатором в данной области[104], следуя прецеденту Salomon v. Salomon and Co. Ltd (1897 г.), закрепившему принцип обособленности юридического лица независимо от количества участников[105]. Нормативное закрепление «компаний одного лица» в п. 6 ст. 98 ГК РФ и п. 1 ст. 9 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО)[106] (акционерные общества), п. 2 ст. 88 ГК РФ и п. 1 ст. 11 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО)[107] (общества с ограниченной ответственностью), а также в контексте крестьянских хозяйств (п. 2 ст. 1 Закона о КФХ) демонстрирует, что корпоративная форма не

---

[103] Суворов Е.Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex russica. 2020. Т. 73. № 11. С. 32.

[104] Раевская Т.С. Правовое регулирование отношений зависимости между юридическими лицами по законодательству Российской Федерации и Англии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.С. 29.

[105] Компания одного лица (one-man company) [Электронный ресурс] // URL: https://t.me/bettercallKantor/151 (дата обращения: 11.04.2025).

[106] Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

[107] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ.1998. № 7. Ст. 785.

утрачивает функциональности при моносубъектности, сохраняя потенциал для расширения членства. Как указывает Лаптев В.А., «при учреждении КФХ без прав юридического лица одним лицом его можно условно обозначить «компанией одного лица», поскольку один глава олицетворяет собой КФХ, за исключением лишь того обстоятельства, что компания одного лица в юридической литературе обычно рассматривается как корпоративное юридическое лицо, поскольку существует возможность вхождения в ее состав новых членов»[108].

Следовательно, процедурные особенности банкротства при единственном кредиторе обусловлены не качественным изменением правового режима кредиторского сообщества, а количественной редукцией субъектного состава. Единственный кредитор осуществляет полномочия сообщества в полном объеме, руководствуясь его целями, при этом необходимость коллегиальных процедур ipso facto отпадает.

Таким образом, наличие одного кредитора не отменяет правосубъектность сообщества, а лишь указывает на то, что оно представлено в одном лице. Все правила, действующие для множества кредиторов, применяются к единственному кредитору, за исключением тех, что связаны с коллегиальностью. Например, отпадает необходимость голосования, а решения принимаются единолично. Однако это не создает особого режима процедуры банкротства. Это подтверждает универсальность конструкции, которая, как и «компания одного лица» адаптируется к разным условиям, сохраняя функциональность независимо от степени коллективности.

Также представляется необходимым дополнительно отметить, что сравнительный подход к анализу гражданско-правового сообщества и кредиторского сообщества является методологически порочным, поскольку он изначально опирается на правовую конструкцию, сама правосубъектность которой остается дискуссионной в современной отечественной правовой доктрине и не

[108] Лаптев В.А. Общее имущество крестьянского (фермерского) хозяйства - корпоративная собственность коллективного лица? // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 78.

имеет единообразного понимания[109]. Так, по мнению одних ученых гражданско-правовое сообщество не наделено правосубъектностью[110], поскольку оно не числится среди лиц, указанных в подразделе 2 раздела I части первой ГК РФ, а значит не является самостоятельным участником гражданского оборота. Однако оно вправе по ряду вопросов принимать решения[111]. По мнению других, то обстоятельство, что решения собраний участников гражданско-правового сообщества порождают гражданско-правовые последствия, означает, что принятие решения служит юридическим фактом, а лицо, принимающее решение, должно быть правосубъектным[112].

С учетом всего изложенного, утверждение о том, что кредиторское сообщество есть разновидность гражданско-правового сообщества в корне противоречит позиции законодателя. Правовая природа кредиторского сообщества, на наш взгляд, не редуцируется до узкой конструкции гражданско-правового сообщества в значении собрания (ст. 181.1 ГК РФ). Даже при гипотетическом признании такой аналогии, с учетом дискуссионного характера правосубъектности самого гражданско-правового сообщества, это привело бы лишь к отрицанию за кредиторским сообществом гражданской правосубъектности. Данный вывод является явно недостаточным для определения его юридического статуса в рамках правоотношений несостоятельности (банкротства).

2) Кредиторское сообщество и юридическое лицо

Наибольшее методологическое значение обнаруживает функциональное и структурное сходство кредиторского сообщества с корпоративным юридическим лицом. Подобно ему сообщество кредиторов обладает системой органов, формирующих и выражающих его волю[113]. На это указывает наличие действующих

---

[109] Филиппова С.Ю. Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия // Закон. 2022. № 6. С. 34.

[110] Андреев В.К. Правовая природа решения собрания хозяйственного общества // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 29.

[111] Аюшеева И.З. Гражданско-правовые сообщества в условиях экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 102.

[112] Политкин И.А. К вопросу о правосубъектности гражданско-правового сообщества // Цивилист. 2024. № 4. С. 40.

[113] Шиткина И.С. С.Д. Могилевский: вклад ученого в развитие теории и практики применения современного российского корпоративного права // Гражданское право. 2022. № 3. С. 28.

в его интересах собрания кредиторов и комитета кредиторов[114]. Так, собрание кредиторов можно рассматривать функциональным аналогом высшего органа управления (общего собрания участников/акционеров), принимающего стратегические решения, а комитет кредиторов – органа, осуществляющего оперативный контроль и представительство (совет директоров / наблюдательный совет).

Критически важно при этом четко разграничивать следующее. Само кредиторское сообщество, как доказано ранее, выступает в качестве носителя правосубъектности – коллективного субъекта правоотношений несостоятельности, обладающего универсальными признаками persona. В то же время, собрание кредиторов и комитет кредиторов представляют собой не самостоятельные субъекты права, а именно субъекты управления, то есть органы, посредством которых сообщество как целое реализует свою правосубъектность, формирует и выражает свою волю, осуществляет предоставленные ему законом права и полномочия.

Эта дихотомия («субъект права» - «субъекты управления») является фундаментальной и напрямую корреспондирует с конструкцией юридического лица. Подобно тому, как в корпоративном юридическом лице (например, акционерном обществе) само общество является субъектом права, а общее собрание акционеров, совет директоров, единоличный исполнительный орган – это его органы, через которые оно действует (ст. 53 ГК РФ).

Здесь важно отметить, что попытка Верховного Суда РФ в п. 118 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» распространить конструкцию гражданско-правового сообщества на само юридическое лицо («Если гражданско-правовое сообщество

[114] Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М.: Статут, 2015. С. 54. Шишмарева Т.П. Цифровые технологии в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 52. Фролов И.В. Исключение из общего правила активной множественности лиц в деле о банкротстве гражданина // Право и бизнес. 2021. № 1. С. 28.

представляет собой юридическое лицо...»[115]) представляется методологически небезупречной. Данный вывод вступает в противоречие с системным толкованием ГК РФ, где законодатель последовательно разделяет понятия: термин «гражданско-правовое сообщество» используется только в контексте решений собраний (гл. 9.1 ГК РФ), в то время как юридическое лицо рассматривается как самостоятельный, единый субъект права (глава 4 подраздела 2 раздела I ГК РФ), чья правосубъектность не сводится к статусу собрания своих участников. Следовательно, положение п. 118 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» требует критического переосмысления, так как смешивает субъект управления (собрание) с субъектом права (юридическое лицо).

Также необходимо отметить, что несмотря на дискуссионность правового положения руководителя юридического лица в различных правоотношениях и возможность его рассмотрения в разных ипостасях[116], в контексте представительства интересов юридического лица превалирует подход, согласно которому «руководителю нет необходимости становиться субъектом гражданских правоотношений»; «он обладает своими правами и несет свои обязанности, выступая уполномоченным от имени юридического лица»[117].

Кредиторское сообщество организовано аналогичным образом. Собрание кредиторов выступает высшим органом управления (волеобразования) сообщества, посредством которого принимаются решения, определяющие ход процедуры банкротства (ст. 12 Закона о банкротстве). В свою очередь, комитет кредиторов выполняет функции представительного органа сообщества. Он осуществляет текущий контроль за деятельностью арбитражного управляющего, реализует отдельные полномочия, делегированные ему собранием или законом (ст.

---

[115] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[116] Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 285.

[117] Андреев В.К. Корпоративное право современной России: монография / В.А. Лаптев; Ин-т государства и права РАН; В.К. Андреев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. С. 242.

17 Закона о банкротстве). Действия комитета рассматриваются как действия самого кредиторского сообщества (члены комитета действуют от имени и в интересах сообщества как целого, а не от своего имени или от имени отдельных кредиторов).

В рамках настоящего исследования, не углубляясь в излишнюю детализацию, поскольку это выходит за его целевые рамки, следует отметить, что административно-правовая доктрина демонстрирует аналогичный подход, рассматривая государство в качестве субъекта права, а его органы – в качестве субъектов управления[118]. Понятие государственного органа предстает как «технический термин», обозначающий конкретных индивидов или их группы, которые, будучи наделенными определенной компетенцией, конституируются в качестве такого органа государства, выступая по сути инструментальным механизмом осуществления его властных функций[119]. Эта концепция находит параллели в германской правовой традиции. Как подчеркивает Слыщенков В.А., «в действующем немецком праве государственные органы являются не лицами, т.е. не субъектами «внешнего права» (Aussenrecht), но составными частями носителя власти (Verwaltungstrager), например государства в целом»[120]. Таким образом, с позиции данного подхода органы лишены самостоятельной правосубъектности, их функциональное предназначение заключается исключительно в формировании и выражении воли государства, в действии от его имени и в его интересах, а также в опосредованной реализации его прав и обязанностей. При этом необходимо отметить, что анализ нормативных актов, регламентирующих правовое положение органов публичной власти выявляет некоторые особенности их правового статуса в сфере имущественных отношений, что, однако, не умаляет вышеизложенного подхода. Как указывает Кононов В.С., законодатель использует две основные юридико-технические конструкции[121]: указание на то, что орган «обладает правами

---

[118] Коркунов Н.М. Русское государственное право: пособие к лекциям. В 2 т. Т. 2. 6-е изд., под ред. и с доп. М.Б. Горенберга, прив.-доц. С.-Петерб. ун-та. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. С. 498.
[119] Рождественский А.А. Теория субъективных публичных прав. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1913. С. 173-174.
[120] Слыщенков В.А. Участие государства в отношениях, регулируемых гражданским правом: к вопросу о правовом положении государственных органов // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 77.
[121] Кононов В.С. Правосубъектность органов публичной власти в публичном праве // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7. С. 28.

юридического лица» (например, п. 3 ст. 1 Закона г. Москвы от 20.12.2006 № 65 «О Правительстве Москвы»[122]), либо его прямое признание юридическим лицом (например, п. 12 постановления Правительства РФ от 19.06.2012 № 608 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации»[123]). Данные положения свидетельствуют о наделении органов публичной власти гражданской правоспособностью, необходимой для практической реализации их функций в имущественной сфере. В связи с указанным Ломакин Д.В. отмечает, что такое наделение правами юридического лица направлено, прежде всего, на обеспечение участия этих органов в гражданском обороте для удовлетворения государственных интересов и решения общегосударственных задач[124]. Однако, как справедливо подчеркивает Щербакова Ю.В., наделение органа публичной власти правами юридического лица или признание им таковым «толкуется как представление интересов государства, а не как наличие у них самостоятельной отраслевой правосубъектности» [125]. Кононов В.С. верно указывает, что «конструкция «наделение правами юридического лица» не приводит к противопоставлению понятий «орган» и «юридическое лицо». Последнее понятие не относится к общеотраслевым, оно обозначает вид отраслевого субъекта (отраслевая правосубъектность)»[126]. Таким образом, гражданская правосубъектность органов публичной власти, закрепляемая через конструкции обладания правами юридического лица или прямого признания таковым, носит исключительно инструментальный и производный от государства характер (для реализации функций государства и решения государственных задач), не отменяя их статуса как субъектов управления.

---

[122] Закон г. Москвы от 20.12.2006 № 65 «О Правительстве Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. 2007. № 2. Ст. 385.

[123] Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 608 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3526.

[124] Ломакин Д.В. Государственная собственность и государственные предприятия как предмет научного исследования в трудах А.В. Карасса и С.М. Корнеева // Вестник гражданского права. 2025. № 2. С. 87.

[125] Щербакова Ю.В. К вопросу о министерстве как юридическом лице // Законодательство и экономика. 2003. № 10. С. 15.

[126] Кононов В.С. Правосубъектность органа публичной власти в отношениях публичной собственности // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 17.

Таким образом, собрание и комитет кредиторов не обладают собственной, отдельной от кредиторского сообщества правосубъектностью. Их правовая природа – природа органа коллективного субъекта. Они являются инструментами, посредством которых сообщество как носитель правосубъектности реализует свою дееспособность – способность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать обязанности в рамках конкурсного процесса.

Сказанное находит прямое воплощение в подотчетности арбитражного управляющего: он несет обязанности по представлению информации и отчетности исключительно перед кредиторским сообществом в целом, а не отдельными кредиторами. Эта подотчетность реализуется через органы управления кредиторского сообщества – собрание и комитет кредиторов, что исключает обязанность управляющего предоставлять документы по индивидуальным запросам кредиторов. Данный вывод находит прямое подтверждение в судебной практике. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.08.2019 № Ф07-10593/2019 по делу № А56-7230/2017 суд однозначно указал, что «законодательство о банкротстве устанавливает правила отчетности перед кредиторами – ежеквартальные собрания (заседания комитета) кредиторов с рассмотрением результатов проведения конкурсного производства. Прямого указания на предоставление информации каждому кредитору в отдельности нормы Закона о банкротстве не содержат.»[127]. Аналогичная позиция представлена в более позднем деле, где суд подчеркнул, что «Арбитражный управляющий подотчетен собранию кредиторов (комитету кредиторов) и обязан представлять по требованию собрания кредиторов любую информацию, связанную с конкурсным производством. Арбитражный управляющий не обязан проводить аналитическую работу по индивидуальному запросу кредиторов, в том числе сбор и направление документов»[128].

---

[127] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.08.2019 № Ф07-10593/2019 по делу № А56-7230/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[128] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.04.2025 № Ф07-672/2025 по делу № А56-71587/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать наличие структурно-функционального сходства между кредиторским сообществом и корпоративным юридическим лицом. Это сходство проявляется, прежде всего, в наличии у обоих образований схожей системы органов. При этом следует разграничивать статус самого сообщества как носителя правосубъектности (субъект права) и собрания и комитета кредиторов как его органов, не обладающих самостоятельной правосубъектностью и действующих исключительно от имени и в интересах целого (субъекты управления).

Детальный анализ правовой природы собрания и комитета кредиторов, специфики их формирования, компетенции и взаимодействия будет представлен далее в рамках настоящего диссертационного исследования.

Функциональная связь с обособленным имуществом также сближает их: конкурсная масса, хотя и не принадлежит сообществу на праве собственности (п. 1 ст. 131 Закона о банкротстве), выполняет роль, схожую с уставным капиталом или имуществом юридического лица, представляя собой целевой фонд, управляемый в интересах сообщества под его контролем, что находит свое подтверждение в следующем анализе.

Во-первых, целью формирования конкурсной массы является удовлетворение требований кредиторов. Эффективность процедуры банкротства напрямую зависит от объема сформированной конкурсной массы и соразмерного удовлетворения за счет ее стоимости требований кредиторов[129]. В этой связи верно отмечается, что в рамках дела о банкротстве «могут быть приведены в действие различные средства правовой защиты интересов кредиторов, по существу направленные на охрану имущества»[130].

Во-вторых, права распоряжения конкурсной массой фактически принадлежат кредиторскому сообществу. Так, например, в силу ст. 139 Закона о

---

[129] Старкова М.М., Чайка Н.К., Гуськов С.В. Система показателей, характеризующих эффективность реализации процедуры конкурсного производства // Аудитор. 2024. № 5. С. 37.

[130] Гражданское и торговое право капиталистических государств учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Правоведение» / [кандидаты юрид. наук, доценты Е.А. Васильев, В.В. Зайцев, А.А. Костин и др.]; отв. ред.: к.ю.н., доц. Е.А. Васильев. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Международные отношения, 1993. С. 447.

банкротстве собрание кредиторов или комитет кредиторов утверждает порядок продажи имущества должника (конкурсной массы). Как пишет Суворов Е.Д., «право сообщества кредиторов по отношению к конкурсной массе соответствует отдельным проявлениям залогового обеспечения: владение, распоряжение»[131]. В своей докторской диссертации Суворов Е.Д. также пишет, что кредиторы объединены единым объектом притязания – конкурсной массой[132]. При этом арбитражный управляющий оказывает кредиторскому сообществу услуги по наполнению конкурсной массы. Здесь можно провести параллель с отношениями агента и принципала, где арбитражный управляющий – это менеджер, управляющий конкурсной массой, а кредиторы – бенефициары конкурсной массы. В этой связи арбитражный управляющий претендует на удовлетворение своего требования из конкурсной массы, то есть имущества, обособленного для достижения цели кредиторского сообщества. Именно поэтому он является текущим кредитором и получает удовлетворение ранее конкурсных кредиторов. В этом контексте особенно примечательна терминология немецкого права, которая именует таких кредиторов, включая управляющего, кредиторами самой конкурсной массы[133].

Кроме этого, обособленность конкурсной массы в интересах кредиторского сообщества объясняет то, почему именно должником зачастую предпринимаются различные попытки по выводу имущества из конкурсной массы[134] (особенно в преддверии банкротства[135]), в том числе через модель скрытого бенефициарного владения[136].

---

[131] Суворов Е.Д. Банкротное право. М.: Статут, 2023. С. 162.

[132] Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 230.

[133] Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии. Комментарий к действующему законодательству / Папе Г.; пер.: Р.И. Каримуллин; ред.: Т.Ф. Яковлева. М.: Бек, 2002. С. 78.

[134] Банкротство: три способа вернуть имущество в конкурсную массу [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.ru/story/221685/?desc_chrono_1_1 (дата обращения: 10.02.2025).

[135] Пункт 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 1.

[136] Кантор Н.Е. О двойных (множественных) косвенных исках бенефициарных владельцев в интересах подконтрольных корпораций // Закон. 2024. № 8. С. 139.

В-третьих, причинение вреда конкурсной массе влечет за собой убытки для всего кредиторского сообщества[137]. Будылин С. верно рассуждает, что конкурсная масса банкрота не принадлежит доминирующему кредитору единолично; право на свою долю в ней имеют и иные кредиторы, а значит причинение доминирующим кредитором ущерба конкурсной массе причиняет вред всем остальным кредиторам[138].

В-четвертых, тезис об обособленности конкурсной массы в интересах кредиторского сообщества также подтверждается тем, что в судебной практике разделяются кредиторские убытки и корпоративные убытки[139]. Одним из важных последствий такого разделения является то, что к кредиторским убыткам, которые принадлежат кредиторскому сообществу и имеют целью возместить причиненный им вред, возможно применение механизма, установленного ст. 61.17 Закона о банкротстве. Напротив, к корпоративным убыткам, как к активу самого должника (его собственников), этот механизм не может быть применим. По этой причине удовлетворение от права требования о взыскании корпоративных убытков кредиторы в процедуре банкротства могут получить лишь в форме распределения конкурсной массы, но не в порядке уступки такого права требования напрямую кредитору.

Наконец, наиболее ярко идея о том, что конкурсная масса – это целевое обособленное имущество кредиторского сообщества прослеживается при банкротстве имущественной массы должника-иностранного лица, когда даже в его отсутствие кредиторское сообщество самостоятельно с помощью арбитражного управляющего и суда реализует свои права на конкурсную массу. В этой связи в доктрине высказывается мнение, что законодателю необходимо сформировать механизм по «искусственному выделению активов»[140], «резервированию

---

[137] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.09.2024 № 305-ЭС24-8465 по делу № А40-114902/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[138] Будылин С. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 4. С. 46.

[139] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[140] Бандурина Н.В., Гаврилов В.С., Сироткин И.А. К вопросу о трансграничном банкротстве в современной юридической практике // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 6-1. С. 141.

имущества»[141] иностранной организации, находящихся на территории России и необходимых для погашения задолженности перед кредиторами.

При этом, критически важно, на наш взгляд, разграничивать обособление имущества применительно к кредиторскому сообществу и признак имущественной обособленности юридического лица по ст. 48 ГК РФ. Для последнего обособленное имущество служит, прежде всего, базой для самостоятельной имущественной ответственности[142]. В случае же кредиторского сообщества функционально обособленная конкурсная масса служит не базой его ответственности, а именно инструментом достижения строго определенной законом цели под его контролем.

Таким образом, кредиторское сообщество включает в себя определенные черты юридического лица, такие как организационное единство, обеспечиваемое наличием системы формирующих и выражающих его волю органов (собрания и комитета кредиторов) и функциональная имущественная обособленность, объективирующаяся в виде конкурсной массы, находящейся под управлением и контролем сообщества для достижения его цели.

3) Кредиторское сообщество и простое товарищество

Кредиторское сообщество представляет собой юридическую общность, то есть корпорацию в широком смысле этого слова.

Под корпорацией принято понимать общность лиц (universitas personarum), созданную ими для достижения общих целей путем внесения и совместного использования имущественных вкладов[143]. В доктрине наряду с правосубъектными корпорациями (юридические лица) выделяются неправосубъектные с позиции гражданского права корпорации (товарищества)[144].

Такие корпорации, как товарищества, известны как отечественному законодательству, так и торговому праву западноевропейских стран.

---

[141] Мохова Е.В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // Закон. 2016. № 5. С. 142.

[142] Захарова Е.И. Имущественная обособленность коммерческих организаций как признак юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 21; Стройкина Ю.В. Имущественная обособленность как конструктивный признак коммерческой организации: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2002. С. 46.

[143] Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 236.

[144] Суханов Е.А. Там же. С. 242. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. / А.П. Алексеенко, А.М. Баринов, А.Ю. Бушев и др.; под ред. В.Ф. Попондопуло. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. Т. 2. С. 233.

Так, например, отечественное законодательство регламентирует общественные отношения, складывающиеся в рамках сообщества созалогодержателей в части осуществления прав в отношении общего объекта притязаний (ст. 335.1 ГК РФ), общественные отношения, складывающиеся в рамках простого товарищества (гл. 55 ГК РФ). При этом в отечественном праве идея о правосубъектности указанных юридических общностей отрицается.

В современном российском законодательстве крестьянские (фермерские) хозяйства (далее – КФХ) могут функционировать в двух формах. Первая предполагает создание юридического лица на основании ст. 86.1 ГК РФ. Вторая форма, закрепленная в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее – Закон № 74-ФЗ)[145], позволяет вести хозяйственную деятельность без создания юридического лица, что порождает дискуссии о правовой природе таких объединений.

В связи с этим Лаптев В.А. справедливо отмечает, что важно разграничивать корпоративные объединения, обладающие статусом юридического лица, и те, что существуют вне такого статуса. К последним он относит, в частности, созданные несколькими лицами КФХ, инвестиционные товарищества, страховые пулы и иные корпоративные образования[146].

При этом, вопреки отсутствию формального статуса юридического лица, в отечественной доктрине признаётся правосубъектность КФХ, основанных на объединении граждан.

Яркой иллюстрацией служит позиция Харитоновой Ю.С., которая определяет такие КФХ как «гражданско-правовые сообщества с фактической правосубъектностью». Она подчёркивает, что «КФХ, как объединение граждан, обладает правом на имущество, отличное от права собственности каждого гражданина в отдельности»[147]. Это влечёт за собой особый режим такого

---

[145] Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

[146] Лаптев В.А. Общее имущество крестьянского (фермерского) хозяйства – корпоративная собственность коллективного лица? // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 79.

[147] Харитонова Ю.С. Правосубъектность крестьянского (фермерского) хозяйства в свете проблем права общей собственности его членов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 35.

имущества – участники не могут свободно распоряжаться им по своему усмотрению, так как имущество КФХ подчинено коллективному управлению.

Микрюкова Г.А. видит в признании КФХ как объединения лиц правосубъектным образованием механизм правовой оптимизации. По её мнению, это позволит участникам хозяйства разработать внутренние корпоративные нормы, учитывающие специфику аграрного производства, баланс интересов членов и иные факторы, обеспечивающие стабильность хозяйства. Без учета указанных обстоятельств, как она пишет, «устойчивое бесконфликтное функционирование крестьянского (фермерского) хозяйства невозможно»[148].

Интересный аспект в пользу довода о частичной правосубъектности КФХ, как объединения граждан, раскрывает Галкин С.С. через призму законодательства о банкротстве. Он отмечает парадокс: несмотря на непризнание за хозяйством статуса субъекта материальных правоотношений, закон допускает его несостоятельность. Такой подход, по его мнению, обусловлен «необходимостью учета для целей правового регулирования конкурсных отношений характера осуществления хозяйством деятельности и операций с имуществом, связей между участниками» [149].

Таким образом, хотя действующее законодательство прямо не наделяет КФХ как объединение лиц правосубъектностью, юридическая наука обосновывает необходимость её признания. Современная отечественная правовая доктрина демонстрирует, что признание правосубъектности КФХ – даже в частичном объеме – отвечает практическим потребностям: упорядочивает отношения между участниками таких объединений и создаёт правовые механизмы для достижения целей, ради которых они создаются.

В рамках сравнительно-правового анализа следует отметить, что зарубежному законодательству свойственно признание особых форм

---

[148] Микрюкова Г.А. О совершенствовании законодательства о крестьянских (фермерских) хозяйствах. Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16-17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 313.

[149] Галкин С.С. Правовое положение должника-юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 77.

коллективных образований, объединённых общим интересом, вне парадигмы юридического лица. Яркой иллюстрацией данного феномена выступает европейское объединение по экономическим интересам (далее – ЕОЭИ), институционализированное Регламентом Совета ЕЭС № 2137/85 от 25.07.1985 (далее – Регламент)[150].

Как следует из ст. 3 Регламента, целеполагание ЕОЭИ концентрируется на реализации мер, направленных на оптимизацию, развитие и повышение эффективности экономической деятельности участников объединения, при этом изъятие прибыли исключено из его функционального предназначения. Анализ данной нормы позволяет заключить, что ЕОЭИ выполняет сугубо инструментальную роль, будучи ориентированным на организационно-управленческое сопровождение деятельности членов объединения без замещения их коммерческих функций[151].

Важно, что несмотря на закреплённую в Регламенте обязанность государственной регистрации ЕОЭИ, с момента которой оно приобретает правосубъектность (способность осуществлять права и нести обязанность, заключать сделки, совершать иные юридические действия, быть истцом и ответчиком в суде[152]), нормативно избегается квалификация данного образования через традиционную конструкцию юридического лица. Этот дискурс подтверждает существование в европейском правопорядке гибридных моделей корпораций, сочетающих элементы правосубъектности вне рамок категории «юридическое лицо».

В рамках настоящего исследования важно подчеркнуть законодательные изменения в Германии: с 1 января 2024 года вступили в силу изменения в

---

[150] Council Regulation (EEC) № 2137/85 of 25 July 1985 on the European Economic Interest Grouping (EEIG) [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1985/2137/oj (дата обращения: 25.02.2025).

[151] Юрьев М.Е. Европейское объединение по экономическим интересам: особенности правового регулирования создания и деятельности // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 75.

[152] Регламент Совета Европейских Сообществ 2137/85 от 25 июля 1985 г. о Европейском объединении с общей экономической целью [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/2571688/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/ (дата обращения: 25.02.2025).

Германское Гражданское уложение (далее – ГГУ), которые реформировали правовое регулирование статуса товариществ[153][154].

Согласно обновленной редакции § 705 ГГУ товариществом признается объединение лиц, участники которого должны содействовать достижению общей цели. При этом немецкий законодатель не рассматривает наличие имущества в качестве условия для признания объединения товариществом, сделав ключевым критерием именно наличие общей для всех участников цели.

Доктринальные источники также подчеркивают, что определяющим критерием для квалификации объединения как товарищества выступает наличие общей цели, а не иных признаков. Например, Горева А.А. в диссертационном исследовании определяет товарищество как союз лиц, объединенных единой целевой установкой[155]. В. Флюме акцентирует, что ключевым объединяющим фактором товарищества является не распределение доходов, а направленность на систематическое получение прибыли либо ведение предпринимательской деятельности[156]. На основании этого можно заключить, что для признания товарищества правосубъектным образованием требуется наличие у него собственной цели, а не какого-то имущества.

Признание правосубъектности товариществ в Германии изначально сформировалось в судебной практике[157], а уже после нашло отражение в законодательстве[158]. Так, знаковым стало решение Верховного Суда ФРГ № II ZR

---

[153] Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BGB.pdf (дата обращения: 11.04.2024).

[154] При этом автору известно о существовании товариществ, регулируемых Германским торговым уложением (далее – ГТУ). Однако, в отличие от рассматриваемых в исследовании товариществ по ГГУ, товарищества по ГТУ, например, полное товарищество, подлежат регистрации в торговом (коммерческом) реестре *(Эстерлейн Ж.В., Загоруйко И.Ю. Экономико-правовой анализ современных форм товарищеских объединений Германии // Московский экономический журнал. 2019. № 11. С. 342-352)*, что подтверждает их правосубъектность и обособленный от личности товарищей статус полноценного участника гражданского оборота, в связи с чем они исключаются из предмета настоящего исследования.

[155] Горева А.А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 68.

[156] Werner Flume. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts 1977. S. 322.

[157] Наделение гражданских товариществ правоспособностью в Германии: переводы поворотных судебных актов с комментариями [Электронный ресурс] // URL: https://mvgp.org/product/nadelenie-grazhdanskih-tovarishhestv-pravosposobnostju-v-germanii-perevody-povorotnyh-sudebnyh-aktov-s-kommentarijami/ (дата обращения: 11.04.2024).

[158] Горева А.А., Жестовская Д.А. Реформа законодательства о гражданских товариществах в Германии: перевод раздела 16 «Товарищество» Германского гражданского уложения // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. №. 6. С. 124.

331/00 от 29.01.2001 по делу ARGE Weißes Ross[159], где было установлено, что товарищество может быть носителем прав и обязанностей (включая участие в судебных процессах) без статуса юридического лица[160], сохраняя внутреннюю структуру как объединение лиц[161]. Позже, в решении № XII ZR 73/02 от 16.10.2002, суд также подтвердил, что правоспособность товарищества включает возможность совершения им юридически значимых, в том числе процессуальных, действий[162].

В юридическом профессиональном сообществе сегодня отмечается, что с 2024 года § 705 ГГУ предусматривает два вида товариществ[163]:

1) Außen-GbR (внешнее товарищество) – правоспособное объединение, участвующее в правоотношениях по воле своих участников;

2) Innen-GbR (внутреннее товарищество) – неправоспособное объединение, созданное для регулирования правовых отношений между участниками без наличия у него возможности самостоятельно предстать перед внешним миром.

Таким образом, немецкое право признает правосубъектность товарищества при условии наличия общей цели и его способности по воле товарищей участвовать в правовых отношениях, совершать юридически значимые, в том числе процессуальные, действия (Die Gesellschaft kann entweder selbst Rechte erwerben und Verbindlichkeiten eingehen, wenn sie nach dem gemeinsamen Willen der Gesellschafter am Rechtsverkehr teilnehmen soll (rechtsfähige Gesellschaft)).

Отдельно следует отметить подход Шотландии, где товарищества также обладают правосубъектностью[164]. Как указал Верховный суд Шотландии,

---

[159] White Ross decision [Электронный ресурс] // URL: https://de.zxc.wiki/wiki/Wei%C3%9Fes-Ross-Entscheidung (дата обращения: 11.04.2024).

[160] Urteil des II. Zivilsenats vom 29.1.2001 – II ZR 331/00 [Электронный ресурс] // URL: https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=31a8fbd0e75126cb5f9880f051df3044&nr=22085&anz=2&pos=1 (дата обращения: 11.04.2024).

[161] Cahn A., D.C. Donald. Comparative Company law. N.Y.: Cambridge University Press, 2010. P.28.

[162] Beschluss des XII. Zivilsenats vom 16.10.2002 – XII ZR 73/02 [Электронный ресурс] // URL: https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=31a8fbd0e75126cb5f9880f051df3044&nr=24705&anz=2&pos=0 (дата обращения: 11.04.2024).

[163] Die Außen-GbR und die Innen-GbR nach MoPEG: Worin liegt der Unterschied und welche Rechtsfolgen ergeben sich hieraus? [Электронный ресурс] // URL: https://www.anwalt.de/rechtstipps/die-aussen-gbr-und-die-innen-gbr-nach-mopeg-worin-liegt-der-unterschied-und-welche-rechtsfolgen-ergeben-sich-hieraus-222972.html (дата обращения: 11.04.2024).

[164] Partnership Law. Report on a Reference under Section 3(1)(e) of the Law (Commissions Act 1965 The Law Commission and The Scottish Law Commission (Law Com № 283) (Scot Law Com № 192) [Электронный ресурс] // URL:

правосубъектность товарищества прекращает свое действие сразу же после его расторжения[165]. В зарубежной доктрине отмечается, что данный подход потенциально может быть имплементирован в правовую систему Великобритании в будущем[166]. В настоящее время английское право указывает на возможность существования General Partnership как классического для континентального права партнерства (объединение юридических или физических лиц) в качестве самостоятельной экономический единицы вне статуса юридического лица[167].

Иностранному праву также известны такие корпорации, как объединения предпринимателей (купцов), которые согласились действовать под общей вывеской, зарегистрированной в торговом реестре: в немецком праве представлено «Brotgemeinschaft» («сообщество хлеба»), то есть сообщество совместного питания; в швейцарском праве такими предпринимательскими объединениями выступают, например, коллективные общества (Kollektivgesellschaften) [168].

При этом, хоть и за указанными общностями не признается статус юридического лица, тем не менее принято говорить о наличии у таких торговых товариществ частичной правосубъектности[169].

Приведенные разновидности юридических общностей характеризуются наличием общей цели участников, достижение которой возможно путем совместного осуществления принадлежащих им субъективных прав.

С учетом этого несмотря на дискуссионность вопроса о правосубъектности товарищества в целом, следует отметить, что кредиторское сообщество

---

https://paperzz.com/doc/8685570/partnership-law---scottish-law-commission?ysclid=m9seh9kgou708817544 (дата обращения: 11.04.2024).

[165] Report on criminal liability of partnerships [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.uk/government/publications/report-on-criminal-liability-of-partnerships (дата обращения: 11.04.2024).

[166] Mads Andenas, Frank Wooldridge. European Comparative Company Law. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. P. 101.

[167] Чикулаев Р.В. Корпорации и корпоративные финансовые инструменты в российском и зарубежном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2. С. 295.

[168] Крашенинников П.В., Туманов В.Н., Фельдбрюгге Ф., Саймонс В., Суханов Е.А., Сулейменов М.К., Витрянский В.В., Карапетов А.Г., Новак Д.В., Церковников М.А., Архипова А.Г., Зайцев О.Р., Пестов М.М., Жестовская Д.А., Михеева Л.Ю., Горева А.А. Стенограмма Научной конференции «Генезис и развитие российского договорного права», приуроченной к 80-летию со дня рождения С.А. Хохлова // Вестник гражданского права. 2022. № 2. С. 44.

[169] Суханов Е.А. Там же. С. 278.

обнаруживает определенное сходство с конструкцией простого товарищества (гл. 55 ГК РФ).

Данная идея находит подтверждение в доктрине. Например, как указывает Шевченко И.М., «в качестве примеров товариществ в широком смысле можно привести сообщество кредиторов банкротящегося должника»[170]. Шайдуллин А.И. пишет, что кредиторы являются товарищами (хоть и он рассматривает их в качестве недобровольных), которые преследуют общую цель – наиболее полное удовлетворение своих требований[171]. Османова Д.О., развивая данную мысль, ссылается на п. 5 ст. 1044 ГК РФ и указывает, что об общности ведения дел кредиторами в качестве товарищей свидетельствуют принятие решений собранием кредиторов, а также присоединение кредиторов, например, к требованиям заявителя о признании сделки должника недействительной или о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности[172].

Действительно, кредиторское сообщество и простое товарищество представляют собой объединение лиц, основанное для достижения общей цели. В то же время хотя наличие общей цели и позволяет провести аналогию между ними, специфика целеполагания кредиторского сообщества требует отдельного рассмотрения, которому будет посвящен следующий анализ.

Кредиторское сообщество в процедурах банкротства представлено разными по статусу кредиторами, каждый из которых всегда приоритезирует свои собственные интересы над интересами остальных кредиторов. В то же время все участники кредиторского сообщества (рассматривая их в качестве реальных кредиторов, не действующих «в интересах» должника) объединены одной общей целью надлежащего формировании конкурсной массы должника и погашения задолженности[173] (далее – «Единая цель кредиторского сообщества»).

---

[170] Шевченко И.М. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (некоторые размышления на примере дел о банкротстве) // Закон. 2023. № 4. С. 124.

[171] Шайдуллин А.И. Особенности участия связанных с должником кредиторов в процедурах банкротства // Закон. 2020. № 9. С. 55.

[172] Османова Д. О. Правовой режим основных множественностей в процедуре банкрот ства // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 21.

[173] Согоян Д.П. Проблема обеспечения консолидированного интереса кредиторского сообщества в деле о банкротстве: статья в сборнике трудов X Международной научно-практической конференции «Тенденции развития

Есманский А.А. отмечает, что все кредиторы имеют общий интерес – погашение задолженности, и поэтому разумный мажоритарный кредитор не согласует невыгодный для сообщества кредиторов план реструктуризации[174]. Будылин С. указывает, что кредиторы должны двигаться в одном направлении и действовать в интересах общего дела[175].

В этом контексте Карелина С.А. справедливо подчеркивает, что даже активность отдельного кредитора зачастую распространяет свой полезный эффект на все кредиторское сообщество[176]. Это наблюдается, например, при оспаривании сделок должника или привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. В связи с этим Петров Д.А. верно указывает, что кредитор, оспаривая совершенные должником сделки, действует не в своих интересах, а в интересах гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов, в пополнении конкурсной массы[177].

Следует подчеркнуть, что указанный тезис находит концептуальное обоснование в рамках доктрины корпоративного права. Как отмечает Никологорская Е.А., между общим и частным корпоративными интересами существует принципиальная разграничительная линия: они обладают самостоятельным экономико-правовым содержанием, что исключает возможность их прямого и непосредственного отождествления. Общий корпоративный интерес, будучи атрибутом юридического лица как субъекта права, демонстрирует качественные и количественные отличия от частного интереса. Последний формируется в рамках стоимостных параметров участия (акций, долей, паев) и, несмотря на взаимозависимость с общим корпоративным интересом, сохраняет

частного права» (Москва, 30 ноября – 1 декабря 2023 г.). М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). С. 35.

[174] Есманский А.А. Реструктуризация задолженности: как защитить интересы независимых кредиторов // Закон. 2023. № 4. С. 94.

[175] Будылин С. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 4. С. 45.

[176] Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / [Бобылева А. З., Горев Д. Е., Зайцева Ю. А. и др.]; отв. ред.: д.ю.н., проф. С.А. Карелина, к.ю.н., доц. И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. С. 267.

[177] Петров Д.А. Проблемы исчисления срока исковой давности при оспаривании конкурсным кредитором сделок, совершенных должником, по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве // Арбитражные споры. 2018. № 2. С. 92.

специфику своего содержания. Эта двойственность, по мнению исследователя, предопределяет необходимость их раздельного анализа в правоприменительной практике[178].

Возвращаясь к вопросу о единой цели кредиторского сообщества отметим следующее. Анализ актуальной судебной практики позволяет сделать вывод о том, что по результатам споров об оспаривании сделок должника или привлечении к субсидиарной ответственности происходит пополнение конкурсной массы должника в интересах всего кредиторского сообщества, а не только кредитора-заявителя по обособленному спору.

Так, в определении от 14.11.2022 № 305-ЭС22-3458(2) по делу № А40-321381/2019 Верховный Суд РФ указал, что оспаривание сделки в рамках дела о банкротстве представляет собой групповой косвенный иск, так как предполагает предъявление полномочным лицом в интересах группы лиц, объединяющей гражданско-правовое сообщество кредиторов должника, требования, направленного на пополнение конкурсной массы путем признания недействительными действий, препятствующих обращению взыскания кредиторов на имущество[179].

В постановлении от 01.08.2022 № Ф05-15168/2017 по делу № А40-45263/2016 Арбитражный суд Московского округа указал, что привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках производства по делу о банкротстве осуществляется не в интересах конкретного должника, а в интересах всего сообщества кредиторов, а результат такого судебного спора прямо влияет на имущественные права каждого кредитора. Прямым результатом взыскания субсидиарной ответственности в определенном размере является пополнение конкурсной массы должника либо прямое полное или частичное удовлетворение требований кредиторов. В связи с этим разрешая вопрос об оставлении без рассмотрения заявления об определении размера субсидиарной

---

[178] Никологорская Е.И. Гражданско-правовая характеристика интересов акционеров и акционерного общества и их баланса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 73.

[179] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2022 № 305-ЭС22-3458(2) по делу № А40-321381/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

ответственности, к которой ответчик привлечен в рамках дела о банкротстве, суду следовало учитывать права всех иных кредиторов[180].

Данный вывод также нашел отражение в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 14.04.2023 № Ф05-1890/2021 по делу № А40-18792/2018, в котором суд указал, что оставление заявления без рассмотрения только по причине повторной неявки заявителя не допускается, поскольку привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках производства по делу о банкротстве осуществляется не в интересах конкретного заявителя, а в интересах всего сообщества кредиторов, а результат такого судебного спора прямо влияет на имущественные права каждого кредитора[181].

Таким образом, в процедурах банкротства помимо собственных интересов у кредиторов есть общий интерес, заключающийся в максимальном пополнении конкурсной массы должника и погашении задолженности, что и составляет единую цель кредиторского сообщества.

Данный вывод находит свое глубокое обоснование в социально-антропологической природе человека как существа коллективного (homo socius). Как справедливо отмечает Дж. Фрозио, исторически и даже генетически человек предрасположен к сотрудничеству, являясь скорее «кооперативным видом» (a cooperative species), нежели исключительно «человеком экономическим» (Homo economicus)[182]. Институт банкротства, создавая правовую форму для вынужденной консолидации кредиторов перед лицом общей угрозы неудовлетворения их требований, актуализирует эту фундаментальную потребность в объединении усилий. Кредиторское сообщество воплощает диалектику коллективного и индивидуального: объединение усилий ради достижения общей цели (удовлетворения требований) происходит при осознании каждым участником того, что в этом общем деле лежит часть его собственного имущественного блага.

---

[180] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.08.2022 № Ф05-15168/2017 по делу № А40-45263/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[181] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.04.2023 № Ф05-1890/2021 по делу № А40-18792/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[182] Frosio G. User Patronage: The Return of the Gift in the «Crowd Society» // Michigan State Law Review. 2015. № 5. P. 1983.

Однако вышеуказанное сходство служит, главным образом, для оттенения более принципиальных и сущностных отличий, окончательно подтверждающих уникальную природу кредиторского сообщества и невозможность его подведения под классические договорные конструкции.

Ключевое различие коренится в генезисе и природе формирования этих объединений. Простое товарищество возникает исключительно на основе добровольного волеизъявления участников, оформленного гражданско-правовым договором (статья 1041 ГК РФ), выступающим актом автономии их воли. В свою очередь, возникновение кредиторского сообщества детерминировано сложным взаимодействием императивных и диспозитивных начал.

С одной стороны, конституирование кредиторского сообщества происходит в силу прямого предписания закона (ex lege), что отражает императивный характер его природы. Ряд исследователей, включая Родину Н.В.[183], указывают на их принципиальное отличие: кредиторское сообщество, в отличие от договорного товарищества, носит принудительный и недобровольный характер. Видится, что данный подход основан на императивных нормах законодательства о банкротстве (абз. 4 п. 1 ст. 63, абз. 6 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве), которые исключают право кредиторов на индивидуальное взыскание долга через исполнительное производство, обязывая их действовать исключительно в рамках процедуры банкротства. Следовательно, их участие в конкурсном процессе является обязательным лишь в том смысле, что альтернативные способы взыскания долга у кредиторов отсутствуют.

Однако, с другой стороны, следует признать наличие элементов добровольности в формировании кредиторского сообщества. Так, кредитор сам по своему усмотрению решает следующие вопросы: 1) предъявлять требование о включении в реестр требований кредиторов должника или нет; 2) при предъявлении – в каком объеме принуждать должника к исполнению обязанности; 3) прекратить участие в конкурсном процессе, отказавшись от включенных в реестр

[183] Родина Н.В. Субординация требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: монография / под науч. ред. И.В. Фролова. М.: Юстицинформ, 2023. С. 173.

требований, или продолжить участие в процедуре банкротства. Так, например, Шевченко И.М. пишет, что отдельный кредитор выражает свое согласие на вхождение в гражданско-правовое сообщество кредиторов тогда, когда кредитует должника, т.е. совершает в его пользу предоставление по договору или иному основанию[184].

Таким образом, возникновение кредиторского сообщества представляет собой сочетание обязательного правового механизма и свободы действий кредиторов.

Существенное расхождение между простым товариществом и кредиторским сообществом наблюдается и в аспекте целеполагания. Если целью товарищества, в соответствии со ст. 1041 ГК РФ, является извлечение прибыли или достижение иной не противоречащей закону цели, добровольно определяемой самими участниками и фиксируемой в договоре, то цель кредиторского сообщества строго и императивно предопределена законом – удовлетворение требований кредиторов через формирование и реализацию конкурсной массы. Таким образом, если в товариществе цель носит договорный и диспозитивный характер, то кредиторское сообщество, хотя и объединяет лиц вокруг единой цели надлежащего формирования конкурсной массы и погашения задолженности, делает это не на основе добровольного соглашения, а в силу прямого предписания норм права, регулирующих процедуру банкротства, которые и определяют весь механизм взаимодействия кредиторов.

Таким образом, проведенный компаративный анализ убедительно демонстрирует, что кредиторское сообщество не может быть квалифицировано ни как гражданско-правовое сообщество, ни как юридическое лицо, ни как простое товарищество. Оно представляет собой самостоятельное правосубъектное образование уникального типа – sui generis, порожденное спецификой правоотношений несостоятельности (банкротства).

---

[184] Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 69.

В то же время природа кредиторского сообщества носит синтетический характер: с одной стороны, оно заимствует у юридического лица организационное единство, способность формировать единую волю посредством своих органов и функциональную связь с обособленным имуществом, а, с другой стороны, от договорных неправосубъектных объединений лиц оно сохраняет сам факт объединения для общей цели, но отличается принудительным, публично-правовым генезисом, отсутствием договорной основы, специфической установленной законом целью.

Ключевая уникальность кредиторского сообщества заключается в его процедурно-функциональном характере: оно есть временная, создаваемая законом (ex lege) корпоративная общность, существующая строго в рамках и на срок конкретного дела о банкротстве исключительно для реализации целей, установленных законодательством о банкротстве.

Его правосубъектность носит специальный, производный и функциональный характер, не требующий формального признания через статус юридического лица, но реально проявляющийся в комплексе прав и способности выступать единым целым в конкурсном процессе. Таким образом, кредиторское сообщество должно рассматриваться как самостоятельный субъект правоотношений несостоятельности, обладающий правовой природой sui generis.

II. Зарубежный опыт регулирования кредиторского сообщества

Анализ иностранных правопорядков показывает, что подходы к регуляции кредиторского сообщества варьируются от страны к стране, но можно выявить ряд общих тенденций.

В правовой системе большинства стран Содружества Независимых Государств[185] представлен подход российского законодателя: нормативно закрепляется лишь то, что собрание кредиторов представляет интересы всех

[185] Несмотря на денонсацию отдельных соглашений СНГ изучение законодательства его стран-участниц имеет научно-практическую ценность для выявления системных закономерностей в правовом регулировании коллективных механизмов осуществления прав кредиторов в процедурах банкротства в постсоветском пространстве.

кредиторов и действует от их имени в процедурах банкротства. В свою очередь, кредиторское сообщество либо отдельные его признаки никак не упоминаются.

- Армения[186]

Հոդված 38. Պարտատերերի խորհուրդը	***Статья 38. Совет кредиторов***
*1. Պարտատերերի խորհուրդը (այսուհետ՝ խորհուրդ) **ներկայացնում է պարտատերերի շահերը** եւ սույն օրենքով սահմանված կարգով վերահսկողություն է իրականացնում կառավարչի գործունեության նկատմամբ.*	*1. Совет кредиторов (далее – совет) **представляет интересы кредиторов** и осуществляет контроль за деятельностью управляющего в порядке, установленном настоящим Законом.*

- Беларусь[187]

Артыкул 63. Збор крэдытораў	***Статья 63. Собрание кредиторов***
*1. У конкурсным вядзенні, санацыі, ліквідацыйным вядзенні **прадстаўленне інтарэсаў усіх крэдытораў і здзяйсненне ад іх імені ўсіх дзеянняў** у дачыненні даўжніка ажыццяўляе збор крэдытораў.*	*1. В конкурсном производстве, санации, ликвидационном производстве **представление интересов всех кредиторов и совершение от их имени всех действий** в отношении должника осуществляет собрание кредиторов.*

- Казахстан[188]

22-бап. Кредиторлардың оңалту рәсіміне және банкроттық рәсіміне қатысуы	***Статья 22. Участие кредиторов в реабилитационной процедуре и процедуре банкротства***
*1. Оңалту рәсімі және банкроттық рәсімі барысында **барлық кредитордың мүдделерін***	*1. В ходе реабилитационной процедуры и процедуры банкротства **интересы всех кредиторов представляет***

[186]Закон Республики Армения о банкротстве [Электронный ресурс] // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=2881&sel=show&lang=rus (дата обращения: 11.02.2025).
[187] Закон Республики Беларусь об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200227&p1=1&p5=0 (дата обращения: 11.02.2025).
[188]Закон Республики Казахстан о реабилитации и банкротстве [Электронный ресурс] // URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1400000176 (дата обращения: 11.02.2025).

осы Заңға сәйкес ***құрылатын кредиторлар*** *жиналысы білдіреді.*	***собрание кредиторов****, создаваемое в соответствии с настоящим Законом.*

- Кыргызстан[189]

10-берене. Кредиторлор	***Статья 10. Кредиторы***
2. Банкроттук жол-жоболорун колдонууда бардык кредиторлордун таламдарын ушул Мыйзамга ылайык түзүлгөн кредиторлордун чогулушу жана кредиторлордун комитети билдирет.	*2. При применении процедур банкротства* ***интересы всех кредиторов представляют собрание кредиторов и комитет кредиторов,*** *образуемые в соответствии с настоящим Законом.*

- Таджикистан[190]

Моддаи 11. Кредиторон оид ба ӯҳдадориҳои пулӣ	***Статья 11. Кредиторы по денежным обязательствам***
ҳангоми гузаронидани расмияти муфлисшавӣ ***манфиати ҳамаи кредиторонро маҷлиси кредиторон ва кумитаи кредиторон****, ки мутобиқи Қонуни мазкур ташкил карда мешаванд, ифода мекунад.*	*При проведении процедур банкротства* ***интересы всех кредиторов представляют собрание кредиторов и комитет кредиторов,*** *образуемые в соответствии с настоящим Законом.*
Ҳамаи амалҳо дар муносибат бо қарздор аз номи кредиторон ба воситаи маҷлиси кредиторон ва кумитаи кредиторон анҷом дода мешавад.	***Все действия в отношении должника от имени кредиторов осуществляется через собрание кредиторов и комитет кредиторов.***

В законодательстве других юрисдикций прямо или косвенно устанавливается такой признак кредиторского сообщества как наличие общих (коллективных)

---

[189] Закон Кыргызской Республики о банкротстве (несостоятельности) [Электронный ресурс] // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=281&openfulltext=yes (дата обращения: 11.02.2025).

[190] Закон Республики Таджикистан о несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5837&openfulltext=yes (дата обращения: 11.02.2025).

интересов кредиторов (например, Азербайджан, Германия, Грузия). При этом вопрос о наличии кредиторского сообщества, его правосубъектности также не находит отражения в законе.

- Азербайджан[191]

Maddə 50. Kreditorlar Komitəsi	***Статья 50. Комитет кредиторов***
4. Kreditorlar Komitəsi tövsiyələri əmlak administratoruna təqdim etmək hüququna malikdir. Əmlak administratoru bu cür tövsiyələri bütün kreditorların maraqlarına uyğun olması şərtilə nəzərə alır.	*4. Комитет кредиторов имеет право представлять рекомендации администратору имущества. Администратор имущества учитывает такие рекомендации **при условии, что они соответствуют интересам всех кредиторов.***
Maddə 51. Əmlak administratoruna etimadsızlıq votumunun ifadəsi və vəzifədən kənarlaşdırılması.	***Статья 51. Выражение вотума недоверия администратору имущества и отстранение его от должности.***
Ərizəyə baxarkən məhkəmə kreditorların yığıncağının qərarını qəbul edə və ya rədd edə bilər və ya ümumiyyətlə kreditorların maraqlarını nəzərə alaraq əmlak inzibatçısını vəzifəsindən kənarlaşdıra bilər və namizədliyinin kreditorlar yığıncağı tərəfindən irəli sürülməsindən asılı olmayaraq YENİ ƏMLAK inzibatçısı təyin edə bilər.	*При рассмотрении заявления суд может принять или отклонить решение собрания кредиторов либо **с учетом интересов кредиторов в целом**, может отстранить от должности администратора имущества и назначить нового администратора имущества, независимо от того, была ли выдвинута его кандидатура собранием кредиторов.*

- Германия[192]

[191] Закон Азербайджанской Республики о несостоятельности и банкротстве [Электронный ресурс] // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2766&openfulltext=yes (дата обращения: 11.02.2025).
[192] Insolvenzordnung (InsO) § 78 Aufhebung eines Beschlusses der Gläubigerversammlung [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/__78.html (дата обращения: 11.02.2025).

§ 78 Aufhebung eines Beschlusses der Gläubigerversammlung

(1) Widerspricht ein Beschluß der Gläubigerversammlung dem ***gemeinsamen Interesse der Insolvenzgläubiger****, so hat das Insolvenzgericht den Beschluß aufzuheben, wenn ein absonderungsberechtigter Gläubiger, ein nicht nachrangiger Insolvenzgläubiger oder der Insolvenzverwalter dies in der Gläubigerversammlung beantragt.*

§ 78 Отмена решения собрания кредиторов

(1) Если решение собрания кредиторов противоречит ***общим интересам кредиторов по делу о несостоятельности****, суд отменяет это решение, если кредитор, имеющий право на самостоятельное удовлетворение, несубординированный кредитор или арбитражный управляющий ходатайствуют об этом на собрании кредиторов.*

- Грузия[193]

Article 75. Rehabilitation manager

1. A rehabilitation manager shall owe a fiduciary duty towards the creditors of a debtor, which includes a duty to act according to the interests of ***a unity of the creditors of a debtor.***

Статья 75. Управляющий реабилитацией

1. На управляющего реабилитацией возложена фидуциарная обязанность перед кредиторами должника, которая подразумевает обязанность действовать ***исходя из интересов общности кредиторов должника.***

Article 76. Creditors' committee

5. A creditors' committee shall pursue its activities in an impartial manner. ***Members of a creditors' committee may not have private interests different from the interests of a unity of creditors.***

Статья 76. Комитет кредиторов

5. Комитет кредиторов осуществляет деятельность беспристрастно. ***У членов комитета кредиторов не должно быть частных интересов, отличающихся от интересов общности кредиторов.***

[193] Law of Georgia on rehabilitation and the collective satisfaction of creditors' claims [Электронный ресурс] // URL: https://www.matsne.gov.ge/en/document/view/4993950?impose=parallelenru&fullscreen=1&publication=0 (дата обращения: 11.02.2025).

В других зарубежных странах законодательно признаются права и обязанности собрания кредиторов и комитета кредиторов, в частности их право на обращение в суд, оспаривание сделок арбитражного управляющего (например, Италия, США). При этом важно подчеркнуть, что это не просто формальное наделение правами, а реальное признание их процессуальной правосубъектности.

- Италия[194]

Art. 26. (Reclamo contro i decreti del giudice delegato e del tribunale).	***Статья 26. (Жалоба на постановления уполномоченного судьи и суда).***
Salvo che sia diversamente disposto, contro i decreti del giudice delegato e del tribunale, puo' essere proposto reclamo al tribunale o alla corte di appello, che provvedono in camera di consiglio. ***Il reclamo e' proposto dal curatore, dal fallito, dal comitato dei creditori e da chiunque vi abbia interesse.***	*Если не предусмотрено иное, постановление делегированного судьи может быть обжаловано в суд или суд апелляционной инстанции, а также в суд, который принимает решение в закрытом заседании.* ***Жалоба подается ликвидатором, банкротом, комитетом кредиторов и всеми, кто имеет в ней интерес.***
Art. 35. (Integrazione dei poteri del curatore).	***Статья 35. (Продление полномочий управляющего).***
Le riduzioni di crediti, le transazioni, i compromessi, le rinunzie alle liti, le ricognizioni di diritti di terzi, la cancellazione di ipoteche, la restituzione di pegni, lo svincolo delle cauzioni, l'accettazione di eredita' e donazioni e gli atti di straordinaria amministrazione sono effettuate dal curatore, ***previa autorizzazione del comitato dei creditori.***	*Уменьшение исковых требований, мировые соглашения, компромиссы, отказ от судебного разбирательства, признание прав третьих лиц, отмена закладных третьих лиц, аннулирование закладных, возврат залогов, освобождение ценных бумаг, принятие наследства и пожертвований, а также акты чрезвычайного управления* ***осуществляются управляющим с разрешения комитета кредиторов.***
Art. 41. (Funzioni del comitato).	

[194] Legge Fallimentare [Электронный ресурс] // URL: https://www.money.it/IMG/pdf/legge-fallimentare.pdf (дата обращения: 11.02.2025).

Il comitato dei creditori vigila sull'operato del curatore, ne autorizza gli atti ed esprime pareri nei casi previsti dalla legge, ovvero su richiesta del tribunale o del giudice delegato, succintamente motivando le proprie deliberazioni.

Статья 41. (Функции комитета).

Комитет кредиторов осуществляет надзор за действиями ликвидатора, санкционирует его действия и выражает мнение в случаях, предусмотренных законом, или по требованию суда или уполномоченного судьи, кратко излагая причины своих решений.

- США[195]

§ 1102 «Appointment of committees»

(b) ***A committee of creditors*** *appointed under subsection (a) of this section* ***may employ attorneys, accountants, or other agents to represent the committee.***

§ 1102 «Назначение комитетов»

(b) ***Комитет кредиторов****, назначенный в соответствии с подразделом (а) настоящего раздела,* ***может нанимать адвокатов, бухгалтеров или других агентов для представления интересов комитета.***

§ 1103 «Powers and duties of committees»

A committee *appointed under section 1102 of this title* ***may –***

(3)participate in the formulation of a plan, advise those represented by such committee of such committee's determinations as to any plan formulated, and ***collect and file with the court*** *acceptances or rejections of a plan;*

*(4)****request the appointment of a trustee or examiner*** *under section 1104 of this title; and*

§ 1103 «Полномочия и обязанности комитетов»

Комитет, *назначенный в соответствии со статьей 1102 настоящего раздела,* ***вправе****:*

(3) участвовать в разработке плана, сообщать тем, кого представляет такой комитет, о решениях такого комитета в отношении любого сформулированного плана, а также ***составлять и подавать в суд заявления*** *о принятии или отклонении плана;*

(4) ***ходатайствовать о назначении доверительного***

[195]11 U.S. Code Subchapter I - OFFICERS AND ADMINISTRATION [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11/subchapter-I (дата обращения: 11.02.2025).

*(5)**perform such other services** as are in the interest of those represented.*	***управляющего или эксперта** в соответствии со статьей 1104 настоящего раздела; и* *(5) **оказывать другие услуги**, которые отвечают интересам представляемых лиц.*
§ 1109. Right to be heard	***§ 1109 Право быть заслушанным***
*(b)A party in interest, including the debtor, the trustee, **a creditors' committee**, an equity security holders' committee, a creditor, an equity security holder, or any indenture trustee, **may raise and may appear and be heard on any issue in a case** under this chapter.*	*(b)Заинтересованная сторона, включая должника, доверительного управляющего, **комитет кредиторов**, комитет держателей ценных бумаг, кредитора, держателя долевой ценной бумаги или любого доверительного управляющего, **может поднимать вопрос и выступать и быть заслушанным по любому вопросу в деле,** предусмотренном настоящей главой.*

Наконец, отдельные правовые системы признают наличие кредиторского сообщества как самостоятельного правосубъектного образования, которое действует в отношениях несостоятельности (банкротства) через свои органы: собрание кредиторов и комитет кредиторов (например, Швейцария, а Франция – до 1985 года).

- Швейцария[196]

Art. 1164	***Статья 1164***
*1. **The community of creditors is authorised within the bounds of the law to take all measures required to safeguard the collective interests of the bond creditors**, in particular as regards*	*1. **Сообщество кредиторов уполномочено в рамках закона принимать все необходимые меры для защиты коллективных интересов кредиторов** по облигациям, в частности, в отношении любых финансовых*

[196] Federal Act on the Amendment of the Swiss Civil Code (Part Five: The Code of Obligations) of 30 March 1911 (Status as of 1 January 2023) [Электронный ресурс] // URL: https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2023/03/Swiss-Code-of-Obligations.pdf (дата обращения: 02.12.2024).

any financial difficulties encountered by the borrower.	*затруднений, с которыми сталкивается заемщик.*
*2. **The resolutions of the community of creditors are made by the creditors' meeting** and are valid providing they satisfy the requirements laid down by the law in general or for specific measures.*	*2. **Решения сообщества кредиторов принимаются собранием кредиторов** и действительны при условии, что они соответствуют требованиям, установленным законом в целом или для конкретных мер.*

Нормы швейцарского права устанавливают, что сообщество кредиторов может принять необходимые меры по защите общих интересов кредиторов. В рамках этих полномочий федеральный закон признает за ним гражданско-процессуальную правоспособность[197].

- Франция

По ранее действовавшему законодательству Франции кредиторы рассматривались как объединение кредиторов *(masse des créanciers)*, которое признавалось правосубъектным образованием, наделенным правом обращаться в суд и владеть имущественной массой.

Считалось, что арбитражный управляющий действовал в интересах кредиторов и, как следствие, – имущественной массы, а все доходы от его деятельности становились частью этой имущественной массы и распределялись между кредиторами[198].

В своей докторской работе на тему «Коллективные убытки кредиторов в производстве по делу о неплатежеспособности» доктор частного права Абду Туре[199] пишет о концепции «коллективного кредиторского ущерба» и в этой связи

---

[197] Швейцарское финансовое право и международные стандарты / П. Нобель; пер. с нем. Н. Сироткина, Ю. Волобуева, В. Иванова; науч. ред. И.Г. Хубер. 2-е русскоязычное изд. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 742.

[198] Masse (des créanciers) [Электронный ресурс] // URL: https://www.pernaud.fr/info/glossaire/9206799/masse-des-creanciers- (дата обращения: 11.02.2025).

[199] Abdou Toure Docteur en droit privé [Электронный ресурс] // URL: http://crjfc.univ-fcomte.fr/membre/abdou-toure/ (дата обращения: 11.02.2025).

указывает, что совокупность кредиторов может понести коллективный ущерб, который не равен сумме ущерба, понесенного каждым кредитором в отдельности. Данную концепцию Абду Туре основывает на положениях Закона № 67-563 от 13.07.1967 и практике их применения, в соответствии с которыми кредиторы в своей совокупности являлись объединением кредиторов *(«masse des créanciers»)*, обладающим правосубъектностью[200].

•Страны-участники Организации по гармонизации коммерческого права в Африке (ОХАДА)

Страны-участники ОХАДА, в целом воспринявшие французское право, на сегодняшний день исходят из существования объединения кредиторов («masse des créanciers»)[201], что, как указывает в своей докторской работе Доминик Овона-Атангана, служит средством обеспечения равенства кредиторов в процедуре банкротства[202].

Резюмируя исследование зарубежных правопорядков следует отметить следующее. В настоящее время правовые системы демонстрируют разнообразие подходов к регулированию правового статуса кредиторского сообщества. В большинстве стран СНГ (Армения, Беларусь, Казахстан и др.) доминирует минималистский подход, где законодательство ограничивается признанием собрания кредиторов как представителя интересов всех кредиторов, игнорируя концепцию кредиторского сообщества как такового. В других юрисдикциях (например, Азербайджан, Германия, Грузия) акцент смещается на признание коллективных интересов кредиторов, однако правосубъектность кредиторского сообщества остаётся не закрепленной. Более развитые в этом вопросе правовые системы (Италия, США) наделяют собрание и комитет кредиторов процессуальной правосубъектностью, что позволяет им активно участвовать в судебных разбирательствах. Наиболее прогрессивные примеры, такие как Швейцария и

---

[200] Abdou Toure. Le préjudice collectif des créanciers d'une procédure collective. Droit. Université Bourgogne Franche-Comté, 2023. Français. P. 49.

[201] Les procédures collectives en droit sénégalais [Электронный ресурс] // URL: https://cours-de-droit.net/procedures-collectives-droit-senegalais/ (дата обращения: 11.02.2025).

[202] Dominique Owona-Atangana. Le sort des créanciers d'un débiteur en difficultés en droit OHADA à la lumière du droit français: l'égalité en question. Droit. Université Panthéon-Sorbonne - Paris I, 2021. Français. P. 321.

исторически Франция, прямо признают кредиторское сообщество субъектом конкурсных отношений, действующим в процедурах банкротства через собрание и комитет кредиторов.

Таким образом, различия в правовом регулировании кредиторского сообщества в разных юрисдикциях подчеркивают эволюцию регулирования правового статуса кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности (банкротства): от признания собрания кредиторов и комитета кредиторов лишь как представительской структуры до их активного вовлечения, по меньшей мере, в судебный процесс.

III. Реализация правосубъектности кредиторского сообщества

На основе проведенного анализа можно констатировать, что сегодня российское законодательство сосредоточено на правах и обязанностях отдельных кредиторов, игнорируя вопросы правосубъектности кредиторского сообщества в правоотношениях несостоятельности (банкротства). Это затрудняет эффективное коллективное представительство кредиторов и координацию их действий в рамках процедуры банкротства. При этом отечественная судебная практика, напротив, признает наличие у кредиторского сообщества определенных прав, возможность участия в обособленных спорах и наличие у него своих органов – собрания кредиторов и комитета кредиторов.

Для эффективной реализации правосубъектности кредиторского сообщества предлагается последовательное внедрение правового подхода, обеспечивающего единство воли кредиторского сообщества, основанного на приоритете коллективного волеизъявления над индивидуальным в вопросах, затрагивающих единую цель кредиторского сообщества – надлежащее формирование конкурсной массы и погашение задолженности.

Суть данного подхода заключается в установлении принципа монополии органов кредиторского сообщества (собрания и комитета кредиторов) на осуществление действий, существенно влияющих на единую цель кредиторского сообщества. К таким действиям относятся, в частности: оспаривание сделок

должника, предъявление требований о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, иные иски, направленные на формирование, пополнение или сохранение конкурсной массы.

Для этого индивидуальный кредитор, инициирующий подобное требование, обязан предложить его включение в повестку собрания кредиторов. Лишь при отказе во включении вопроса органом кредиторского сообщества, кредитор приобретает право на судебное оспаривание такого решения.

При этом видится обоснованным, судебные расходы по спорам, инициированным органами кредиторского сообщества для достижения его единой цели, отнести на конкурсную массу. Напротив, кредитор, обращающийся с требованием самостоятельно (включая случаи после отказа органов сообщества), должен нести все судебные расходы самостоятельно. Такой подход обеспечивает сдерживающий эффект: необходимость нести бремя расходов отбивает у кредиторов желание необоснованно «закидывать» суд исками, заставляя их тщательно оценивать целесообразность и перспективы таких обращений.

Обоснованность и эффективность предлагаемого подхода находят убедительное подтверждение в банкротстве эмитента облигаций, где интересы всех кредиторов-владельцев облигаций представляет исключительно единый субъект – представитель владельцев облигаций (ПВО) или при его отсутствии депозитарий (абз. 3 п. 7 ст. 16, абз. 2 п. 4 ст. 71 Закона о банкротстве, пп. 8.1 п. 11 ст. 29.1 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»). При этом в реестр включается обобщенное требование ПВО (депозитария) с указанием совокупного размера требований всех кредиторов-владельцев облигаций; требование отдельного владельца облигаций оставляется судом без рассмотрения.

Судебная практика последовательно подтверждает целесообразность данного подхода. Так, например, в определении Верховного Суда РФ от 06.08.2020 по делу № А40-51346/2019 указано, что цель кредитора включиться в реестр

требований кредиторов должника уже достигнута через представителя владельцев облигаций[203][204][205].

Видится, что целью введения особого порядка участия кредиторов в деле о банкротстве должника-эмитента облигаций являлось обеспечение единого подхода в отношении всех кредиторов-владельцев облигаций, упрощения взаимодействия с ними в конкурсном процессе. Как отмечает Фокин Е.А., обращение ПВО в суд по своей процессуальной природе является групповым иском (ст. 225.16 АПК РФ), обеспечивающим коллективную защиту интересов всех кредиторов-владельцев облигаций[206].

Конституционный Суд РФ подтвердил, что данный механизм не нарушает право на судебную защиту, поскольку ПВО (депозитарий) действует в интересах всех кредиторов-владельцев облигаций, а включение его требования в реестр носит процедурный характер, не умаляя имущественных прав кредиторов. Суд указал, что законоположения направлены на обеспечение коллективной защиты интересов владельцев облигаций посредством института представительства, что само по себе является формой судебной защиты и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права кредиторов[207]. Этот вывод сохраняет силу даже в ситуации, когда требование отдельного кредитора-владельца облигаций подтверждается вступившим в законную силу судебным актом, так как последующее включение в реестр в рамках банкротства эмитента подчиняется специальному режиму представительства.

Опираясь на доказанную эффективность указанного подхода, реализующего принцип единства воли кредиторского сообщества (установленного законом и

---

[203] Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2020 № 305-ЭС19-28688(3) по делу № А40-51346/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[204] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2022 № Ф05-9223/2019 по делу № А40-197447/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[205] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.05.2019 № Ф05-4945/2019 по делу № А40-102911/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[206] Фокин Е.А. Защита прав участников рынка ценных бумаг органами конституционного и международного правосудия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 132.

[207] Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 745-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кобракова Ивана Константиновича и Мишарина Михаила Александровича на нарушение их конституционных прав пунктами 9, 10, 16 статьи 29.1, подпунктом 5 пункта 4 статьи 29.2 и пунктами 1 и 3 статьи 29.4 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» // СПС «КонсультантПлюс».

применяемого в российской практике банкротства эмитентов облигаций), предлагается внести следующие изменения в Закон о банкротстве:

Дополнить статью 2 Закона о банкротстве новым абзацем тридцать девятым следующего содержания:

кредиторское сообщество – объединение всех кредиторов, являющиеся лицами, участвующими в деле о банкротстве на дату проведения соответствующего собрания кредиторов или принятия решения комитетом кредиторов, действующее в деле о банкротстве посредством коллективных органов управления (собрания кредиторов и комитета кредиторов) для достижения их общей цели – максимально возможного удовлетворения требований за счет стоимости конкурсной массы.

Дополнить статью 12 Закона о банкротстве новым пунктом 2.1 следующего содержания:

«2.1. К исключительной компетенции собрания кредиторов относится принятие решений о предъявлении от имени кредиторского сообщества требований, влияющих на формирование, пополнение или сохранение конкурсной массы, в том числе заявлений:

об оспаривании сделки должника;

о привлечении к субсидиарной ответственности;

о взыскании убытков с арбитражного управляющего;

об истребовании имущества должника из чужого незаконного владения;

о признании права собственности должника на имущество;

о признании недействительными решений органов управления должника.».

Дополнить Закон о банкротстве новой статьей 15.2. «Порядок предъявления кредиторами требований, влияющих на конкурсную массу»:

«Статья 15.2. «Порядок предъявления кредиторами требований, влияющих на конкурсную массу»:

1. Кредитор, намеревающийся предъявить в деле о банкротстве требование, предусмотренное пунктом 2.1 статьи 12 настоящего Федерального закона (далее – требование, влияющее на конкурсную массу), обязан направить арбитражному

управляющему для внесения в повестку собрания кредиторов мотивированное предложение о предъявлении такого требования от имени кредиторского сообщества.

2. В случае принятия собранием кредиторов решения об отказе от обращения в суд с требованием, влияющим на конкурсную массу (далее – решение об отказе), оно может быть признано недействительным арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, по заявлению такого кредитора ввиду его необоснованности или несоответствия цели кредиторского сообщества.

3. В случае признания решения об отказе недействительным, кредитор вправе предъявить требование, влияющее на конкурсную массу самостоятельно. При этом такое требование предъявляется в защиту интересов кредиторского сообщества, а любое имущество или денежные средства, взысканные по такому требованию, подлежат включению в конкурсную массу.

4. Требование, влияющее на конкурсную массу, предъявленное кредитором без соблюдения порядка, установленного пунктами 1-3 настоящей статьи, подлежит оставлению арбитражным судом без рассмотрения.

5. Судебные расходы по требованиям, указанным в пункте 2.1 статьи 12 настоящего Федерального закона, инициированным собранием кредиторов, относятся на конкурсную массу, а при самостоятельном предъявлении кредитором такие расходы возлагаются на этого кредитора.».

Проведенное исследование обосновывает необходимость законодательного закрепления правосубъектности кредиторского сообщества посредством внедрения правового подхода, обеспечивающего реализацию единства его воли[208]. Таким образом, правосубъектность кредиторского сообщества реализуется через установление исключительной компетенции собрания и комитета кредиторов на предъявление заявлений, влияющих на конкурсную массу (оспаривание сделок, привлечение к субсидиарной ответственности и т.п.), обязательный досудебный фильтр индивидуальных кредиторских инициатив в виде предложения органам

[208] Согоян Д.П. Правосубъектность кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности: теоретическое обоснование и практические следствия // Юридические исследования. 2025. № 8. С. 101-124.

кредиторского сообщества предъявить требование и судебный контроль обоснованности их отказов в этом. Предлагаемые изменения создают условия для полноценной реализации правосубъектности кредиторского сообщества, направленной на достижение цели банкротства – максимального удовлетворения требований кредиторов.

IV.Микро- и макроправовые последствия признания правосубъектности кредиторского сообщества

Признание кредиторского сообщества в процедуре банкротства в качестве коллективного субъекта права неизбежно влечет комплекс значимых правовых последствий. Эти последствия носят многоуровневый характер, затрагивая как внутренние (микро-) отношения в рамках конкурсного процесса и интересы его непосредственных участников, так и макроструктуру правового регулирования несостоятельности, экономические и технологические стратегии российского государства.

Микроправовые последствия носят многоплановый характер и заключаются в следующем.

Законодательное закрепление правосубъектности кредиторского сообщества разрешает фундаментальную проблему легитимации собрания и комитета кредиторов как его органов, которые приобретают бесспорное право выступать от имени и в интересах всех кредиторов при предъявлении ключевых требований, влияющих на конкурсную массу (оспаривание сделок, привлечение к субсидиарной ответственности, взыскание убытков с управляющего и т.д.). Это устраняет хаос и конфликты, неизбежно возникающие при параллельных или противоречивых действиях отдельных кредиторов. Кроме этого, радикально сокращается количество однотипных исков по одному делу о банкротстве – вместо множества индивидуальных заявлений суд рассматривает одно требование, сформулированное и предъявленное уполномоченным органом кредиторского сообщества, что высвобождает значительные судебные ресурсы, ускоряет процедуру и снижает судебные издержки для всех участников.

Признание кредиторского сообщества субъектом отношений несостоятельности создает действенный механизм защиты интересов всех кредиторов, включая пассивных, мелких или лишенных права голоса (например, зареестровых), чьи интересы объективно представлены и защищаются решениями органов сообщества, действующих в общих интересах. При этом индивидуальный кредитор сохраняет право инициировать вопрос через органы кредиторского сообщества и оспаривать в суде необоснованный отказ этих органов действовать, но лишается возможности действовать вопреки коллективно принятому решению по стратегическим вопросам, что предотвращает ситуации, когда активный кредитор, преследуя исключительно личную выгоду, своими действиями наносит ущерб общим интересам.

Кроме этого, признание субъектности кредиторского сообщества влечет ряд значимых правовых последствий, требующих теоретического осмысления и практической имплементации в законодательство о банкротстве, среди которых:

1) институциональное регулирование внутренних отношений между кредиторами:

– нормативное закрепление обязанности кредиторов действовать добросовестно и разумно по отношению друг к другу, не злоупотреблять своими правами в ущерб кредиторскому сообществу и конкурсной массе;

– нормативное закрепление обязанности кредиторов по несению общих расходов, связанных с достижением цели кредиторского сообщества; установление указанных правил минимизирует дисбаланс между экономическими интересами мажоритарных и миноритарных кредиторов, особенно в условиях существенного роста судебных издержек[209], ограничивающих доступ последних к правосудию;

– установление права на «выход» из кредиторского сообщества через механизм выкупа его требований другим кредитором по аналогии со ст. 1049 ГК РФ;

---

[209] Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СЗ РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4955; КС счел конституционным увеличение госпошлин при обращении в суды [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru/russia/1020222 (дата обращения: 10.04.2025).

– установление гарантий защиты миноритарных кредиторов, например, через расширение сферы применения права вето (в настоящее время оно предоставлено, например, залоговым кредиторам при решении вопроса о заключении мирового соглашения), презумпцию недобросовестности решения собрания кредиторов, принятого одним мажоритарным кредитором или несколькими аффилированными между собой кредиторами.

2) правовая регламентация процессуальных аспектов взаимодействия кредиторского сообщества с иными лицами в рамках дела о банкротстве:

– приоритезация общего интереса кредиторов при рассмотрении споров об оспаривании решений собрания и комитета кредиторов;

– признание процессуальных действий одного кредитора, направленных на формирование конкурсной массы, как действия кредиторского сообщества (как, например, при оспаривании сделок должника, привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, взыскании убытков с арбитражного управляющего и т.п.);

– признание участия кредиторов в трансграничных процедурах несостоятельности через кредиторское сообщество, что позволит упростить порядок взаимодействия с иностранными юрисдикциями.

Таким образом, природу правосубъектности кредиторского сообщества следует рассматривать как комплексную, то есть в единстве двух составляющих – материально-правовой (применительно к вопросам конкурсной процедуры, включая вопросы взаимодействия кредиторов между собой) и процессуальной (применительно к процессу по делу о банкротстве, включая вопросы учета цели кредиторского сообщества при рассмотрении обособленных споров, а также порядка рассмотрения косвенных групповых исков кредиторов по конкурсному оспариванию, привлечению к субсидиарной ответственности и т.п.).

С учетом вышеизложенного существует необходимость внести изменения в Закон о банкротстве, в частности, дополнив его новой статьей – «статья 11.1. Обязанности кредиторов в деле о банкротстве» следующего содержания:

«1. Кредиторы, участвующие в деле о банкротстве, обязаны осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении друг друга, должника и иных лиц, участвующих в деле о банкротстве или в процессе по делу о банкротстве, добросовестно и разумно.

Под разумностью действий понимается их соответствие общим интересам всех кредиторов, а также установленным законом целям процедуры банкротства.

2. Кредиторы не вправе использовать свои права в целях причинения вреда общим интересам всех кредиторов, необоснованного затягивания процедуры банкротства, получения необоснованного преимущества в ущерб другим кредиторам.

3. Нарушение обязанностей, предусмотренных настоящей статьей, влечёт ответственность кредитора в виде возмещения им убытков.

4. Арбитражный управляющий, кредитор или должник, а равно иное лицо, участвующее в деле о банкротстве или в процессе по делу о банкротстве, вправе обратиться в арбитражный суд с требованием о применении последствий, предусмотренных пунктом 3 настоящей статьи».

На макроуровне последствия признания правосубъектности кредиторского сообщества носят стратегический характер, напрямую затрагивая интересы российского государства и перспективы развития его экономики.

Признание правосубъектности кредиторского сообщества упрощает конкурсный процесс, концентрирует усилия на общих целях всех кредиторов, снижает судебные издержки и риски злоупотреблений, что в совокупности радикально повышает предсказуемость и эффективность процедур банкротства.

Признание правосубъектности сообщества критически важно для успешной реструктуризации. Единый субъект – кредиторское сообщество – способен гораздо оперативнее принимать сложные, стратегические решения, необходимые для утверждения и реализации плана реструктуризации. Это снижает риски срыва переговоров и соглашений из-за противодействия отдельных кредиторов, делая процедуру реструктуризации более привлекательной. Более того, само кредиторское сообщество, обладая правосубъектностью и механизмами принятия

решений, потенциально может стать источником инвестиций в деятельность должника в ходе финансового оздоровления или внешнего управления.

Представляется перспективным создание единого цифрового профиля «Кредиторское сообщество» на государственных платформах электронного правосудия (например, «Мой Арбитр») и Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ), что позволит концентрировать документооборот и решения в одном месте, повысит прозрачность и скорость процедур за счет автоматизированного информирования кредиторов в режиме реального времени.

Признание кредиторского сообщества единым субъектом служит сигналом для иностранных инвесторов, повышая доверие к российской правовой системе и улучшая инвестиционный климат. В условиях санкций признание приоритета коллективной воли над индивидуальной защищает процедуру банкротства от деструктивных действий кредиторов из недружественных юрисдикций. Кроме того, это облегчает взаимодействие в трансграничных банкротствах, позволяя российскому кредиторскому сообществу выступать единым субъектом в иностранных юрисдикциях, что повышает авторитет российской правовой системы и способствует развитию международного сотрудничества в сфере банкротства.

Резюмируя все изложенное, следует отметить, что признание правосубъектности кредиторского сообщества влечет глубокую позитивную трансформацию на всех уровнях. На микроуровне это выражается в устранении процессуальных коллизий, оптимизации судопроизводства, сбалансировании прав кредиторов и установлении ответственности органов сообщества. На макроуровне стратегические последствия для Российской Федерации проявляются в повышении эффективности банкротства как инструмента экономической политики государства (снижение судебной нагрузки, рост фискальной эффективности), упрощении и повышении успешности реструктуризации компаний, создании мощного катализатора для цифровизации процедур банкротства, а также в укреплении инвестиционного климата и усилении позиций России в трансграничных отношениях в сфере несостоятельности. Дальнейшая разработка конкретных механизмов реализации правосубъектности кредиторского

сообщества, включая создание его цифрового профиля, представляет собой актуальную задачу для законодателя и правоприменительной практики.

§2. Собрание кредиторов и комитет кредиторов как органы кредиторского сообщества

В российской правовой доктрине наблюдается отсутствие консенсуса относительно определения правовой природы собрания и комитета кредиторов.

Ряд исследователей, включая авторитетных представителей научного сообщества, утверждают, что собрание и комитет кредиторов не образуют новое объединение кредиторов и поэтому не могут быть рассмотрены в качестве субъекта права[210]. Аналогичного мнения придерживаются Павлодский Е.А. и Зайцев О.Р.[211], а также Кораев К.Б.[212] и Карнушин В.Е.[213].

В обоснование своей позиции традиционно ссылаются на мнение Шершеневича Г.Ф., который утверждал, что «кроме тех прав, которые принадлежат каждому кредитору в отдельности, в конкурсном процессе не создается вовсе новых прав» и «кредиторы остаются так же разобщены, как и до объявления несостоятельности их должника. Создание общего собрания кредиторов не связано с каким-либо правовым общением: их соединяет общий интерес возможно полного удовлетворения»[214].

Между тем данное постулирование отчасти справедливо лишь для имущественных отношений между кредитором и должником, которые фактически в том виде, в котором возникли, сохраняются на период конкурсного процесса. Тем не менее даже указанные отношения претерпевают существенные изменения в рамках дела о банкротстве, поскольку на основании императивных норм,

---

[210] Валягин В.В. Институт несостоятельности (банкротства) в законодательстве Российской Федерации и Германии: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2007. С. 57.
[211] Павлодский Е.А., Зайцев О.Р. Правовое положение кредитора в деле о банкротстве // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 36.
[212] Кораев К.Б. Неплатежеспособность. Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): монография. М.: Проспект, 2017. С. 162.
[213] Карнушин В.Е. Конкурсное материальное правоотношение // Юридический мир. 2016. № 7. С. 40.
[214] Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 414.

содержащихся в ст. 134 Закона о банкротстве, подлежат прекращению в порядке очередности.

Для отношений участия в коллективном кредиторском управлении должником-юридическим лицом утверждение Шершеневича Г.Ф., на наш взгляд, неприменимо, поскольку до инициирования дела о банкротстве кредитор вообще не имеет каких-либо управленческих прав по отношению к должнику, а после – он их осуществляет совместно с другими кредиторами в рамках собрания и комитета кредиторов.

В качестве доказательства отсутствия у собрания и комитета кредиторов признаков субъекта права приверженцы данной позиции также ссылаются на постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П, согласно пункту 5 которого объединение кредиторов, которое от имени кредиторов кредитной организации принимает решения, не охватывается закрепленным в ст. 30 Конституции РФ понятием «объединение». Объединение кредиторов представляет собой собрание кредиторов кредитной организации, с которыми у кредитной организации заключены гражданско-правовые договоры либо которые признаны таковыми (налоговые и иные уполномоченные органы), а не какое-либо новое объединение физических и юридических лиц, создаваемое по устанавливаемым ими правилам[215].

Указанный вывод Конституционного Суда РФ сделан применительно к положениям главы IV ранее действующего Федерального закона от 08.07.1999 № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций»[216] (далее – Закон о реструктуризации), который под объединением кредиторов рассматривает то же собрание кредиторов (ст. ст. 24, 25 Закона о реструктуризации). Тем самым Конституционный Суд РФ указывает, что объединение кредиторов (что по своей

---

[215] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3161.

[216] Федеральный закон от 08.07.1999 № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3477.

сути есть собрание кредиторов) не образует нового объединения физических и юридических лиц по смыслу ст. 30 Конституции РФ[217].

Безусловно, с данным утверждением нельзя спорить: во-первых, собрание (комитет) кредиторов не образует новый субъект конституционного (ст. 30 Конституции РФ) или гражданского права (подраздел 2 «Лица» разд. 1 «Общие положения» ГК РФ). Они не участвуют в каких-либо иных правоотношениях, кроме как тех, которые возникают в рамках дела о банкротстве; во-вторых, собрание (комитет) кредиторов не образует новое объединение или сообщество лиц. Более того, если быть максимально точным, можно утверждать, что они представляют интересы даже не всего кредиторского сообщества, а лишь его часть – кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника (п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве). При этом кредиторское сообщество должника включает в себя не только «реестровых» кредиторов, но и, например, «зареестровых».

На наш взгляд, имеется достаточно аргументов, подтверждающих, что собрание и комитет кредиторов являются органами кредиторского сообщества и выступают в таком статусе в отношениях, возникающих в рамках дела о банкротстве[218]. Как справедливо отмечал Леон Мишу: «l'organe (de la société) n'est pas quelque chose qui soit distinct d'elle; il est une partie d'elle-même dont elle se sert comme la personne physique se sert de la bouche ou de la main»[219] (в переводе: «орган (сообщества) не является чем-то отличным от него; это часть его самого, которую он использует как физическое лицо использует рот или руку»).

На это указывает отечественная судебная практика. Так, например, при рассмотрении заявлений о принятии обеспечительных мер на проведение собраний (комитетов) кредиторов суды практически единогласно утверждают, что

---

[217] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.02.2024).

[218] Согоян Д.П. Правовой статус органов кредиторского сообщества в деле о банкротстве: статья в сборнике трудов II Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов «Бизнес, менеджмент и право» (Екатеринбург, 24-25 ноября 2023 г.). Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева. 2024. С. 133.

[219] Michoud Léon, La théorie de la personnalité morale et son application au droit français. Notion de personnalité morale. 3e éd., Paris, 1932. P. 60.

недопустимо принимать обеспечительные меры в виде запрета проведения собраний (комитетов) кредиторов, однако допустимо запрещать ему принимать решения по конкретным вопросам. В своем определении от 08.04.2015 № 305-ЭС14-3945 по делу № А41-5150/2011 Верховный Суд РФ объяснил такое решение тем обстоятельством, что собрание кредиторов является органом всех кредиторов и обладает широкой компетенцией, поэтому запрет на его проведение противоречит смыслу обеспечительных мер и выходит за рамки необходимой защиты интересов отдельного кредитора[220].

Для подтверждения вышеуказанного тезиса также видится необходимым проанализировать правовую природу собрания кредиторов и комитета кредиторов на уровне трех равнозначимых существенных аспектов: волевого, организационно-структурного и функционального.

1) Волевой аспект правовой природы собрания (комитета) кредиторов.

При анализе точек зрения ученых складывается единое мнение, что собрание и комитет кредиторов действуют в интересах кредиторов, а не должника. Так, в частности, Шишмарева Т.П. в своих работах указывает, что «собрание кредиторов как орган сообщества кредиторов уполномочен принимать решения, которые определяют движение производства по делу о банкротстве»[221][222]. Фролов И.В. отмечает, что для целей формирования консолидированного мнения кредиторов должника в деле о банкротстве создаются органы сообщества кредиторов (собрание и комитет кредиторов)[223]. Кораев К.Б. отметил, что именно от формируемой собранием (комитетом) кредиторов воли, а не от усмотрения отдельных кредиторов, зависит судьба должника и его имущества[224]. Й. Колер

---

[220] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.04.2015 № 305-ЭС14-3945 по делу № А41-5150/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

[221] Шишмарева Т.П. Защита прав кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 48.

[222] Шишмарева Т.П. Цифровые технологии в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 54.

[223] Фролов И.В. Исключение из общего правила активной множественности лиц в деле о банкротстве гражданина // Право и бизнес. 2021. № 1. С. 28.

[224] Кораев К.Б. Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2008. С. 8.

также писал, что собрание и комитет кредиторов являются органами сообщества кредиторов[225].

Анализ судебной практики позволяет прийти к аналогичному выводу: особенностью проведения процедур банкротства юридического лица является создание специальных органов (собрание кредиторов, комитет кредиторов), представляющих интересы кредиторов в связи с несостоятельностью должника на всех стадиях производства по делу о несостоятельности (банкротстве)[226].

Кроме этого, волеизъявление кредиторского сообщества оформляется специальным актом органов кредиторского сообщества – решением собрания (комитета) кредиторов (что более детально будет рассмотрено в главе 2 настоящего диссертационного исследования).

С учетом указанного, а также опираясь на логику Бритвы Оккама – фундаментального методологического инструментария, требующего исключения избыточных предположений и сложностей при объяснении явлений, следует, что собрание и комитет кредиторов, действуя в интересах кредиторов, формируя и транслируя вовне общую волю кредиторского сообщества, являются органами кредиторского сообщества.

2) Организационно-структурный аспект правовой природы собрания (комитета) кредиторов.

При рассмотрении организационно-структурного аспекта необходимо, прежде всего, обратиться к разработанной в отечественной доктрине теории органов юридического лица[227], значительный вклад в развитие которой также внес Могилевский С.Д. Совершенствуя концепцию, созданную Черепахиным Б.Б., он,

---

[225] Lehrbuch des Konkursrechts. Verf.angabe: von J. Kohler. Verlagsort: Stuttgart. Verlag: Enke. Jahr: 1891. Umfang: XI. S. 401.

[226] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.04.2021 № Ф07-1917/2021 по делу № А56-13301/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.12.2020 № Ф07-12883/2020 по делу № А42-2606/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

[227] Брагинский М. Юридические лица. (Комментарий ГК РФ) // Хозяйство и право. 1998. № 3. С. 15; Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве: Понятие, виды, государственные юридические лица / С.Н. Братусь; Всесоюзный институт юридических наук Минюста СССР. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. С. 66-67, 113; Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. С. 349; Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 43.

как указывает Шиткина И.С., выделил следующие организационно-структурные признаки органа юридического лица[228]:

– организационно обособленная часть юридического лица, представленная либо одним, либо несколькими лицами;

– специальный установленный законом порядок образования;

Данные признаки органа юридического лица также свойственны собранию и комитету кредиторов. Анализируя такой признак, как организационная обособленность, следует отметить, что в силу п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве собрание кредиторов представлено конкурсными кредиторами и уполномоченными органами, требования которых включены в реестр требований кредиторов должника. В свою очередь, состав комитета кредиторов определяется собранием кредиторов, но не может быть менее чем три человека и более чем одиннадцать человек (п. 4 ст. 17 Закона о банкротстве). Из указанного следует, что собрание (комитет) кредиторов – это организационно оформленная часть кредиторского сообщества должника, которая в силу своей коллективной природы всегда представлена несколькими лицами.

Изменения в составе собрания кредиторов не прекращают его существование и не влияют на его наименование и правовое положение, что также характеризует его как организационно стабильную часть кредиторского сообщества должника. Указанным свойством также обладает комитет кредиторов, поскольку, в частности, переизбрание отдельных его членов судебной практикой признается недопустимым[229].

В этой связи все еще неурегулированный вопрос о (не) сохранении юридической силы решения собрания кредиторов, принятого кредитором, требование которого впоследствии признано недействительным, должен быть решен на законодательном уровне с учетом того, что собрание и комитет кредиторов – это организационно стабильные структуры, и поэтому (не)

---

[228] Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. М.: Статут, 2022. С. 24.

[229] п. 5 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

действительность принятых ими решений должна устанавливаться только на дату принятия решения и не зависеть от впоследствии установленных фактов о статусе кредиторов и их требований. При более детальном исследовании указанного вопроса Шевченко И.М. фактически приходит к аналогичному выводу и также отмечает, что констатация того факта, что требование кредитора включено в реестр требований кредиторов на основании определения арбитражного суда, и этот кредитор еще не заменен в реестре требований кредиторов, проста и утилитарна с точки зрения практического применения[230].

В свою очередь, такой признак как специальный установленный законом порядок образования имеет существенное значение для разграничения органов кредиторского сообщества и иных лиц, которые могут представлять интересы кредиторов в силу договора. Правовой механизм образования собрания кредиторов нашел свое нормативное закрепление в ст. 14 Закона о банкротстве, комитета кредиторов – ст. 18 Закона о банкротстве.

3) Функциональный аспект правовой природы собрания (комитета) кредиторов.

Одним из признаков собрания (комитета) кредиторов как органа кредиторского сообщества является наличие у него собственной компетенции. Так, п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве устанавливает перечень вопросов, решение которых отнесено к исключительной компетенции собрания кредиторов.

Собрание кредиторов также может принимать решения по вопросам, которые законом прямо не отнесены к его компетенции (п. 1 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018)[231].

---

[230] Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 73.

[231] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

Однако для этого в совокупности должны быть соблюдены следующие условия:

• собрание кредиторов не должно препятствовать осуществлению процедур банкротства и исполнению арбитражным управляющим его обязанностей;

• собрание кредиторов не должно вторгаться в сферу компетенции иных лиц.

Поскольку указанные условия носят достаточно абстрактный характер (критерии причинения препятствий арбитражному управляющему или вторжения в компетенцию иных лиц не названы), следует признать, что собрание кредиторов обладает широкой компетенцией и, при этом, отсутствует демаркационная линия между тем, что составляет сферу влияния собрания кредиторов и иных участников дела о банкротстве, в том числе арбитражного управляющего.

Отсутствие четкого водораздела чревато тем, что, во-первых, для собрания кредиторов создает риск принятия решений по вопросам, которые не входят в его компетенцию; во-вторых, увеличивает количество споров относительно соответствия принятого собранием кредиторов решения его компетенции; и, в-третьих, при возникновении таких споров дает большой простор судейскому усмотрению.

В этой связи видится необходимым раскрыть критерии причинения препятствий арбитражному управляющему и вторжения в компетенцию иных лиц по меньшей мере следующим образом:

• причинение препятствий арбитражному управляющему:

– законом установлено самостоятельное принятие решения арбитражным управляющим;

– обязывание арбитражного управляющего совершить конкретное действие;

– запрещение арбитражному управляющему совершить конкретное действие.

• вторжение в компетенцию иных лиц:

– законом установлен судебный, административный или иной порядок рассмотрения вопроса;

– обязывание и (или) запрещение иных лиц совершить конкретное действие;

– принятие решения в отсутствие обязательного согласия иных лиц.

В любом случае при принятии собранием кредиторов решения по вопросу, законом прямо не отнесенному к его компетенции, оно должно руководствоваться требованием разумности. Решение должно быть основано на разумной взаимосвязи между деятельностью арбитражного управляющего и (или) иных лиц, с одной стороны, и интересами кредиторского сообщества – с другой. Однако в литературе отмечается, что невозможно определить точный предел разумности, поскольку всегда играет роль большое количество факторов, и поэтому это всегда зависит от конкретного случая[232].

Также считаем, что при возникновении спора относительно того является ли решение собрания кредиторов принятым в рамках его компетенции или нет, оспариваемое решение подлежит оценке с точки зрения его направленности на достижение единой цели кредиторского сообщества.

Компетенция комитета кредиторов, в свою очередь, формируется по принципу остаточной компетенции. Так, на основании п. 1 ст. 17 Закона о банкротстве комитет кредиторов реализует иные предоставленные собранием кредиторов полномочия.

С учетом изложенного видится соответствующим действительности сложившийся в судебной практике подход, согласно которому органы кредиторского сообщества (собрание и комитет кредиторов) наделены широкими полномочиями и поэтому фактически определяют движение производства по делу о банкротстве. Так, Арбитражный суд Московского округа в своем постановлении от 21.09.2023 № Ф05-18602/2023 по делу № А41-85374/2022 указал, что согласно положениям статьи 12 Закона о банкротстве собрание кредиторов является органом

[232] Sponagel M. Informationsrechte des im Insolvenzverfahren: Unter besonderer der Informationspflichten des Insolvenzverwalters dem. Hamburg: Verlag Dr., 2011. S. 21.

всех кредиторов и обладает широкой компетенцией в рамках отношений, вытекающих из несостоятельности (банкротства)[233]. Девятый арбитражный апелляционный суд, к примеру, при рассмотрении апелляционной жалобы по делу № А40-255075/2016 пришел к выводу о том, что собрание кредиторов как орган сообщества кредиторов уполномочен принимать решения, которые определяют движение производства по делу о банкротстве[234].

Среди функциональных признаков органа юридического лица ряд исследователей, в том числе, например, Харитонова Ю.С., помимо компетенции также выделяет такой признак, как наличие у него властных полномочий[235]. В этой связи видится необходимым рассмотреть вопрос об обязательности решений собрания (комитета) кредиторов для лиц, участвующих в деле о банкротстве, а также иных лиц.

Как следует из п. 103 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ решения собрания (комитета) кредиторов – решения, с которыми закон связывает правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений[236].

Арбитражные суды РФ, развивая указанные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, определяют, что собрание кредиторов путем голосования формирует волеизъявление всего сообщества кредиторов, на основе которого принимаются решения, имеющие юридические последствия и обязательные для всех субъектов отношений несостоятельности[237].

---

[233] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.09.2023 № Ф05-18602/2023 по делу № А41-85374/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[234] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.03.2021 № 09АП-7134/2021 по делу № А40-255075/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[235] Харитонова Ю.С. Управление в корпорации: новеллы Гражданского кодекса РФ // Вестник ТвГУ. Серия: Право (2). 2015. № 2. С. 62.

[236] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[237] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2023 № 09АП-83562/2022, 09АП-84348/2022 по делу № А40-222718/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Более того, некоторые решения собрания (комитета) кредиторов имеют «властный» характер, в том числе для суда, рассматривающего дело о банкротстве, в том смысле, что они инициируют процессуальную активность суда, требуя с его стороны подтверждения законности и обоснованности принятого собранием (комитетом) кредиторов решения. Так, например, по результатам первого собрания кредиторов им принимается решение о переходе к следующей за наблюдением процедуре банкротства – финансовому оздоровлению, внешнему управлению, конкурсному производству или мировому соглашению. Указанное решение собрания кредиторов является основанием для введения судом в отношении должника соответствующей процедуры банкротства (п. 1 ст. 75 Закона о банкротстве).

В то же время в судебной практике также представлен подход, согласно которому в силу независимости и самостоятельности арбитражного управляющего, который является профессиональным антикризисным менеджером (в отличие от кредиторов и органов кредиторского сообщества), он не должен «слепо» исполнять решения собрания кредиторов[238]. Поэтому принятое собранием (комитетом) кредиторов решение в некоторых случаях допускается рассматривать как рекомендацию арбитражному управляющему действовать определенным образом. Даже в таком случае арбитражный управляющий должен учесть мнение кредиторов при выборе собственной модели поведения по вопросу, решение по которому принято собранием (комитетом) кредиторов[239].

Таким образом, обязательность решения собрания (комитета) кредиторов многоаспектна, и в зависимости от конкретного случая ее следует рассматривать как либо:

---

[238] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.07.2022 № Ф09-4770/22 по делу № А71-8800/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[239] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

•распространение решения собрания (комитета) кредиторов на всех лиц, участвующих в деле о банкротстве, то есть создает обязательные для них правовые последствия;

•инициирование процессуальной активности суда, выражающейся в подтверждении законности и обоснованности принятого собранием (комитетом) кредиторов решения;

•учет арбитражным управляющим мнения кредиторского сообщества при определении собственной модели поведения в рамках процедуры банкротства.

Следует заметить, что помимо компетенции законом определены принципы деятельности собрания и комитета кредиторов (хоть и прямо они не поименованы в качестве таковых).

Одним из основных принципов функционирования органов кредиторского сообщества является принцип большинства. Это следует из положений ст. 15 Закона о банкротстве, в соответствии с которыми решения собрания кредиторов принимаются либо:

•большинством голосов от числа голосов кредиторов, присутствующих на собрании;

•большинством голосов от числа голосов, включенных в реестр требований кредиторов должника.

Аналогичный законодательный подход нашел свое отражение применительно к регламентации деятельности комитета кредиторов (п. 6 ст. 17 Закона о банкротстве).

При наличии у кредиторов разных целей, размера и характера требований общая воля кредиторского сообщества не может быть сформирована иначе как через принцип большинства. Еще в своих постановлении от 22.07.2002 №14-П[240],

[240] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3161.

определении от 18.10.2012 № 1938-О[241] Конституционный Суд РФ обращал внимание на то, что в силу невозможности выработки единого мнения иным образом воля кредиторского сообщества в рамках принятия решений собранием кредиторов формируется по специальным принципам, отличным от принципа свободного волеизъявления сторон.

Данная специфика деятельности собрания кредиторов и комитета кредиторов была отмечена в работе Карелиной С.А. и Фролова И.В.[242] Представляется возможным согласиться с ними, что несмотря на свое основополагающее значение в вопросе коллективного кредиторского управления принцип большинства не может иметь безграничного действия.

Действительно, правоприменительная практика выработала средство, сдерживающее действие принципа большинства для разрешения конфликта интересов внутри кредиторского сообщества. Таковым является следующий принцип деятельности органов кредиторского сообщества – принцип паритета.

Суть этого принципа заключается в том, что решение собрания (комитета) кредиторов, принятое большинством голосов, тем не менее не может привести к ухудшению положения кредиторов, не голосовавших или голосовавших против принятия данного решения.

Поскольку в настоящее время он активно применяется судами при рассмотрении споров об утверждении мирового соглашения по делу о банкротстве, указанный принцип именуется как принцип реабилитационного паритета. Так, Верховный Суд РФ указывает, что реализация любого реабилитационного плана в деле о банкротстве не должна ухудшать положение возражавших против его утверждения кредиторов по сравнению с тем, как если бы имущество должника продавалось в ликвидационной процедуре (принцип реабилитационного

---

[241] Определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1938-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухова Константина Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 156 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».
[242] Карелина С.А., Фролов И.В. Указ. соч. С. 327.

паритета)[243]. Аналогичные выводы содержатся в судебной практике арбитражных судов[244].

Однако полагаем допустимым распространение данного принципа на все решения собрания (комитета) кредиторов независимо от вопроса, по которому оно принято, и процедуры, в рамках которой данное решение было сделано. Это означает, что при исследовании решения собрания (комитета) кредиторов суд должен проверить его на предмет соответствия принципа паритета: устанавливается, не приводит ли решение к ухудшению положения кредиторов, не голосовавших или голосовавших против принятия данного решения, а также соответствует ли оно критериям экономической целесообразности, разумности и добросовестности. Последние предполагают, что содержание решения должно быть сопоставимо с решениями, которые могли бы быть приняты иным кредиторским сообществом в аналогичных экономико-правовых условиях.

Принцип периодичности деятельности органов кредиторского сообщества отражен в п. 1 ст. 143 Закона о банкротстве. Анализируемая норма предъявляет требование к собранию (комитету) кредиторов с определенной периодичностью (не реже чем один раз в три месяца, если собранием кредиторов не установлено иное) рассматривать отчет конкурсного управляющего о своей деятельности, о ходе (результатах) процедуры конкурсного производства.

При этом п. 1 ст. 143 Закона о банкротстве носят императивный характер и не позволяет арбитражному управляющему самостоятельно определять периодичность проведения собраний (комитетов) кредиторов и предоставления собранию (комитету) кредиторов отчета о своей деятельности, информации о финансовом состоянии должника и его имуществе, а также иной информации в отношении должника.

---

[243] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 308-ЭС20-3526(9,10,12-14) по делу № А32-26161/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[244] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.02.2024 № Ф05-1606/2024 по делу № А40-278566/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.02.2024 № Ф09-4304/21 по делу № А50-26942/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.03.2024 № Ф09-1353/24 по делу № А50-25902/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Поскольку Закон о банкротстве не предусматривает обязанности конкурсного управляющего представлять отчет о своей деятельности отдельному кредитору вне порядка представления отчетов собранию (комитету) кредиторов несоблюдение им принципа периодичности должно быть квалифицировано также как нарушение общей обязанности арбитражных управляющих действовать добросовестно и разумно, в интересах должника, кредиторов, общества (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве).

Принцип информационной открытости деятельности органов кредиторского сообщества, отраженный в Законе о банкротстве, означает публичность деятельности собрания (комитета) кредиторов и доступность полной, актуальной и достоверной информации о ней для лиц, участвующих в деле о банкротстве, а равно иных лиц, в ней заинтересованных.

Так, в соответствии с абз. 10 п. 7 ст. 12 Закона о банкротстве сведения о решениях, принятых собранием кредиторов, или сведения о признании собрания кредиторов несостоявшимся, подлежат включению в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. Согласно абз. 10 п. 7 ст. 12 Закона о банкротстве в указанный реестр также подлежат включению сведения о решениях, принятых на заседаниях комитета кредиторов.

В заключение видится актуальным рассмотрение одного из стержневых принципов деятельности комитета кредиторов, которым является принцип репрезентативности – представительства интересов всех кредиторов[245].

Так, если собрание кредиторов гарантирует каждому кредитору, требование которого включено в реестр, возможность прямого участия в деле о банкротстве (непосредственное участие), то комитет кредиторов транслирует волю кредиторов, которая фактически конструируется представителями не всех, а лишь нескольких кредиторов (опосредованное участие). Осознавая всю небеспочвенность такого постулирования, законодатель указывает, что задача комитета кредиторов – это представлять интересы конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в деле

[245] Согоян Д.П. Репрезентативность как ключевой принцип формирования и деятельности комитета кредиторов // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 136.

о банкротстве (п. 1 ст. 17 Закона о банкротстве). По смыслу указанного речь идет о представительстве интересов всех кредиторов (кредиторского сообщества в целом) без проявления какого-то выборочного подхода по отношению к некоторым из них.

Стоит заметить, что в настоящее время принцип репрезентативности не работает в достаточную силу во многом из-за недостатков действующего правового регулирования порядка формирования комитета кредиторов. Как следует из положений ст. 18 Закона о банкротстве выборы комитета кредиторов осуществляются кумулятивным голосованием. Это означает, что при избрании членов комитета кредиторов каждый кредитор обладает числом голосов, равным размеру его требования в рублях, умноженному на число членов комитета. Следовательно, при формировании комитета кредиторов количество голосов каждого кредитора ставится в зависимость от размера его требования: соответственно, чем больше размер требования, тем больше голосов, и, наоборот.

Как видно, данный порядок формирования комитета кредиторов не обеспечивает представительство интересов всех кредиторов. В любом случае владелец большего количества голосов в гораздо большей степени имеет возможность «наполнить» комитет кредиторов дружественными ему лицами и, как верно отметила Юлова Е.С., единолично решать все возникающие, в том числе судьбоносные для процедуры, вопросы, не считаясь с мнением остальных кредиторов и нередко лишь в своих интересах[246]. Следует согласиться с Габовым А.В., который указал, что, говоря о кумулятивном голосовании, нельзя в полной мере говорить об обеспечении пропорционального представительства, ведь пропорциональное представительство возможно только для относительно крупных участников корпорации[247].

Аналогичная ситуация происходит и при создании комитета кредиторов: кумулятивное голосование зачастую приводит к тому, что комитет наполняется представителями лишь одного лица – мажоритарного кредитора. Отсутствие в

---

[246] Юлова Е.С. Злоупотребление правом при формировании комитета кредиторов: к вопросу о гражданско-правовой ответственности кредиторов при банкротстве // Образование и право. 2016. № 6. С. 143.

[247] Габов А.В. Институт кумулятивного голосования в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2. С. 209.

законе прямого запрета на формирование комитета кредиторов «в одном лице» традиционно истолковывается на практике как предоставление права образовывать комитет именно таким образом (ведь Закон о банкротстве якобы «не предполагает представительства в комитете кредиторов интересов каждого кредитора»[248], а «члены комитета в стремлении заработать часто действуют исключительно в угоду тем лицам, которые их выдвинули в комитет»[249]), чем искажается сущность самого комитета кредиторов и нарушается лежащий в основе его деятельности наиболее ключевой принцип – принцип репрезентативности.

При анализе вопроса о правомерности формирования комитета кредиторов, состоящего из представителей одного лица, в настоящее время можно говорить об отсутствии единообразия судебно-арбитражной практики: суды занимают диаметрально противоположную позицию.

Некоторые суды делают суждения о том, что образование комитета кредиторов, членами которого являются представители одного кредитора, не лишает остальных кредиторов полномочий по реализации предоставленных им законом прав, возможности осуществлять контроль над процедурой банкротства и за деятельностью арбитражного управляющего[250].

Другие усматривают нарушение принципа репрезентативности комитета кредиторов и в связи с этим утверждают, что в ситуации, при которой членами комитета кредиторов являются лишь представители мажоритарного кредитора, нивелируется значение комитета кредиторов как такового, поскольку в любом случае все решения на комитете кредиторов будут приняты фактически представителями мажоритарного кредитора[251], происходит смещение

---

[248] Касьянов А.С. Вопросы выбора способа распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности при рассмотрении заявления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 84.

[249] Юлова Е.С. Проблемы обеспечения баланса частных и публичных интересов при образовании комитета кредиторов // Защита субъективных прав и охраняемых законом интересов в условиях конвергенции частного и публичного права: Сборник материалов VIII ежегодной научно-практической конференции, Москва, 22 мая 2018 года / Ответственный редактор А.П. Горелик. М.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2018. С. 217.

[250] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2023 по делу № А41-98550/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[251] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 01.11.2022 по делу № А69-2932/2021к102 // СПС «КонсультантПлюс».

сбалансированного положения конкурсных кредиторов (в том числе миноритарных) по вопросам контроля за процедурой банкротства и деятельностью конкурсного управляющего[252].

На наш взгляд, при разрешении вопроса о правомерности создания комитета кредиторов «в одном лице» подлежит учету, прежде всего, природа самого комитета кредиторов как органа кредиторского сообщества, основной задачей которого является представительство законных интересов всех кредиторов в процедурах банкротства. Не видится при этом никакой разумной и добросовестной цели для избрания комитета кредиторов в условиях, когда этот комитет будет контролировать один кредитор.

Данный подход представляется верным и некоторым зарубежным исследователям. Так, например, Michelle M. Harner, Jamie Marincic в своей работе обращают внимание, что «a more constructive approach is to strengthen the committee structure going back to a role where committees represent the various classes of creditors»[253], что в переводе с английского означает, что работа комитета кредиторов будет более эффективной, если комитет будет представлять интересы разных кредиторов.

С учетом всего изложенного, в целях обеспечения эффективной работы принципа репрезентативности и, как следствие, функционирования комитета кредиторов представляется необходимым внести изменения в действующее законодательство, прямо установив запрет на создание комитета кредиторов, состоящего исключительно из представителей одного лица, и предусмотрев возможность его избрания при условии наличия в деле о банкротстве не менее пятидесяти кредиторов (что соответствует позиции законодателя, отраженной в п. 2 ст. 17 Закона о банкротстве), в состав которого в обязательном порядке подлежат

---

[252] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.08.2022 № Ф09-4791/22 по делу № А07-31976/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[253] Michelle M. Harner, Jamie Marincic. Committee capture? An empirical analysis of the role of creditors' committees in business reorganizations // U of Maryland Legal Studies Research Paper. 2010. № 2010-47. P. 762.

включению представители не менее пяти кредиторов с наибольшим размером требований.

Проведенный анализ убедительно доказывает, что собрание и комитет кредиторов являются органами кредиторского сообщества в процедуре банкротства, а не новыми субъектами права или объединениями. Их правовая природа раскрывается через три взаимосвязанных аспекта:

1. Волевой аспект: Собрание и комитет формируют и выражают вовне общую волю кредиторского сообщества относительно управления должником, его деятельностью и имуществом, а также ходом процедуры банкротства, действуя исключительно в его интересах на всех стадиях конкурсного процесса. Их решения оформляют позицию кредиторского сообщества по вопросам процедуры банкротства.

2. Организационно-структурный аспект: Собрание и комитет кредиторов представляют собой организационно обособленную и стабильную часть кредиторского сообщества. Их образование, состав и деятельность строго регламентированы Законом о банкротстве, что отличает их от иных представителей интересов кредиторов.

3. Функциональный аспект: Собрание и комитет кредиторов обладают собственной широкой компетенцией, фактически определяя движение и ход процедуры банкротства. Их решения могут порождать обязательные правовые последствия для участников конкурсного процесса.

Собрание и комитет кредиторов как органы кредиторского сообщества, реализуют коллективное кредиторское управление в рамках конкурсных отношений на основе следующих принципов: принцип большинства, принцип паритета, принцип периодичности, принцип информационной открытости, принцип репрезентативности (для комитета кредиторов).

Глава 2. ФОРМЫ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ КРЕДИТОРСКОГО СООБЩЕСТВА В УПРАВЛЕНИИ ДОЛЖНИКОМ-ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Прежде чем перейти к детальному исследованию конкретных форм участия органов кредиторского сообщества в управлении должником-юридическим лицом, представляется необходимым раскрыть суть самой категории «форма».

В философии понятие «форма» трактуется как способ организации и существования явления или предмета[254]. Как отмечают Чулюкин Л.Д., Гурьянова В.В. и Исаев Э.Е., историко-гносеологический анализ демонстрирует эволюцию данного понятия: от кантовской трактовки формы как фактора организации процесса познания и гегелевской диалектики внешней и внутренней форм до современной философской мысли, акцентирующей внимание на роли формы как упорядочивающего начала содержания[255].

В праве понятие «форма» используется в различных концептуальных плоскостях (например, форма права, форма защиты права, правовая форма). Поэтому полисемичность термина «форма» требует конкретизации применительно к предмету настоящего исследования. Поскольку участие органов кредиторского сообщества в управлении должником-юридическим лицом представляет собой деятельность в рамках процедур банкротства, для точного раскрытия сущности формы их участия в конкурсном процессе, на наш взгляд, целесообразно обратиться к категории «процессуальная форма», которая традиционно связана также с регламентированной деятельностью, хоть и участников судебного процесса.

Хотя отечественное законодательство не содержит чёткого определения процессуальной формы, она находит свое отражение в нормативных правовых актах. Например, п. 50 ст. 5 УПК РФ определяет судебное заседание как

---

[254] Основы марксистско-ленинской философии [Текст]: Учебник для студентов вузов / АН СССР. Ин-т философии. М-во высш. и сред. спец. образования СССР. 3-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 5-13.
[255] Гурьянова В.В., Исаев Э.Е., Чулюкин Л.Д. Проблемы процессуальной формы // ВЭПС. 2022. № 2. С. 87,88.

процессуальную форму осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу[256]. В п. 2 ст. 50 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» предусмотрено, что Верховный Суд Российской Федерации осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор[257].

В доктрине отсутствует единство в трактовке процессуальной формы, что связано с её межотраслевым характером. Дискуссии ведутся в рамках уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессуального права, однако консенсус пока не достигнут.

Так, в науке уголовного процесса представлено многообразие мнений относительно сущности процессуальной формы. Например, по мнению Россинского С.Б., процессуальная форма представляет собой установленный уголовно-процессуальным законом порядок производства по уголовным делам[258]. По мнению Алексеева И.М., процессуальная форма – это не только порядок принятия, но и оформления решения по отдельным вопросам и по делу в целом[259]. Зинатуллин З.З. также считает, что под уголовно-процессуальной формой следует рассматривать как порядок осуществления процессуальной деятельности, так и процессуальное оформление ее результатов[260].

Среди административистов наиболее подробную развернутую теоретическую характеристику процессуальной формы и ее понимания приводит Галаган И.А., отмечая, что в понятие процессуальной формы должно войти указание, во-первых, на внутреннее содержание той или иной процессуальной

---

[256] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[257] Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

[258] Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 75.

[259] Алексеев И.М. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной формы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1(35). С. 68.

[260] Зинатуллин З.З. Парадоксы уголовно-процессуальной формы в УПК РФ // Зинатуллин З.З. Избранные труды. Т. 2. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. URL: https://avidreaders.ru/download/izbrannye-trudy-tom-ii1.html?f=fb2 (дата обращения: 11.04.2025).

формы, во-вторых, на внешнее выражение, проявление и оформление этого содержания[261]. Также он пишет, что «главное назначение процессуальной формы состоит в том, чтобы закрепить специфику правового регулирования деятельности, основных требований, предъявляемых к порядку и процедуре ее осуществления, а также оформления и закрепления в процессуальных актах»[262]. Спиридонов П.Е. считает, что административно-процессуальная форма есть внешнее выражение организации административно-процессуальной деятельности субъектов административно-процессуальных правоотношений, к которой относятся административно-процессуальные действия, сроки совершения этих действий и принятия административно-процессуальных решений[263]. Сегодня данной проблематике также посвятили свои исследования такие ученые-административисты как, например, Лещина Э.Л.[264], Стахов А.И.[265].

В науке гражданского процессуального права также употребляется термин «процессуальная форма», под которым, например, Шакарян М.С. понимает последовательный определенный нормами гражданского процессуального права порядок рассмотрения и разрешения гражданского дела[266]. Рассахатская Н.А. определяет гражданскую процессуальную форму как установленный законом порядок отправления правосудия по гражданским делам[267]. В своем исследовании Громошина Н.А. пишет, что в некоторых источниках под процессуальной формой понимается совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к

---

[261] Галаган И.А. Административная ответственность в СССР: Процессуальное регулирование / И. А. Галаган. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1976. С. 62.
[262] Галаган И.А. Указ. соч. С. 67.
[263] Спиридонов П.Е. Административно-процессуальная форма и стадии как элементы характеристики административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 3. С. 309.
[264] Лещина Э.Л. Административно-процессуальная форма как категория административного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 63.
[265] Стахов А.И. Административно-процессуальные формы деятельности публичной администрации в России: понятие и характерные признаки // Административное право и процесс. 2013. № 1. С. 11.
[266] Гражданское процессуальное право России: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [А.Т. Боннер, Н.А. Громошина, Р.Е. Гукасян и др.]; Отв. ред. Шакарян М.С. М.: Былина, 1996. С. 22-23.
[267] Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 6.

действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата[268].

В арбитражном процессе процессуальную форму определяют как систему требований, адресованных к арбитражному процессу (внутренняя сторона), и единство арбитражного процесса по отношению к другим правовым явлениям (внешняя сторона)[269]. Соглашаясь с концепцией о наличии внешней и внутренней процессуальных форм Дудникова Г.В. демонстрирует ее на примере рассмотрения искового заявления: сначала суд проверяет соблюдение истцом условий для реализации права на судебную защиту и после этого выносит определение о принятии искового заявления[270]. Шилов А.В. также придерживается данной концепции, указывая, что арбитражная процессуальная форма требует от субъектов арбитражного процесса совершения действий в конкретные сроки, в установленной последовательности, с их отражением в определенных правоприменительных актах[271].

Анализ указанных научных позиций позволяет говорить о сведении их в целом к единому пониманию процессуальной формы как явлению, которое носит общий, обязательный, последовательный характер. Она включает два взаимосвязанных аспекта: внутренний (порядок осуществления процессуальных действий) и внешний (материализация этих действий в юридически значимые результаты).

Согласно нашему представлению, основанному на проведенном исследовании, применительно к органам кредиторского сообщества следует отметить следующее. Участие собрания и комитета кредиторов в управлении юридическим лицом в процедурах банкротства осуществляется в установленной законом форме. Она не варьируется в зависимости от обстоятельств конкретного

---

[268] Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 281.

[269] Латкин А.А. Процессуальная форма разрешения дел в арбитражном суде первой инстанции: Исковое производство: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 8.

[270] Дудникова Г.В. Арбитражная процессуальная форма: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 17.

[271] Шилов А.В. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. Томск, 2004. С. 123.

дела, что придает управленческой деятельности собрания и комитета кредиторов атмосферу правовой стабильности, а значит форма участия органов кредиторского сообщества в управлении должником-юридическим лицом имеет статичный характер.

С учетом изложенного, форму участия органов кредиторского сообщества в управлении должником-юридическим лицом следует рассматривать как комплексное явление: внутренняя форма охватывает порядок организации и осуществления их деятельности (процедурная форма), а внешняя форма проявляется в юридически значимых решениях, которые непосредственно влияют на процедуру банкротства (материальная форма управления). При этом процедурная и материальная формы – это не две разные формы, это два тесно взаимосвязанных аспекта характеристики одного и того же объекта (хоть и в работе, исключительно для целей исследования, они будут обозначены как отдельные формы).

Доктринальная и практическая значимость состоит в том, что выделение процедурной формы (порядок организации и деятельности органов кредиторского сообщества) и материальной формы (юридически значимые решения, влияющие на процедуру) позволяет осознать их неразрывную взаимозависимость: нарушение процедурных требований (например, несоблюдение кворума) напрямую ведет к нелегитимности принимаемых решений, подрывая эффективность всей процедуры банкротства и, как следствие, степень защиты прав и законных интересов всех вовлеченных лиц, что актуализирует необходимость детального исследования обеих форм управления.

Таким образом, поскольку в зависимости от соблюдения указанных форм зависит эффективность как отдельной процедуры, так и производства по делу о банкротстве в целом, а с ним – и степень защиты прав и интересов многочисленного круга его участников, данная глава призвана раскрыть процедурную и материальную формы управления должником-юридическим лицом в процедурах банкротства.

§1. Процедура участия органов кредиторского сообщества в управлении должником-юридическим лицом

Закон о банкротстве регламентирует процедуру деятельности собрания кредиторов, устанавливая порядок созыва собрания кредиторов, уведомления о проведении собрания кредиторов, принятия им решения.

Указанный порядок «появления на свет» решений собрания кредиторов призван придать самому процессу коллективного кредиторского управления должником стабильный характер вне зависимости от его правового статуса, процедуры банкротства и количества кредиторов. Он также служит гарантией защиты прав самих кредиторов на участие в работе собрания кредиторов, волеизъявление которых в конечном итоге определяет позицию самого органа кредиторского сообщества.

В этой связи нарушения, допущенные на каком-либо из этапов, предшествующих принятию решения собрания кредиторов, влияют на законность самого решения органа кредиторского сообщества. Так, например, в п. 23 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016, сказано, что действия, связанные с подготовкой, созывом и проведением собраний кредиторов, могут быть оспорены путем предъявления в рамках дела о банкротстве требований о признании решений таких собраний недействительными[272].

Названные выше признаки, на наш взгляд, аналогичны тем, что свойственны процессуальной форме, а именно: нормативная закрепленность, установленная последовательность действий и направленность на достижение определенных целей[273].

С учетом изложенного, видится возможным говорить о наличии процедурной формы управленческой деятельности органов кредиторского сообщества. В этой

---

[272] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 9.

[273] Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. 2. изд., перераб. М.: Норма, 2003. С. 202.

связи возникает один глобальный вопрос: можно ли утверждать, что нынешняя процедурная форма обеспечивает надлежащее функционирование собрания кредиторов и равные возможности кредиторов в организации его деятельности и участии в ней?

Из анализа практики применения положений Закона о банкротстве о порядке созыва собрания кредиторов (ст. 14 Закона о банкротстве), уведомления о проведении собрания кредиторов (ст. 13 Закона о банкротстве), принятия им решения (ст. 15 Закона о банкротстве) следует, что действующее правовое регулирование не обеспечивает надлежащий доступ каждого кредитора к участию в деятельности собрания кредиторов и надлежащее функционирование последнего.

В этой связи видится необходимым исследовать каждый из указанных процедурных компонентов.

1) Созыв собрания кредиторов.

Созыв собрания кредиторов – это есть запуск процесса по организации и дальнейшего проведения собрания кредиторов. В этой связи правовое регулирование данной процедуры, с одной стороны, должно обеспечить равный доступ каждого кредитора к инициированию работы собрания кредиторов и последующему участию в ней, а, с другой стороны, предоставить разумные ограничения указанного права в целях пресечения использования института собрания кредиторов в иных, не соответствующих Закону о банкротстве, целях.

Казалось бы, порядок созыва собрания кредиторов детально регламентирован в ст. 14 Закона о банкротстве, тем не менее, следует признать, что действующее нормативное регулирование не обеспечивает всецело достижение вышеуказанных целей.

По результатам анализа норм ст. 14 Закона о банкротстве и практики арбитражных судов Российской Федерации можно выделить две группы проблем, которые уже традиционно возникают при их применении: первая – сопряженные с отсутствием правовых механизмов воздействия на необоснованные и (или) незаконные требования о проведении собрания кредиторов и вторая – связанные с созданием препятствий для участия в собрании кредиторов.

Видится необходимым исследовать каждую из указанных групп проблем.

1) Отсутствие правовых механизмов воздействия на необоснованные или незаконные требования о проведении собрания кредиторов.

По действующему законодательству о банкротстве Российской Федерации работу собрания кредиторов вправе инициировать арбитражный управляющий, комитет кредиторов, часть конкурсных кредиторов и (или) уполномоченных органов (п. 1 ст. 14 Закона о банкротстве).

Поскольку подготовка, организация и проведение собраний кредиторов является обязанностью арбитражного управляющего, то требования конкурсных кредиторов, уполномоченных органов о созыве собрания кредиторов адресуются непосредственно ему.

При этом Закон о банкротстве обязывает указанных лиц – инициаторов созыва собрания кредиторов самостоятельно формулировать вопросы, подлежащие обязательному включению в повестку собрания кредиторов (п. 2 ст. 14 Закона о банкротстве).

Однако стоит признать, что сегодня заметна тенденция вынесения на собрания кредиторов вопросов, решение которых не отнесено законом к компетенции собрания кредиторов, а в некоторых случаях даже свидетельствует о явном злоупотреблении кредитором своим правом.

Так, например, в деле № А60-51084/2018 о банкротстве АО «Тагилбанк» в требовании о проведении собрания кредиторов вопрос был сформулирован следующим образом: «Об обязании конкурсного управляющего АО «Тагилбанк» направить на расчеты с кредиторами первой очереди реестра требований кредиторов 950 000 руб., выплаченных ООО «Центр независимой экспертизы собственности», а также процентов за пользование чужими денежными средствами по статье 395 Гражданского кодекса Российской Федерации».

В деле № А28-16673/2018 о банкротстве ООО «Вятка-Надым» вопросы, включенные в повестку собрания кредиторов, были сформулированы следующим образом:

«1. Обязать конкурсного управляющего ООО «Вяка-Надым» начать погашение денежных требований третьей очереди реестра требований кредиторов ООО «Вятка-Надым».

2. Обязать конкурсного управляющего ООО «Вятка-Надым» при превышении на счете ООО «Вятка-Надым» суммы 5 млн. руб., суммы, превышающие 1 млн. руб., немедленно направлять на погашение требований третьей очереди реестра требований кредиторов ООО «Вятка-Надым».

При рассмотрении указанных дел суды пришли к выводу о том, что вопросы, включенные в повестку собрания кредиторов, сформулированы неверно, поскольку «вопросы расчетов с кредиторами решает конкурсный управляющий самостоятельно в соответствии с предписаниями Закона о банкротстве, нормы которого направлены на обеспечение прав конкурсных кредиторов»[274][275].

Имеются также ситуации, когда кредиторы, злоупотребляя своим правом, включают в требование о созыве собрания кредиторов явно некорректные вопросы. Например, в деле № А56-45761/2010 о банкротстве ООО «Простор» собранием кредиторов рассматривался вопрос «Обязать конкурсного управляющего ООО «Простор» называть конкурсного кредитора Лисова Александра Викторовича «Моя маленькая принцесса»»[276].

Изложенное указывает на использование отдельными кредиторами института собраний кредиторов в иных, не соответствующих Закону о банкротстве, целях. В этой связи для пресечения ситуаций необоснованного созыва собраний кредиторов, включения в повестку собрания кредиторов вопросов, не входящих в его компетенцию, имеется необходимость сортировки требований о созыве собрания кредиторов.

---

[274] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 14.04.2022 № 02АП-2546/2022 по делу № А28-16673/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
[275] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.02.2020 № Ф09-2062/19 по делу № А60-51084/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
[276] Карточка должника - юридического лица ООО «Простор» [Электронный ресурс] // URL: https://old.bankrot.fedresurs.ru/OrganizationCard.aspx?ID=C7F1DF91B3D0605897E46E497F1ABA20 (дата обращения: 02.11.2024).

В настоящее время положения Закона о банкротстве не содержат каких-либо правовых механизмов арбитражного управляющего воздействия на необоснованные или незаконные требования кредиторов о проведении собрания кредиторов. По этой причине суды исходят из того, что арбитражный управляющий не вправе отказать кредитору, имеющему право инициировать проведение собрания кредиторов, в проведении собрания кредиторов должника[277].

Отказ арбитражного управляющего в требовании о созыве собрания кредиторов в любом случае независимо от причин отказа квалифицируется судами как незаконный[278], за что арбитражный управляющий может быть привлечен к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ[279].

Кроме этого, в силу абз. 2 п. 2 ст. 14 Закона о банкротстве арбитражному управляющему запрещается вносить какие-либо изменения в формулировки вопросов повестки собрания кредиторов, созываемых по требованию кредиторов.

Таким образом, действующий Закон о банкротстве никак не ограничивает право кредиторов требовать созыва собрания кредиторов, что, на наш взгляд, негативно сказывается на деятельности последнего (принятые решения впоследствии обжалуются как, например, принятые по вопросам, не входящим в компетенцию собрания кредиторов) и обременяет саму процедуру банкротства необоснованными требованиями о созыве собрания кредиторов, а впоследствии – спорами о признании недействительными принятых собранием кредиторов решений, жалобами на работу арбитражного управляющего.

Любопытно, что положения норм Закона об АО и Закона об ООО (как верно заметил Борисов А.Н., аналогичные нормам Закона о банкротства о порядке организации работы собрания кредиторов[280]) иным образом регламентируют

---

[277] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2023 № 15АП-2188/2023 по делу № А53-34431/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[278] Определение Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 307-ЭС23-9021(2) по делу № А56-60344/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[279] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[280] Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2014.

отношения, возникающие в связи с созывом общих собраний участников хозяйственных обществ.

Так, в силу п. 2 ст. 35 Закона об ООО исполнительным органом может быть отказано в проведении общего собрания участников при наличии одного из следующих обстоятельств:

– вопрос, предложенный для внесения в повестку, не отнесен к компетенции собрания и (или) не соответствует требованиям закона;

– не соблюден установленный законом порядок предъявления требования о проведении собрания участников.

Аналогичные положения об отказе в проведении собрания акционеров содержатся в п. 5 ст. 53 Закона об АО.

С учетом изложенного, в целях эффективизации процедуры банкротства, исключения необоснованных и (или) незаконных требований о проведении собрания кредиторов видится необходимым в ст. 14 Закона о банкротстве внести изменения, установив порядок рассмотрения арбитражным управляющим требований о проведении собрания кредиторов, по итогам которого им может быть вынесен отказ а) в проведении собрания кредиторов; б) во включении в его повестку одного или нескольких вопросов при условии, что предложенные для рассмотрения собранием кредиторов вопросы не относятся к его компетенции и (или) не соответствуют требованиям закона.

В указанных целях при созыве собрания кредиторов по инициативе конкурсных кредиторов и (или) уполномоченных органов видится также обоснованным возложить расходы на организацию и проведение собрания кредиторов на этих лиц. В отличие от нынешнего правового регулирования, когда независимо от субъекта, инициирующего созыв собрания кредиторов, расходы на его организацию и проведение компенсируются за счет средств должника (п. 1 ст. 20.7 Закона о банкротстве). Тем самым желание превратить институт собрания кредиторов в некий механизм затягивания или обременения процедуры банкротства, растраты конкурсной массы должника со стороны кредиторов, на наш

взгляд, заметно спадет. Такое регулирование будет соответствовать уже сложившейся позиции отечественного законодателя об отнесении на самого кредитора расходов, возникших по его инициативе (п. 7 ст. 20.7 Закона о банкротстве).

2) Создание препятствий к участию в собрании кредиторов.

Нормы, содержащиеся в абз. 3 п. 4 ст. 14 Закона о банкротстве, устанавливают недопустимость проведения собраний кредиторов в такие время, дату и месте, которые могут создать препятствия для участия в собрании кредиторов.

В этой связи логичным является вопрос: можно ли признать созыв собрания кредиторов незаконным, в случае, если кто-либо из лиц, подлежащих участию в нем, заблаговременно сообщил о невозможности своего участия в уже установленные дату, время и место собрания кредиторов? Должен ли арбитражный управляющий при указанных обстоятельствах отменить уже созванное собрание кредиторов?

Видится, что в данном случае законодатель исходит не из личных обстоятельств отдельного кредитора, из-за которых он по тем или иным причинам не может принять участие в собрании кредиторов, а из доступности и реальной возможности всех лиц, имеющих право участвовать в собрании кредиторов, в установленные дату, время и место реализовать свое право на участие в собрании кредиторов.

Как верно заметила Телюкина М.В., «в конкурсном процессе всегда найдутся кредиторы, для которых дата, время, место собрания будут препятствовать участию в нем. Очевидно, решать отмеченные проблемы придется исходя из принципа разумности»[281].

Соглашаясь с указанным, считаем необходимым добавить, что в целях проверки соответствия даты, времени и места собрания кредиторов требованиям, установленным абз. 3 п. 4 ст. 14 Закона о банкротстве, следует исходить из их

[281] Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный). М.: БЕК, 1998. С. 283.

доступности любому иному лицу, как если бы оно в аналогичных условиях было кредитором должника, то есть было вправе принять участие в собрании кредиторов.

Таким образом, абз. 3 п. 4 ст. 14 Закона о банкротстве фактически устанавливается обязанность арбитражного управляющего (иного лица, созывающего собрание кредиторов) действовать добросовестно и разумно при выборе даты, времени и места собрания кредиторов таким образом, чтобы они сами по себе не являлись препятствием для участия в собрании кредиторов и обеспечивали равный доступ для всех и каждого, кто имеет право на участие в нем.

Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из практики арбитражных судов Российской Федерации. Так, например, в деле № А56-12205/2015 суды признали незаконными действия временного управляющего, который в сообщении о созыве собрания кредиторов не указал конкретное помещение, в котором должно было быть проведено собрание кредиторов[282]. В деле № А76-24772/2019 судами установлено, что конкурсным управляющим «определено место ознакомления с документами, подлежащими рассмотрению на собрании комитета кредиторов, в г. Махачкала, в то время как сам должник находится в Челябинской области, г. Еткуль, большинство кредиторов должника находятся в г. Челябинске, что явно создает для них препятствия к ознакомлению с материалами, подготовленными к собранию кредиторов»[283].

В продолжение вопроса о препятствиях к участию в собрании кредиторов представляется уместным обратиться к наметившейся в последнее время тенденции цифровой трансформации практики и законодательства в области банкротства (что также было отмечено в 2021 году в выступлении профессора Карелиной С.А. на Международном молодежном юридическом форуме[284]), из-за

---

[282] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.04.2017 № Ф07-3037/2017 по делу № А56-12205/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[283] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.06.2020 № Ф09-1712/20 по делу № А76-24772/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[284] Карелина С.А. Цифровизация и институт несостоятельности (банкротства): современные тренды // Международная Конференция: ММЮФ – 2021 Секция «Актуальные проблемы цифровизации и защиты персональных данных». 2021. URL: https://istina.msu.ru/conferences/presentations/370440454/.

которой также появляются новые формы проведения собраний (комитетов) кредиторов.

Следует признать, что тому есть логичное объяснение: во-первых, отсутствует законодательный запрет на проведение собраний (комитетов) кредиторов в электронной форме в процедурах банкротства юридического лица, в связи с чем некоторые авторы считают возможным применение по аналогии положений закона, допускающих онлайн-собрания в процедурах банкротства физического лица[285]. Во-вторых, проведение собраний (комитетов) кредиторов с использованием информационных технологий не только удобно (экономия времени, затрат кредиторов на транспортные расходы и т.п.[286]), но и позволяет сократить текущие расходы по делу о банкротстве[287].

Однако, несмотря на указанное, резонно возникает вопрос: можно ли рассматривать онлайн-платформы и сервисы по проведению собраний (комитетов) кредиторов как препятствие для участия в них?

Для ответа на поставленный вопрос, на наш взгляд, необходимо все-таки дать определение тому, что есть препятствие по смыслу абз. 3 п. 4 ст. 14 Закона о банкротстве. С учетом вышеизложенных рассуждений препятствие для участия в собрании кредиторов – это обстоятельство, связанное с датой, временем и местом проведения собрания кредиторов, полностью исключающее либо существенным образом ограничивающее право на участие в собрании кредиторов.

В настоящее время, когда презюмируется наличие у каждого мобильного устройства с возможностью выхода в сеть Интернет, проведение онлайн-собраний, действительно, следует рассматривать как некое благо, обеспечивающее равный доступ к собранию кредиторов независимо от даты и времени его проведения и местонахождения кредиторов. Кроме того, при расчете суммарных совокупных

---

[285] Недова Н.С., Джафарова Гюнель Этибар Кызы. Правовые аспекты реализации процедур банкротства в условиях пандемии // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 56.

[286] Джафаров Д.А. Электронная форма проведения собраний кредиторов: проблемы и пути решения //Арбитражный управляющий. 2022. № 5. С. 23.

[287] Белов А.А. Цифровизация в сфере правового института несостоятельности (банкротства) в России // Цифра и право: сборник научных статей; отв. редактор Л.В. Зайцева. Тюменский государственный университет (Тюмень). 2021. С. 8.

затрат на организацию собрания кредиторов и участие в нем (аренда помещения, приобретение оргтехники и канцтоваров; транспортные расходы участников к месту проведения собрания; стоимость для работодателей времени, затраченного представителями на участие в очном собрании и проезд к месту его проведения и т.д.), очевидно, что они превышают затраты на участие в онлайн-собрании. Например, оплата использования ПО «Электронные собрания Bankro.TECH» составляет 6 500 рублей и, при этом, предполагает возможность проведения собраний и комитетов кредиторов без ограничения количества раз в течение года[288].

По этой причине суды все больше склоняются к тому мнению, что, напротив, отказ от электронных собраний следует рассматривать как фактическое ограничение права на участие в собраниях кредиторов. Так, при рассмотрении ряда споров о признании недействительным решения собрания кредиторов Арбитражный суд Новосибирской области пришел к выводу о том, что отказ от проведения собраний кредиторов должника в электронной форме с использованием ПО «Электронные собрания» приводит к экономической нецелесообразности участия в нем кредитора[289][290]. Правильность данного вывода подтверждена постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2023 по делу № А45-33959/2018[291].

Из изложенного можно сделать следующий вывод: любое обстоятельство, связанное с датой, местом и временем проведения собрания кредиторов можно квалифицировать как препятствие для участия в собрании кредиторов, если оно исключает или существенным образом ограничивает эту возможность. Указанное должно устанавливаться судом в индивидуальном порядке с учетом всех обстоятельств конкретного спора.

---

[288] Электронные собрания [Электронный ресурс] // URL: https://bankro.tech/products/elektronnye-sobraniya-kreditorov/?ysclid=mbhz77p4me138320697.

[289] Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 06.06.2023 по делу № А45-877/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[290] Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 22.05.2023 по делу № А45-33959/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[291] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2023 по делу № А45-33959/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Между тем видится недопустимым признание незаконным созыва собрания кредиторов в том случае, когда, даже при наличии препятствий к участию в собрании кредиторов, лицо все-таки участвовало в нем, то есть реализовало свое право на участие в работе собрания кредиторов (принцип «банкротного» эстоппеля). В этой связи видится необходимым дополнить п. 4 ст. 14 Закона о банкротстве абзацем следующего содержания: «Лицо, участвовавшее в собрании кредиторов в том случае, когда дата, время или место проведения собрания кредиторов препятствовали участию в нем, не имеет права оспаривать решения собрания кредиторов на основании абзаца 3 пункта 4 статьи 14 настоящего Федерального закона.».

2) Уведомление о проведении собрания кредиторов.

Порядок уведомления о проведении собрания кредиторов определен в ст. 13 Закона о банкротстве, согласно которой при определенных обстоятельствах надлежащим уведомлением будет считаться либо личное уведомление кредиторов (по почте или иным обеспечивающим способом), либо публичное уведомление (посредством публикации в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве).

Из анализа положений ст. 13 Закона о банкротстве следует, что личное уведомление кредиторов осуществляется в тех случаях, когда а) количество конкурсных кредиторов и уполномоченных органов составляет не более 500; и б) имеются сведения о месте проживания или месте нахождения кредиторов.

Соответственно, публичное уведомление осуществляется в тех случаях, когда а) количество конкурсных кредиторов и уполномоченных органов составляет свыше 500; и (или) б) отсутствуют сведения, необходимые для личного уведомления кредиторов.

Из указанного следует, что о проведении собрания кредиторов может уведомить только лицо, в распоряжении которого имеются сведения о месте проживания (нахождения) всех кредиторов должника или доступ в личный кабинет пользователя Единого федерального реестра сведений о банкротстве. Логично, что таким лицом является только арбитражный управляющий.

Парадокс заключается в том, что собрание кредиторов может быть проведено не только арбитражным управляющим, но и лицом или лицами, требующими его созыва – комитетом кредиторов, конкурсными кредиторами и (или) уполномоченными органами (п. 5 ст. 12 Закона о банкротстве).

Для таких случаев, когда у лица, требующего проведение собрания кредиторов, отсутствуют сведения о месте проживания (нахождения) всех кредиторов и доступ в личный кабинет пользователя Единого федерального реестра сведений о банкротстве, закон не устанавливает порядок уведомления о проведении собрания кредиторов.

В этой связи видится, что законодателем неверно определен главный критерий, по которому должно разграничиваться личное и публичное уведомление о проведении собрания кредиторов.

Видится, что таким критерием является наличие у субъекта, требующего проведение собрания кредиторов доступа как к информации о месте проживания (нахождения) кредиторов должника, так и к личному кабинету в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве.

Поскольку арбитражный управляющий является единственным субъектом, владеющим полной и достоверной информацией о месте проживания (нахождения) кредиторов и полномочным совершать публикации в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, то для тех случаев, когда собрание кредиторов проводится им, на наш взгляд, должно быть установлено публичное уведомление.

В любом случае п. 4 ст. 13 Закона о банкротстве устанавливается обязательность размещения арбитражным управляющим уведомления о проведении собрания кредиторов в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве независимо от количества кредиторов и каких-либо иных обстоятельств. Это также указывает на то, что в условиях обязательности публичного уведомления личное уведомление каждого отдельного кредитора со стороны арбитражного управляющего теряет свой смысл.

Данный вывод подтверждается правовой позицией Верховного Суда РФ, изложенной в п. 9 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием

недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018, согласно которой наличие публикации в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве даже в отсутствие уведомления по почте обеспечивает реальную возможность кредитору принять участие в собрании кредиторов[292].

Следует также заметить, что уведомление о проведении собрания кредиторов путем опубликования сообщения в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве в силу своего разового характера сокращает расходы конкурсной массы и исключает какие-либо судебные споры относительно нарушения арбитражным управляющим порядка личного уведомления кредиторов.

При этом на сегодняшний день судебные споры относительно нарушения арбитражным управляющим порядка личного уведомления о проведении собрания кредиторов – это далеко не редкость. В некоторых случаях суды все так же допускают формальный подход и усматривают существенное нарушение порядка уведомления даже при наличии соответствующей публикации в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве. Так, например, в своем постановлении от 26.12.2023 № 01АП-6888/2023 по делу № А79-5420/2023 Первый арбитражный апелляционный суд указал, что «ссылка на надлежащую публикацию необходимой информации в ЕФРСБ подлежит отклонению, поскольку размещение информации в ЕФРСБ не отменяет обязанность, установленную п. 1 ст. 13 Закона о банкротстве»[293].

В других случаях суды повторяют[294] правовую позицию, изложенную в п. 9 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием

---

[292] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

[293] Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2023 № 01АП-6888/2023 по делу № А79-5420/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[294] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.2022 № Ф05-32839/2021 по делу № А40-145656/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.03.2023 № 10АП-3390/2023 по делу № А41-32211/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.04.2022 № 15АП-5239/2022 по делу № А32-2339/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2021 № 15АП-16834/2021 по делу № А32-18217/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018[295].

Законодательство многих зарубежных стран рассматривает публичное уведомление в качестве основного способа уведомления о проведении собрания кредиторов. Так, например, согласно законодательству Германии публичное уведомление признается достаточным доказательством надлежащего уведомления, даже если закон предписывает произвести наряду с ним личное уведомление кредиторов[296]. В соответствии с § 9036(b)(2)(B) Федеральных правил процедур банкротства (Federal Rules of Bankruptcy Procedure) лицо, получившее от 25 и более бумажных уведомлений в течение одного календарного месяца квалифицируется как получатель большого объема бумажных уведомлений, в связи с чем автоматически подключается к услуге получения электронных писем[297]. По законодательству Грузии информация о проведении собрания кредиторов публикуется в электронной системе и с момента размещения считается врученной кредиторам[298]. Анализ положений законодательства Армении о банкротстве позволяет заключить, что основным способом уведомления здесь также является публичное уведомление, которое осуществляется либо через средства печати, либо в здании суда на специально отведенном для этого месте[299].

Законодательные положения вышеуказанных зарубежных стран представлены в следующей составленной автором таблице.

Табл. 1. Законодательство ряда зарубежных стран относительно порядка уведомления кредиторов о проведении собрания кредиторов[300].

---

[295] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

[296] Insolvenzordnung (InsO) § 9 Öffentliche Bekanntmachung [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/__9.html (дата обращения 11.02.2025).

[297] Rule 9036. Electronic Notice and Service [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/rules/frbp/rule_9036# (дата обращения 11.02.2025).

[298] საქართველოს კანონი გადახდისუუნარობის საქმის წარმოების შესახებ [Электронный ресурс] // URL: https://www.rs.ge/RsGe.Module/PublicInfoCardDetails/DownloadPDF?documentID=39# (дата обращения 11.02.2025).

[299] ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՕՐԵՆՔԸ ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԱՆՁԱՆՑ, ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԱՆՁԻ ԿԱՐԳԱՎԻՃԱԿ ՉՈՒՆԵՑՈՂ ՁԵՌՆԱՐԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԵՎ ԱՆՀԱՏ ՁԵՌՆԵՐԵՑՆԵՐԻ ԱՆՎՃԱՐՈՒՆԱԿՈՒԹՅԱՆ (ՍՆԱՆԿԱՑՄԱՆ) ԵՎ ՖԻՆԱՆՍԱԿԱՆ ԱՌՈՂՋԱՑՄԱՆ ՄԱՍԻՆ [Электронный ресурс] // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1788&lang=arm (дата обращения 11.02.2025).

[300] Составлено автором.

Зарубежные станы	***Законодательные положения***
Германия	***§9. Официальное уведомление*** *(1) Официальное уведомление производится посредством публикации в газете, предназначенной для осуществления ведомственных публикаций суда; публикация может быть произведена в виде извлечения. При этом должно быть указано точное обозначение должника, в частности, его адрес и сфера хозяйственной деятельности. Уведомление считается произведенным по истечении двух дней со дня публикации.* *(2) Суд по делам о несостоятельности может распорядиться о производстве дополнительных и повторных публикаций.* *(3) Официальное уведомление признается достаточным доказательством вручения всем участникам, даже если настоящий Закон предписывает произвести наряду с ним специальное вручение.*
Соединенные Штаты Америки	***Правило 9036. Уведомление и вручение посредством электронно-регистрационной системы*** *a) Настоящее правило подлежит применению всякий раз, когда требуется совершить отправку уведомления или вручение документа по почте или другим способом.* *(b) Судебное уведомление.* *(1) Зарегистрированные пользователи. Секретарь суда направляет зарегистрированным пользователям уведомление с помощью электронно-регистрационной системы.* *(2) Все остальные получатели. Для всех остальных лиц секретарь суда направляет уведомление с помощью электронно-регистрационной системы в том случае, если:* *(A) получатель зарегистрировал электронный адрес на специальной платформе по получению уведомлений по делу о банкротстве;* *(B) если лицо признано получателем большого объема бумажных уведомлений.*
Грузия	***Статья 3.1. Электронная система производства по делу о неплатежеспособности*** *1. Электронная система производства по делу о неплатежеспособности обеспечивает выполнение при помощи электронных средств действий,*

	предусмотренных законом в процессе производства по делу о неплатежеспособности, в том числе опубликование информации и обмен информацией между лицами (субъектами), предусмотренными настоящим Законом. *2. В электронной системе размещаются все судебные определения, принятые в процессе производства по делу о неплатежеспособности, не позднее 2 рабочих дней после их вынесения. В случаях, предусмотренных настоящим Законом, в электронной системе публикуются также решения собрания кредиторов, примирительного совета, опекуна, управляющего банкротством и реабилитацией и связанная с ними документация. Размещение указанной информации (документации) в электронной системе считается ее официальным опубликованием.* *3. Информация (документация), направленная при помощи электронной системы, считается врученной соответствующему адресату/полученной соответствующим адресатом с момента ее размещения в системе.* ***Статья 27. Собрание кредиторов*** *2. Порядок созыва собрания кредиторов и принятия на нем решений определяется настоящим Законом. Информация о созыве собрания кредиторов, решения и протоколы собрания кредиторов не позднее 2-го рабочего дня размещаются в электронной системе.*
Армения	***Статья 10. Последствия признания должника неплатежеспособным*** *С момента принятия дела к своему производству и признания должника неплатежеспособным суд:* *г) публикует сведения о признании должника неплатежеспособным, о назначении управляющего и первого собрания кредиторов в средствах печати с тиражом не менее 1000 экземпляров и вывешивает их в здании суда на специально отведенном для этого месте.*

В свою очередь, для иных лиц, которые в силу закона также вправе проводить собрание кредиторов (комитет кредиторов, конкурсные кредиторы и (или) уполномоченные органы), но в то же время по объективным причинам могут не иметь сведений о месте проживания (нахождения) всех кредиторов и в любом случае не имеют доступа к личному кабинету в Едином федеральном реестре

сведений о банкротстве, на наш взгляд, должно быть установлено личное уведомление.

Видится, что вместе с внесением указанных выше изменений в Закон о банкротстве в части порядка уведомления о проведении собрания кредиторов необходимо аналогичным образом разрешить вопросы, связанные с порядком ознакомления с материалами, подлежащими рассмотрению собранием кредиторов. Это значит, что к опубликованному в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве уведомлению о проведении собрания кредиторов должны быть приложены сами материалы, подлежащие рассмотрению собранием кредиторов.

«Опубличивание» порядка ознакомления с указанными материалами, по нашему мнению, имеет, по меньшей мере, тройной полезный эффект для правового регулирования процедур банкротства:

1) во-первых, сведет до минимума ставшие уже традиционными споры о необеспечении арбитражным управляющим доступа к материалам, подлежащим рассмотрению собранием кредиторов или нарушении сроков их предоставления. Так, например, при рассмотрении дела № А31-9708/2015 Верховный Суд РФ подтвердил правильность вывода судов первой и апелляционной инстанций о ненадлежащем исполнении арбитражным управляющим обязанностей в связи с тем, что предложенное им «место ознакомления с материалами к собранию кредиторов отдалено от места нахождения кредиторов и лиц, имеющих право на участие в собрании кредиторов должника»[301]. При рассмотрении заявления о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности в рамках дела № А40-264080/2022 Арбитражный суд Московского округа установил, что в нарушение п. 3 ст. 13 Закона о банкротстве арбитражный управляющий ограничил срок, предоставленный кредиторам на ознакомление с материалами к собранию кредиторов[302].

---

[301] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2016 № 301-АД16-7398 по делу № А31-9708/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[302] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.10.2023 № Ф05-21022/2023 по делу № А40-264080/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

2) во-вторых, уравнивает всех лиц, имеющих право принять участие в деятельности собрания кредиторов в праве на своевременный и, что более важно, постоянный доступ к материалам, подлежащим рассмотрению собранием кредиторов, независимо от того, будут указанные лица реально принимать участие в работе собрания кредиторов (вообще или созванного для решения конкретных вопросов) или нет. На текущий момент суды, как верно указывает Шайдуллин А.И., стоят на устойчивой позиции, что отсутствует законодательно предусмотренная обязанность предоставлять кредитору какую-либо информацию о процедуре банкротства вне рамок деятельности собрания кредиторов[303]. Указанное, на наш взгляд, «тормозит» работу органов кредиторского сообщества, поскольку отсутствие у кого-либо из потенциальных участников собрания (комитета) кредиторов материалов, подготовленных для решения одних вопросов может стать препятствием для решения вопросов, которые возникнут после в рамках указанной процедуры или дела о банкротстве в целом.

3) в-третьих, упростит ведение процедуры банкротства, поскольку в таком случае ознакомление с материалами обеспечивается независимо от каких-либо субъективных (добросовестности и профессионализма арбитражного управляющего) и объективных факторов (времени и места ознакомления, (не) получения материалов по почте), что соответствует нынешнему тренду на упрощение и оптимизацию процедур банкротства.

Проведенный анализ позволил установить, что отечественный законодатель хоть и дает определенный вектор по вопросу о критерии разграничения личного и публичного уведомления о проведении собрания кредиторов, но делает это не совсем последовательно: в качестве такого критерия рассматривает количество кредиторов и наличие у лица, осуществляющего созыв собрания кредиторов, сведений о месте проживания (нахождения) кредиторов, которые, в свою очередь, могут быть неизвестны лицам, которые в силу закона также имеют право созывать

[303] Шайдуллин А.И. Защита права кредиторов на информацию в процедурах банкротства // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 2. С. 27.

собрание кредиторов – комитету кредиторов, конкурсным кредиторам и уполномоченным органам (п. 1 ст. 14 Закона о банкротстве).

Даже если предположить, что данные сведения известны указанным лицам, то при наличии в деле о банкротстве свыше 500 кредиторов отсутствие у лица, осуществляющего созыв собрания кредиторов, доступа к личному кабинету в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве является реальным препятствием для совершения уведомления в установленном законом порядке (абз. 1 п. 2 ст. 13 Закона о банкротстве).

В связи с указанным видится, что критерием разграничения личного и публичного уведомления о проведении собрания кредиторов должно стать наличие совокупности следующих обстоятельств:

- наличие у лица, созывающего собрание кредиторов, сведений о месте проживания (нахождения) кредиторов;
- наличие доступа к личному кабинету в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве.

С учетом изложенного, для тех случаев, когда собрание кредиторов созывается арбитражным управляющим законодательно должно быть установлено публичное уведомление, для иных лиц: при наличии необходимых сведений – личное уведомление о проведении собрания кредиторов, при их отсутствии – обязательное обращение к арбитражному управляющему для организации публичного уведомления.

3) Порядок принятия решения собрания кредиторов.

Порядок принятия решения собрания кредиторов традиционно раскрывается через механизм голосования. При этом в литературе термин «голосование» применительно к собранию кредиторов используется для обозначения двух явлений:

1) самого процесса волеобразования кредиторского сообщества, который охватывает волю каждого, принимающего участие в формировании решения собрания кредиторов.

2) реализации кредитором права голоса на собрании кредиторов.

Однако, как представляется, использование в данном случае одного термина для обозначения двух разных процессов не совсем корректно, так как реализация кредитором права голоса является частью более общего явления – голосования на собрании кредиторов.

В русле аналогичной логики находится и позиция отечественного законодателя, который использует «голосование» для обозначения самого процесса принятия решения: например, «порядок голосования» (абз. 3 п. 6 ст. 12 Закона о банкротстве), «итоги голосования» (абз. 5 п. 6 ст. 12 Закона о банкротстве). В свою очередь, выражение мнения самого кредитора обозначается категорией «право голоса» (п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве).

При исследовании вопросов волеобразования коллегиальных органов юридического лица Вилкин С.С. приходит фактически к аналогичному выводу, что термин «голосование» подлежит применению для обозначения стадии процесса принятия решения, а для обозначения выражения мнения отдельного члена органа необходимо использовать понятие «подача голоса»[304]. Гутников О.В. также разделяет процесс принятия общего решения и выражение мнения отдельно взятых членов органа, указывая, что голосование – это способ волеобразования юридического лица через раскрытие спектра мнений участников его высшего органа управления[305].

С учетом всего изложенного с целью внесения большей четкости и ясности в исследуемый вопрос в настоящей работе будут использованы термины «голосование» для обозначения процесса принятия решения собрания кредиторов и «реализация права голоса» для обозначения выражения мнения отдельного кредитора.

Указанное разграничение имеет важное практическое значение, поскольку выделение в рамках общего процесса голосования «права голоса» отдельного

---

[304] Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. Москва, 2009. С. 80.

[305] Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / [Беляева О.А., Бурлаков С.А., Вильданова М.М. и др.]; отв. ред. О. В. Гутников; ИЗиСП. М.: Статут, 2021. С. 279.

кредитора позволяет говорить о наличии у него обязанности реализовывать указанное право добросовестно.

Необходимость наделения кредиторов соответствующей обязанностью обусловлена несколькими обстоятельствами:

1) конфликтогенностью отношений внутри кредиторского сообщества;

2) наличием единой цели кредиторского сообщества;

3) действующим порядком голосования кредиторов в процедурах банкротства.

Поскольку два первых обстоятельства ранее были исследованы в первой главе настоящей работы, обратимся к вопросам, касающимся непосредственно порядка голосования кредиторов в процедурах банкротства.

Установленный действующим законодательством о банкротстве порядок принятия решения собрания кредиторов базируется на двух фундаментальных принципах голосования кредиторов – это принцип пропорциональности и принцип большинства.

Первый из них заключается в том, что объем неимущественных прав кредитора (количество голосов на собрании кредиторов) находится в прямой зависимости от размера его имущественного требования (п. 3 ст. 12 Закона о банкротстве). Экономическая логика пропорционального голосования в данном случае сводится к тому, что чем больше размер требования кредитора, тем больше у него стимула для активного участия в деятельности органов кредиторского сообщества в целях управления должником и ходом процедуры его банкротства. Аналогичные рассуждения содержатся в работе Москевича Г.Е.[306]

Второй из них заключается в том, что решения собрания кредиторов всегда принимаются большинством голосов (в зависимости от вопроса, поставленного на голосование, – это большинство голосов либо а) от числа голосов кредиторов, присутствующих на собрании, либо б) от общего числа голосов кредиторов, включенных в реестр) (ст. 15 Закона о банкротстве).

---

[306] Москевич Г.Е. Принцип пропорциональности в корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 12. С. 165.

Применение принципа большинства для целей осуществления коллективного кредиторского управления объясняется имманентно присущим институту банкротства противостоянием внутри самого кредиторского сообщества (вызванным неисполнением должником собственных обязательств перед всеми кредиторами и ограниченностью имеющихся для этого у него ресурсов) и в этой связи множественностью разнонаправленных, а порой даже противоречащих и взаимоисключающих друг друга интересов[307]. На это не раз обращали внимание многие исследователи, в частности, Карелина С.А. и Фролов И.В.[308], Рубцова Н.В.[309], Шайдуллин А.И.[310]). В таких условиях выработка единого мнения среди кредиторов посредством единогласного голосования видится практически невозможной, что, как указывает Конституционный суд РФ, требует иного способа формирования воли кредиторского сообщества – принуждения меньшинства кредиторов большинством[311].

Несмотря на всю обоснованность нынешнего подхода законодателя относительно порядка принятия решения собрания кредиторов принцип большинства, лежащий в его основе, в некоторых случаях в руках большинства кредиторов становится инструментом существенного ущемления прав и законных интересов меньшинства кредиторов.

В последнее время указанная проблема приобрела широкий резонанс в отечественной и зарубежной доктрине и получила название «мажоризация участников собрания кредиторов» (далее – мажоризация).

---

[307] Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / МГУ имени М.В. Ломоносова; Е.П. Губин, В.А. Вайпан, И.С. Шиткина [и др.]; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. С. 439.

[308] Карелина С.А., Фролов И.В. Проблемы формирования правовой политики потребительского банкротства в России и их влияние на механизмы банкротства граждан // Закон. 2015. № 12. С. 46. Фролов И.В. Современная доктрина банкротного права в российской юрисдикции: анализ теоретических основ // Предпринимательское право. 2022. № 4. С. 39. Фролов И.В. Конфликт интересов в делах о банкротстве: значение, виды, функции и правовые последствия // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6. С. 6.

[309] Рубцова Н.В. Обеспечение баланса частноправовых и публично-правовых интересов в процессе несостоятельности (банкротства) // Хозяйство и право. 2022. № 2. С. 77.

[310] Шайдуллин А.И. Особенности участия связанных с должником кредиторов в процедурах банкротства // Закон. 2020. № 9. С. 59.

[311] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

Её существование объясняется тем, что в настоящее время отсутствуют какие-либо законодательные ограничения уже упомянутого принципа большинства, а при рассмотрении споров активно применяется известный отечественному корпоративному праву подход, согласно которому голосование меньшинства априори не может повлечь принятие иного решения собрания кредиторов должника (например, определение Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 303-ЭС17-19721[312]).

Таким образом, на сегодняшний день ни законодательство, ни правоприменительная практика не содержат каких-либо критериев мажоризации. Ввиду этого, отсутствует систематическое представление того, каким образом меньшинству кредиторов можно противодействовать данному явлению.

Для решения поставленных вопросов необходимо, прежде всего, определить сущность мажоризации. Значительная часть мнений учёных, опубликованных в последнее время, сводится к тому, что мажоризация – это разновидность злоупотребления правом. Так, в частности, Егоров А.В., исследуя указанную проблему не только применительно к банкротству, приходит к выводу о том, что при недобросовестном поведении большинство использует свою власть в ущерб интересам сообщества в целом или отдельных его участников[313]. Андреев М. рассматривает мажоризацию как злоупотребление перевесом голосов в общем собрании[314]. Тай Ю.В., Будылин С.Л. фактически рассуждают аналогичным образом, указывая в своих работах, что «доминирующий (мажоритарный) кредитор используют «банкротную власть» в ущерб миноритарным кредиторам»[315316].

---

[312] Определение Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 303-ЭС17-19721 по делу № А59-4201/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[313] Егоров А.В. Борьба с «мажоризацией» участников собрания как формой злоупотребления при принятии решения // Цивилистика. 2023. Т. 1. № 2. С. 36.

[314]Проблема мажоризации в банкротстве по российскому праву [Электронный ресурс] // URL: URL: https://zakon.ru/blog/2019/02/17/problema_mazhorizacii_v_bankrotstve_po_rossijskomu_pravu#_ftn1 (дата обращения 20.02.2024).

[315] Тай Ю.В., Будылин С.Л. «Банкротная власть» и злоупотребление ею. Проблема погашения третьим лицом требования конкурсного кредитора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 10. С. 142.

[316] Будылин С.Л. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 4. С. 44.

Не отрицая верности общей логики, присутствующей в указанных суждениях, все же добавим, что этого недостаточно для законодательного определения и последующего применения критериев мажоризации, поскольку:

1) «недобросовестное поведение», «злоупотребление правом» не раскрывают объективную сторону мажоризации. В этой связи она подлежит существенному уточнению через ответы на следующие вопросы. Что именно является мажоризацией: само по себе голосование или в том числе его последствия? Какие последствия должны быть установлены: предоставление себе неких преференций, игнорирование интересов отдельных кредиторов, нарушение общего интереса кредиторского сообщества в целом, причинение ему ущерба?

2) «большинство», «доминирующий кредитор», «мажоритарный кредитор» не дают четких критериев, определяющих субъекта мажоризации. В частности, уже на данном этапе возникают такого рода вопросы: это один кредитор, владеющий большинством голосов или несколько кредиторов, голоса которых в совокупности образуют такое большинство? Если несколько кредиторов, то при каких обстоятельствах можно считать, что они использовали сформированное ими большинство в одних и тех же целях?

В ходе дальнейшего исследования попытаемся дать ответы на поставленные вопросы.

Само по себе выражение собственной позиции по тому или иному вопросу на собрании кредиторов, на наш взгляд, нельзя признать мажоризацией. Иначе в противном случае при любых обстоятельствах реализация права голоса будет квалифицирована как правонарушение. Даже в тех случаях, когда большинством голосов принято решение, соответствующее интересам всего кредиторского сообщества в целом.

С учетом этого под мажоризацией следует понимать принятие большинством голосов такого решения собрания кредиторов, которое явно не соответствует единой цели кредиторского сообщества.

В поддержку данного вывода приведем несколько примеров зарубежного правового регулирования. Так, например, абз. 1 §78 Положения о

несостоятельности Германии установлено, что «если решение собрания кредиторов противоречит общему интересу конкурсных кредиторов, то суд по банкротству должен отменить данное решение, если на данном собрании ходатайство об этом заявит кредитор, имеющий право на обособленное удовлетворение, конкурсный кредитор, не являющийся пониженным в очередности, или конкурсный управляющий»[317]. В соответствии со ст. 55 Закона Литовской Республики о неплатежеспособности юридических лиц суд может отменить решение собрания кредиторов, если оно нарушает права и законные интересы всех кредиторов[318].

При этом такие обстоятельства как, например, игнорирование интересов меньшинства кредиторов или предоставление кому-либо из кредиторов, представляющих большинство в кредиторском сообществе, неких преференций, по нашему мнению, не могут служить критериями мажоризации, поскольку:

во-первых, интересы меньшинства могут быть самыми разными и только потому, что у представителей меньшинства кредиторов есть отличное от большинства кредиторов мнение не свидетельствует о том, что решение собрания кредиторов принято большинством кредиторов со злоупотреблением правом;

во-вторых, предоставление некоторым кредиторам преференций, например, через заключение с ними сделок, также не может свидетельствовать о мажоризации, поскольку может служить достижению единой цели кредиторского сообщества и обеспечивать нормальный ход процедуры банкротства.

С учетом изложенного можно заключить, что мажоризация – это принятие большинством голосов решения собрания кредиторов, нарушающего единую цель кредиторского сообщества.

Поскольку мажоризация возможна только в том случае, когда решение собрания кредиторов принято большинством голосов, то, очевидно, что субъектом мажоризации может быть как один кредитор, владеющий таким большинством,

---

[317] Insolvenzordnung (InsO) § 78 Aufhebung eines Beschlusses der Gläubigerversammlung [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/__78.html (дата обращения 20.02.2024).

[318] Lietuvos Respublikos juridinių asmenų nemokumo įstatymas [Электронный ресурс] // URL: https://www.infolex.lt/ta/541479:str55# (дата обращения 20.02.2024).

необходимого в силу закона для принятия соответствующего решения (далее – мажоритарный кредитор), так и несколько кредиторов, которыми осуществляется согласованное голосование для принятия единого заранее продуманного ими решения (далее – мажоритарное объединение кредиторов).

При мажоритарном объединении кредиторов помимо наличия у них большинства голосов также подлежит установлению согласованность их голосования.

Следует сразу отметить, что само по себе участие в голосовании на собрании кредиторов по одному из вариантов повестки не может считаться примером согласованного голосования, поскольку при голосовании многих кредиторов их голоса неминуемо практически всегда разделятся: соответственно, часть голосовавших (независимо от движущих мотивов) окажется в одной из категорий «за» или «против», что не говорит о сговоре голосовавших за определенное решение.

При рассмотрении ряда идентичных споров в рамках дела № А33-35454/2020 о банкротстве ООО «Сибирская кредитно-сберегательная корпорация» Третий арбитражный апелляционный суд, исследовав доводы о становлении группы кредиторов, на наш взгляд, пришел к верному выводу о том, что поскольку «решение принимается в итоге большинством голосов, нельзя автоматически каждого отдельного участника из такого большинства рассматривать как адепта заранее согласованной единой цели»[319].

На согласованность голосования, на наш взгляд, могут указывать следующие обстоятельства:

1) аффилированность кредиторов, имеющаяся независимо от факта возбуждения дела о банкротстве *(например, юридическая или фактическая аффилированность)*, так и возникшая исключительно в рамках отдельной

[319] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 15.11.2021 по делу № А33-35454/2020к12 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 05.03.2022 по делу № А33-35454/2020к17 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 17.03.2022 по делу № А33-35454/2020к18 // СПС «КонсультантПлюс».

процедуры банкротства или только на этапе голосования по отдельным вопросам повестки дня собрания кредиторов (*процедурная аффилированность)*.

2) осведомленность кредиторов о направленности решения собрания кредиторов, за принятие которого они голосуют, на нарушение единой цели кредиторского сообщества.

С учетом изложенного подлежат исследованию вопросы, касающиеся способов преодоления мажоризации. В настоящее время в целях преодоления мажоризации фактически может быть использован лишь один механизм – оспаривание решения собрания кредиторов (п. 4 ст. 15 Закона о банкротстве).

Как показывает правоприменительная практика, основываясь на данной позиции, суды активно отказывают в каких-либо требованиях кредиторов (например, о принятии обеспечительных мер в виде запрета на проведение собрания кредиторов) со ссылкой на то, что они в любом случае «не лишены возможности обратиться с заявлениями об оспаривании решений собрания кредиторов в порядке ст. 15 Закона о банкротстве»[320].

Однако, при таком подходе цель противодействия недобросовестному поведению субъекта мажоризации не будет достигнута в полной мере, поскольку:

1) он лично не претерпевает какие-либо негативные последствия, не привлекается к юридической ответственности;

2) признание недействительным решения собрания кредиторов обязывает повторно провести собрание кредиторов и принять решение по вопросам повестки дня, тем самым все бремя недобросовестного поведения субъекта мажоризации повторно ложится на плечи всего кредиторского сообщества;

3) при повторном принятии решения собрания кредиторов действует тот же самый порядок голосования, что неизменно ведет к риску принятия аналогичного решения или даже если и иного, то не исключено, что также с нарушением единой цели кредиторского сообщества.

---

[320] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.09.2021 по делу № А65-23193/2019 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.04.2022 по делу № А20-4972/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

По этой причине, как верно рассуждает Толстой В.С., необходимо найти «средство противодействия доминирующим позициям мажоритарных кредиторов»[321]. В отечественной доктрине предпринимаются соответствующие попытки, но в основном они касаются отдельных вопросов, рассматриваемых кредиторами в делах о несостоятельности (банкротстве).

Так, например, Яцева Е. отмечает, что при принятии решения о заключении мирового соглашения каждый кредитор должен иметь один голос[322]. Телюкина М.В. предлагает аналогичное решение, то есть при заключении мирового соглашения голосовать «не количеством требований, а количеством субъектов»[323]. Однако, стоит признать, что решение единичных случаев не дает полного и ясного представления о том, посредством каких способов можно всецело и во всех случаях противодействовать недобросовестному поведению субъектов мажоризации.

Как справедливо отмечает Енькова Е.Е., для этих целей необходимо разработать и включить в законодательство о несостоятельности (банкротстве) систему правовых инструментов реагирования на мажоризацию[324].

Рассматривая факт принятия решения собрания кредиторов как критерий выделения способов противодействия мажоризации, обозначим такие способы как:

1) ex ante способы противодействия мажоризации в делах о несостоятельности (банкротстве):

Следует говорить о необходимости противодействия мажоризации уже на этапе голосования на собрании кредиторов, то есть до принятия решения собрания кредиторов.

На этом этапе примером воздействия на волю субъекта мажоризации в зарубежных правопорядках является механизм классового голосования, разработанный на базе концепции «the best interests of creditors» и используемый

---

[321] Толстой В.С. Гражданское информационное право. М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. С. 232.

[322] Яцева Е. Общие условия действительности мирового соглашения по делу о банкротстве должника // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 10. С. 25.

[323] Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 246.

[324] Енькова Е.Е. Проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 88.

для принятия решения собрания кредиторов по вопросу об утверждении плана реабилитации должника[325]. Данный механизм фактически представляет собой двухступенчатый порядок голосования, где на первом этапе большинством голосов определяется воля всех классов кредиторов, на следующем – воля кредиторского сообщества в целом.

Данный способ голосования в определенной степени может служить стимулом для субъекта мажоризации сотрудничать с другими кредиторами (прежде всего, с теми, кто находится в других классах), искать с ними компромиссные варианты решения. В этом смысле механизм классового голосования можно рассматривать как способ преодоления воли субъекта мажоризации.

Некоторые зачатки для внедрения механизма классового голосования в отечественную правоприменительную практику уже имеются. Так, например, выделение различных категорий кредиторов не является новацией для российской юрисдикции[326]. Уже не раз предпринимались попытки легализовать разные классы кредиторов. В частности, подтверждением тому является законопроект № 239932-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц»[327].

Данным законопроектом предлагалось выделение следующих классов кредиторов:

– требования по обязательным платежам;

– требования, основанные на кредитных договорах с кредитными организациями, в том числе из договоров залога, поручительства и независимой гарантии;

---

[325] Voting Rules in Bankruptcy Law [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/304904243_Voting_Rules_in_Bankruptcy_Law (дата обращения 05.08.2025).

[326] Карелина С.А., Фролов И.В. К вопросу о моделях классификации кредиторов в делах о банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2020. № 6. С. 19.

[327] Законопроект № 239932-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц» [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/239932-7 (дата обращения 11.02.2025).

– граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями;

– каждого кредитора, требование которого обеспечено залогом имущества должника;

– лиц, являющихся заинтересованными по отношению к должнику;

– кредиторов, интересы которых не затрагиваются планом процедуры реструктуризации;

– все остальные требования.

Кроме этого, определенные шаги в этом направлении также были предприняты в законопроекте № 1172553-7, согласно которому решение о заключении мирового соглашения принимается большинством от каждого из классов кредиторов: не являющихся заинтересованными по отношению к должнику, заинтересованными по отношению к нему и залоговых кредиторов[328].

Однако до настоящего времени данный вопрос законодательно так и не решен. Подготовленные два законопроекта так и не стали законами. Видится, по той причине, что предложенное классообразование не совсем удачное: в случае с законопроектом № 239932-7 отсутствует четкий критерий выделения отдельных классов кредиторов (среди семи упомянутых классов выделены кредиторы по признаку их заинтересованности с должником, характеру их требования, правового статуса), а в случае с законопроектом № 1172553-7 следует признать, что в любом случае невозможно исключить голосование неявно аффилированных лиц[329].

Помимо указанного, причиной тому, что механизм классового голосования не приживается в российском законодательстве, является его изначальная неспособность обеспечить равное отношение ко всем кредиторам в силу действующих законоположений. Так, например, порядок погашения требования уполномоченного органа в рамках мирового соглашения по делу о банкротстве, в том числе вопросы отсрочки и рассрочки налогового обязательства, императивно

---

[328] Законопроект № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7?ysclid=m9d2w3mruv220936701 (дата обращения: 11.02.2025).

[329] Есманский А.А. Реструктуризация задолженности: как защитить интересы независимых кредиторов? // Закон. 2023. № 4. С. 97.

регулируются законодательством о налогах и сборах. Согласно п. 1 ст. 64 Налогового кодекса РФ отсрочка или рассрочка по уплате налога представляет собой изменение срока уплаты налога на срок, не превышающий один год[330]. Из указанного следует, что законодателем определен период, в течение которого подлежит погашению требование уполномоченного органа, и он составляет один год с даты утверждения мирового соглашения. Независимо от порядка голосования кредиторов указанные законоположения подлежат применению в императивном порядке.

§2. Решение органа кредиторского сообщества: правовая природа, виды и проблемы оспаривания

Эффективность деятельности органов кредиторского сообщества во многом зависит от придания правовой формы тем способам, с помощью которых ими осуществляется управление в процедурах банкротства.

Из положений статей 15 и 17 Закона о банкротстве следует, что многообразие вопросов, находящихся в компетенции органов кредиторского сообщества, оформляется решением.

В силу указанного представляется необходимым определить правовую природу решения органов кредиторского сообщества в деле о банкротстве. Решение данного вопроса имеет не столько теоретический, сколько практический характер, так как в зависимости от того, что есть решение органов кредиторского сообщества находится его правовой эффект.

В отечественной доктрине представлены разные попытки исследования правовой природы решения органов кредиторского сообщества. Анализ различных воззрений позволяет утверждать о наличии по меньшей мере трех теорий правовой природы решения органов кредиторского сообщества: сделочная, нормативная и специально-юридическая.

Рассмотрим каждую из указанных теорий.

---

[330] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

1) Сделочная теория правовой природы решения органа кредиторского сообщества.

В соответствии с п. 2 ст. 181.1 ГК РФ решение собрания, с которым закон связывает гражданско-правовые последствия, порождает правовые последствия, на которые решение собрания направлено, для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании (участников юридического лица, сособственников, кредиторов при банкротстве и других - участников гражданско-правового сообщества), а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений.

Из вышеуказанных законоположений следует, что решение органа кредиторского сообщества и решение собрания соотносятся между собой как «вид» и «род». В связи с этим представленные в отечественной доктрине исследования правовой природы решения собрания как сделки равным образом касаются решения органов кредиторского сообщества, а значит подлежат изучению.

Многие ученые утверждают, что, несмотря на особый правовой режим решения собраний, по существу оно является сделкой. Так, например, Рыженков А.Я. считает, что гипотеза о решениях собраний как разновидности сделок представляется обоснованной[331]. Труханов К.И. рассматривает решения общего собрания акционеров (участников) и юридические сделки как категории одного порядка. Шевченко И.М. утверждает, что решения собрания по своей природе являются особой разновидностью гражданско-правовых сделок[332].

В обоснование указанной позиции традиционно приводятся следующие аргументы. Первое, что решение собрания так же, как и сделка направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Поэтому легальная дефиниция сделки, предусмотренная ст. 153 ГК РФ, не противоречит правовой сути решения собрания. Второе, что законодательно

---

[331] Рыженков А.Я. Решения собраний как юридический факт в предпринимательском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 64.

[332] Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 73.

установлено одинаковое деление решений собраний и сделок на два вида – ничтожные и оспоримые[333].

Несмотря на наличие в литературе определенных наработок по вопросу о правовой природе решения собрания попробуем самостоятельно исследовать сходства и отличия решений органов кредиторского сообщества и сделок, что позволит более достоверно прийти к выводу об их тождественности или усомниться в этом.

Решения органов кредиторского сообщества в понимании п. 2 ст. 181.1 ГК РФ создают правовые последствия для самих кредиторов, а равно иных лиц, участвующих в деле о банкротстве, в зависимости от существа принятого решения.

Указанное не исключает права органов кредиторского сообщества изменять или отменять ранее принятое ими решение (пункт 3 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018[334]).

Аналогичных правовых последствий можно достичь при заключении сделок, что следует из положений ст. 153 ГК РФ.

В этом смысле законодательное указание на то, что решение собрания *«порождает правовые последствия»* (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ), а сделки *«направлены на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей»* (ст. 153 ГК РФ) не должно рассматриваться как признак их различения.

По этой причине представляется неясным вывод Лаптева В.А., что, в отличие от решения собраний, сделки порождают (организуют) установление, изменение и прекращение ранее не существовавших гражданско-правовых обязательств; до совершения сделки взаимоотношения (обязательства) между ее сторонами не существуют и возникают лишь после ее заключения[335].

---

[333] Бессонова А.В. Правовое положение решений собраний в системе юридических фактов // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 4А. С. 64.

[334] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

[335] Лаптев В.А. Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. 2016. № 2. С. 32.

Сама по себе формулировка «сделки направлены на изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей» указывает на существование гражданско-правовых обязательств до заключения сделки. Иначе, что именно будет изменять или прекращать сделка? В качестве примера, на наш взгляд, достаточно обозначить, что в коммерческой практике является распространенным заключение дополнительных соглашений, направленных на уточнение либо аннулирование отдельных условий договора, которые, в свою очередь, являются сделками.

Как видно, в самом общем виде решения органов кредиторского сообщества и сделки могут влечь одни и те же правовые последствия: создание, изменение и прекращение обязательств.

Отличие решения собрания от сделки состоит прежде всего в том, что оно может порождать гражданско-правовые последствия только в случаях, предусмотренных законом. Например, общее собрание принимает решение об одобрении крупных сделок (пп. 15 п. 1 ст. Закона об АО). Как известно, гражданские права и обязанности возникают из договоров и иных сделок, как предусмотренных законом, так и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему (п. 1 ст. 8 ГК РФ). Кроме того, решения собраний порождают правовые последствия, а не непосредственно гражданские права и обязанности.

2) Нормативная теория правовой природы решения органа кредиторского сообщества.

Нормативная теория рассматривает решение в качестве локального нормативного акта. Данная позиция представлена в доктрине корпоративного права применительно к решению органа юридического лица (например, Пахомова Н.Н.[336], Кравченко Р.С.[337] и др.). Согласно этой теории решение органа юридического лица является не просто юридическим фактом, но источником объективного права.

---

[336] Пахомова Н.Н. Основы теории корпоративных отношений. Правовой аспект. Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2004. С. 125.

[337] Кравченко Р.С. Корпоративное управление: обеспечение и защита права акционеров на информацию (российский и англо-американский опыт). М.: Спарк, 2002. С. 89.

Нормативная теория прочно закрепилась в советское время, когда речь шла преимущественно о регулировании трудовых отношений и о формировании правил внутреннего трудового распорядка и иных локальных нормативных актов. Современные представители этого направления, например Лаптев В.В., подразделяют решения на акты, формируемые при создании юридического лица, и акты, принимаемые в процессе его деятельности[338]. Эбзеев Б.Б. делит решения собраний на нормативные и ненормативные локальные акты[339].

Ряд авторов, как отмечает в своей работе Вилкин С.С., обосновывают нормативный характер решения органа юридического лица, апеллируя исключительно к специфике корпоративных отношений как отношений «власти и подчинения», что в действительности для этого недостаточно[340].

В современной отечественной доктрине хоть и признается, что решениям собраний присуще в определенном аспекте свойство нормативности, но все-таки принято считать, что нет оснований возводить данное свойство на уровень источника права, особенно с точки зрения теории позитивизма[341].

Данный подход в полной мере соответствует решению органа кредиторского сообщества. Действительно, решение органа кредиторского сообщества обладает определенным свойством нормативности, так как носит обязательный характер для других участников конкурсного процесса, включая должника, арбитражного управляющего и других заинтересованных лиц.

В этом контексте представляется интересной судебная практика по привлечению арбитражных управляющих к административной ответственности за несоблюдение решений органов кредиторского сообщества. Винницкий А.В. пишет, что «все чаще управляющим в качестве административного правонарушения вменяется отступление от решений собрания кредиторов и

---

[338] Лаптев В.В. Акционерное право. М.: Юрид. фирма «Контракт», ИНФРА-М, 1999. С.17.
[339] Эбзеев Б.Б. Участие акционерных обществ в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 122.
[340] Вилкин С.С. О нормативной теории решения органа юридического лица // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 64.
[341] Конфликт интересов в юридических лицах: монография / В. И. Малкина; под редакцией О. А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2022. С. 122. Зайцева Ю.А. Публично-правовые компании в России: проблемы правового статуса: монография. М.: Юстицинформ, 2024. С. 134.

комитета кредиторов»[342]. Пучков В.О. указывает, что тому причина интерпретация решений собраний и комитетов кредиторов «в качестве элементов законодательства о банкротстве»[343], что автор считает ошибочным, противоречащим целям правового регулирования отношений несостоятельности.

Несмотря на распространенность данной теории и ее применение в правоприменительной практике законодательство Российской Федерации не объявляет решение органов кредиторского сообщества институтом публичного права. Более того, регулируется, главным образом, нормами главы 9.1 ГК РФ, в соответствии с которыми решение собрания – это самостоятельное основание возникновения прав и обязанностей.

Таким образом, в отличие от публично-правовых актов, принятие решения органа кредиторского сообщества не связано с императивными нормами и строится на основе волеизъявления участников кредиторского сообщества, хотя и в рамках установленной законом процедуры.

В связи с указанным наша позиция такова, что хоть и решения органа кредиторского сообщества в определенном аспекте обладает свойством нормативности, тем не менее отсутствуют основания для квалификации его в качестве нормативного акта, как следствие, института публичного права.

3) Специально-юридическая теория правовой природы решения органа кредиторского сообщества.

Несмотря на формальное сходство решений органа управления юридического лица и органа кредиторского сообщества как актов коллективного волеобразования, основанных на принципе большинства, их правовые последствия существенно различаются. Во-первых, решения органа кредиторского сообщества обладают экстерриториальным действием, то есть порождают юридически значимые последствия не только для кредиторов, а для всех субъектов конкурсных

---

[342] Винницкий А.В. Продолжение дискуссии об административной ответственности арбитражных управляющих в свете подготовки проекта нового КоАП // Административное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 7.

[343] Пучков В.О. Административная ответственность арбитражного управляющего в праве России и государств постсоветского пространства: тенденции развития регулирования в контексте цифровизации // Арбитражные споры. 2022. № 1. С. 145.

отношений (включая должника, арбитражного управляющего), тогда как решения собраний акционеров (участников) обязательны исключительно для соответствующего юридического лица. Во-вторых, решения органа кредиторского сообщества выражают коллективную волю кредиторов в рамках процедуры банкротства, не замещая собой автономную волю должника при осуществлении его правоспособности. В-третьих, в отличие от корпоративных решений, реализуемых самостоятельно, отдельные решения органа кредиторского сообщества (например, заключение мирового соглашения) требуют обязательной санкции суда, что обусловлено публично-правовым характером института банкротства и необходимостью защиты прав участников конкурсного процесса.

Указанные различия демонстрируют, что отождествление правовой природы данных актов на основании общего формального критерия (принцип большинства) методологически ошибочно. Исследование решений кредиторского сообщества исключительно через призму корпоративных решений игнорирует их специфику.

Представляется, что при решении вопроса о правовой природе решения органов кредиторского сообщества необходимо детально исследовать порождаемые им правовые последствия, поскольку без них оно само по себе не представляет какой-либо юридической значимости.

Для этого необходимо ответить на два вопроса: первый – это какой правовой эффект порождает решение органа кредиторского сообщества? Второй – на кого из участников конкурсных отношений оно направлено?

Правовой эффект решений органов кредиторского сообщества определяется его компетенцией. Решения, которые приняты за рамками компетенции не могут создавать какие-либо правовые последствия. Именно поэтому такие решения являются недействительными (п. 4 ст. 15 Закона о банкротстве).

Таким образом, для определения правового эффекта, порождаемого решением органа кредиторского сообщества, необходимо установить его компетенцию, что будет сделано в главе 3 настоящей работы.

Кроме этого, для определения юридического эффекта решения органа кредиторского сообщества необходимо установить круг лиц, для которых оно является обязательным.

Из анализа совокупности положений, предусмотренных п. 2 ст. 181.1 ГК РФ и п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве следует, что решение собрания кредиторов, принятое по вопросу, отнесенному к его исключительной компетенции в силу закона, имеет обязательную силу для всех участников конкурсных отношений, возникающих в рамках данного дела о банкротстве, в том числе для суда.

Однако в настоящее время правоприменительная практика не содержит однозначного подхода к оценке правового эффекта решения собрания кредиторов, принятого им в ходе реализации исключительной компетенции. Так, в одних случаях, такому решению собрания кредиторов придается императивный характер, то есть обязательный для всех участников дела о банкротстве, в том числе для суда, а в других – указывается, что оно в любом случае не является обязательным для суда, подлежит судебному санкционированию.

В качестве примера обратимся к п. 2 ст. 12 и п. 1 ст. 75 Закона о банкротстве, из которых однозначно следует, что для введения следующей за наблюдением процедуры банкротства необходим лишь факт принятия решения собрания кредиторов независимо от причин принятия такого решения, фактических обстоятельств, позиций других участников дела и даже мнения самого суда.

Данный вывод находит свое подтверждение в судебных актах арбитражных судов Российской Федерации. Так, Девятый арбитражный апелляционный суд подчеркнул, что по смыслу положений ст. 75 Закона о банкротстве решение собрания кредиторов является безусловным основанием для введения процедуры внешнего управления. Следовательно, при его наличии арбитражный суд не может вынести иного решения по делу о банкротстве, даже если имеется ходатайство, выражающее волю кредитора, с отличным мнением от мнения большинства[344].

[344] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.11.2019 № 09АП-61034/2019, 09АП-62575/2019 по делу № А40-290432/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

В другом деле суд кассационной инстанции, проверив выводы нижестоящих судов о невозможности введения в отношении должника процедуры внешнего управления несмотря на наличие соответствующего решения собрания кредиторов, пришел к выводу о незаконности принятых ими судебных актов, поскольку решение вопроса о введении процедуры находится в исключительной компетенции собрания кредиторов, а значит суд не мог по своему усмотрению признавать должника банкротом и вводить процедуру конкурсного производства[345].

Однако в судебной практике также встречаются примеры, когда данная логика рассуждений совершенно отсутствует, поскольку решения по некоторым вопросам, отнесенным к исключительной компетенции собрания кредиторов, признаются не имеющими для арбитражного суда обязательного характера.

Для рассмотрения практического примера обратимся к постановлению Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2022 № 16АП-3744/2021 по делу № А63-3295/2021 о банкротстве ООО «СМДС ПМК». Собранием кредиторов ООО «СМДС ПМК» было принято решение о введении в отношении должника процедуры внешнего управления, то есть по вопросу, отнесенному в силу п. 2 ст. 12 и п. 1 ст. 75 Закона о банкротстве к исключительной компетенции собрания кредиторов.

Таким образом, в указанных законоположениях установлен приоритет в разрешении вопроса о выборе соответствующей процедуры банкротства именно кредиторами в лице собрания кредиторов, предусмотрев, что его решение должно иметь определяющее значение.

Несмотря на указанное, суд первой инстанции отказал во введении процедуры внешнего управления в отношении ООО «СМДС ПМК», признав его несостоятельным (банкротом) и открыв другую процедуру банкротства – конкурсное производство.

При рассмотрении жалоб на определение о введении процедуры конкурсного производства Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд указал, что

---

[345] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.04.2018 № Ф02-937/2018 по делу № А33-24500/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

решение собрания кредиторов не является безусловным основанием для введения в отношении должника процедуры внешнего управления, в любом случае процедура банкротства проводится под контролем арбитражного суда, а значит при введении процедуры банкротства судом подлежат исследованию и оценке все значимые обстоятельства, а не только решение собрания кредиторов[346].

Аналогичные рассуждения также нашли свое отражение в определении Верховного Суда РФ от 23.01.2023 № 307-ЭС19-8097(4) по делу № А13-8408/2015[347], постановлениях Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2021 № 15АП-16073/2021 по делу № А32-727/2020[348], от 14.06.2020 № 15АП-4571/2020 по делу № А53-682/2019[349].

Обратимся к другому практическому примеру, где собрание кредиторов также принимает решение по вопросу, отнесенному к его исключительной компетенции – вопросу о введении в отношении должника процедуры внешнего управления, но уже в рамках конкурсного производства (п. 2 ст. 146 Закона о банкротстве).

Однако в силу закона в данном случае, помимо самого факта принятия решения собрания кредиторов, суд должен установить наличие у должника имущества, необходимого для осуществления самостоятельной хозяйственной деятельности.

Из указанного следует, что решение собрания кредиторов о переходе из процедуры конкурсного производства к процедуре внешнего управления приобретает юридическую силу для всех лиц, участвующих в деле с момента его утверждения судом.

Однако указанное не означает, что для суда оно не имеет обязательного характера. Принятие решения о переходе к процедуре внешнего управления в деле

---

[346] Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2022 № 16АП-3744/2021 по делу № А63-3295/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
[347] Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2023 № 307-ЭС19-8097(4) по делу № А13-8408/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
[348] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2021 № 15АП-16073/2021 по делу № А32-727/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
[349] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2020 № 15АП-4571/2020 по делу № А53-682/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

о банкротстве в любом случае является прерогативой собрания кредиторов, что установлено п. 2 ст. 12, п. 2 ст. 146 Закона о банкротстве.

Поэтому до тех пор, пока не доказана недействительность решения собрания кредиторов о переходе к процедуре внешнего управления, суд не должен его переоценивать. В противном случае он вторгается в компетенцию собрания кредиторов, что в силу п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве недопустимо.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что по вопросам исключительной компетенции собрания кредиторов следует различать два вида принимаемых им решений:

1) абсолютные решения – решения собрания кредиторов, которые принимаются по вопросу, отнесенному законом к его исключительной компетенции, и претворяются в жизнь судом лишь на основании факта принятия соответствующего решения.

2) относительные решения – решения собрания кредиторов, которые принимаются по вопросу, отнесенному законом к его исключительной компетенции, и претворяются в жизнь судом на основании факта принятия соответствующего решения и других обстоятельств, подлежащих установлению в силу закона.

Указанное разграничение решений собрания кредиторов, принятых по вопросам его исключительной компетенции, имеет важное практическое значение, поскольку:

во-первых, демонстрирует условия, при которых оно становится обязательным в деле о банкротстве;

во-вторых, раскрывает грань между конструкциями «исключительная компетенция собрания кредиторов» и «компетенция суда».

В этой связи в целях нормативного закрепления общего принципа судебной оценки решений собрания кредиторов, принятых по вопросам его исключительной компетенции, видится необходимым законодательно установить следующее:

1) в случаях, установленных законом, суд при его утверждении проверяет лишь факт его принятия;

2) в случаях, установленных законом, суд помимо установления факта принятия решения собрания кредиторов исследует фактические обстоятельства, прямо предусмотренные законом.

Из совокупного анализа положений п. 2 ст. 12 и ст. 15 Закона о банкротстве следует, что органы кредиторского сообщества через порядок, установленный для принятия решения, также принимают другие акты: план внешнего управления, положение о порядке продажи имущества должника и др.

В настоящей работе предлагается применительно ко всем таким актам использовать термин «кредиторский акт»[350]. Его применение обусловлено двумя следующими обстоятельствами: во-первых, они исходят от кредиторского сообщества в лице своих органов; во-вторых, представляет собой форму легальной возможности их участия в управлении должником, его деятельностью и имуществом, а также ходом процедуры банкротства в рамках системы конкурсных отношений.

Внедрение унифицирующего термина «кредиторский акт» для таких актов, как план внешнего управления, план финансового оздоровления, положение о порядке продажи имущества должника, положение о порядке предоставления отступного и т.п., положительно скажется на эффективности процедуры банкротства. Без подробного рассмотрения правовых последствий разработки указанного общего термина отметим, что это создает, например, потенциал для стандартизации процедуры их принятия (как, например, единые правила формирования кворума, процедуры голосования кредиторов) и обжалования (как, например, единые основания и порядок оспаривания), что сформирует более предсказуемую и стабильную правовую среду для всех участников конкурсного процесса.

Из совокупного анализа положений п. 2 ст. 12 и ст. 15 Закона о банкротстве следует, что кредиторские акты принимаются органами кредиторского сообщества через порядок, установленный для принятия решения.

---

[350] Согоян Д.П. Кредиторский акт в банкротстве: понятие и особенности правовой природы // Право и экономика. 2025. № 1. С. 23-28.

В отечественной доктрине указанное стало поводом для дискуссии по вопросу о правовой природе указанных актов. Можно ли их отождествлять с решением органа кредиторского сообщества или они имеют отличную от него природу?

Рассматривая указанный вопрос применительно к плану внешнего управления, по результатам своего диссертационного исследования Еничева Н.В. приходит к выводу о том, что поскольку план внешнего управления формируется благодаря деятельности органа кредиторского сообщества и тем самым выражает общую волю кредиторов, то фактически является разновидностью решения собрания[351]. Дорохина Е.Г. придерживается аналогичного мнения и указывает, что поскольку план внешнего управления утверждается собранием кредиторов, его можно рассматривать в качестве решения собрания[352].

Однако, на наш взгляд, данный подход является в корне ошибочным. Он сосредоточен на оценке формальных требований к порядку принятия решения, игнорируя, при этом, аспекты, которые непосредственно определяют природу кредиторского акта, как, например, его роль в организации управления процессом банкротства и создаваемые им правовые последствия.

По мнению Карелиной С.А., план внешнего управления представляет собой «согласие кредиторов на совершение арбитражным управляющим впоследствии ряда сделок»[353]. Тем самым она обоснованно квалифицирует план внешнего управления как односторонний акт, исходящий от кредиторов и адресованный управляющему, а не как результат соглашения между ними. Однако существенным пробелом данного подхода является отсутствие анализа правовой природы плана в контексте его характеристики как сделки, заключенной исключительно между кредиторами.

---

[351] Еничева Н.В. Реализация правоспособности юридического лица в процедурах несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юр. наук. М., 2022. С. 166.
[352] Дорохина Е.Г. Указ. соч. С. 157.
[353] Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 244.

Кредиторский акт, как правовой феномен, действительно, подлежит принятию собранием или комитетом кредиторов, что формально означает, что его утверждение невозможно без соответствующего решения органа кредиторского сообщества. Однако данный формальный признак не позволяет отождествлять кредиторский акт с решением собрания, поскольку их правовая природа, функциональное назначение и юридические последствия существенно различаются. Как отмечает Харитонова Ю.С. в контексте плана внешнего управления, возникает вопрос о соотношении двух актов: самого плана внешнего управления и решения собрания кредиторов, которым утверждается план[354].

На наш взгляд, эти акты не только не тождественны, но и обладают принципиальными различиями в своей функциональной направленности и юридических последствиях, что исключает возможность их отождествления.

Так, решение представляет собой формализованный акт, посредством которого кредиторы реализуют свое право на управление процедурой банкротства. Его суть сводится к констатации, фиксации результата голосования по конкретному вопросу, а юридическая сила возникает в момент принятия и не требует дополнительных условий, кроме соблюдения процедуры принятия. В отличие этого, кредиторский акт – это материально-правовой акт, содержащий комплекс норм, правил и механизмов, регулирующих отношения в рамках процедуры банкротства. Его принятие, хотя и опосредовано решением, направлено не на фиксацию воли кредиторов, а на создание правового режима для реализации этой воли.

Следовательно, различия проявляются в юридических последствиях. Решение органа кредиторского сообщества порождает обязательность определенных действий для участников конкурсного процесса, но не регулирует содержание этих действий. Кредиторский акт, напротив, детализирует материальные условия: например, сроки, этапы, порядок продажи имущества или

---

[354] Предпринимательское право: современный взгляд: монография / МГУ имени М.В. Ломоносова / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Е.Г. Афанасьев [и др.]; отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно. М.: Юстицинформ, 2019. С. 85.

расчетов с кредиторами. К примеру, решение собрания об утверждении плана внешнего управления лишь санкционирует его применение, тогда как сам план, как кредиторский акт, устанавливает конкретные срок, меры восстановления платежеспособности должника, условия и порядок реализации указанных мер, расходы на их реализацию (ст. 106 Закона о банкротстве). Это демонстрирует, что кредиторский акт обладает самостоятельным содержательным наполнением, выходящим за рамки решения.

Таким образом, решение выступает юридическим основанием для возникновения кредиторского акта, но не подменяет его. Это два взаимосвязанных, но самостоятельных акта кредиторского сообщества. Их различия обусловлены целями, содержанием и правовыми последствиями. Решение – это формально-волевой импульс (в частности, «да» или «нет» по определенному вопросу), тогда как кредиторский акт – это материализованный результат такого импульса, содержащий комплекс положений, порождающих права и обязанности для должника, кредиторов, арбитражного управляющего, иных лиц.

По вопросу о правовой природе наша позиция такова, что кредиторский акт представляет собой юридическую конструкцию смешанной правовой природы, объединяющей в себе черты корпоративного договора (в контексте вопроса о товарищеской природе отношений внутри кредиторского сообщества) и локального нормативного акта (в контексте вопроса о его нормативности). Рассмотрим более детально каждый из указанных аспектов.

Аналогия «кредиторский акт и корпоративный договор» основана на признании соответствия природы отношений, складывающихся внутри кредиторского сообщества, отношениям между участниками договора простого товарищества. Так, между кредиторами имеют место отношения по совместному управлению должником и определению его дальнейшей судьбы в процедуре банкротства (ведение общего дела), что, в свою очередь, направлено на формирование конкурсной массы должника и погашение задолженности (достижение общей цели).

По указанным атрибутивным признакам межкредиторские отношения следует рассматривать как товарищеские отношения аналогично отношениям, возникающим между участниками хозяйственного общества. Данный вывод позволяет исследовать схожесть кредиторского акта с корпоративным договором с точки зрения их юридических характеристик.

Из положений ст. 67.2 ГК РФ следует, что корпоративный договор позволяет участникам договориться по вопросам их управления хозяйственным обществом[355]. Именно поэтому в отечественной доктрине распространен тезис о том, что корпоративный договор следует рассматривать как организационно-управленческий договор[356]. В частности, Долинская В.В. пишет, что «функция этих договоров – коллективное осуществление прав участников корпораций»[357].

С учетом этого кредиторский акт в функциональном смысле аналогичен корпоративному договору: оба представляют собой соглашение участников сообщества по порядку осуществления ими коллективного управления юридическим лицом. Однако несмотря на эти параллели, кредиторский акт и корпоративный договор регулируют отношения разных субъектов и решают разные задачи. Если корпоративный договор определяет взаимодействие участников хозяйственного общества и направлен на оптимизацию корпоративного управления и обеспечение устойчивого развития юридического лица, то кредиторский акт распространяет свое действие не только на кредиторов как участников кредиторского сообщества, но и фокусируется на отношениях между кредиторами и должником, а в некоторых случаях также иными участниками конкурсных отношений.

---

[355] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[356] Лаптев В.А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 279. Ситдикова Л.Б. Корпоративный договор как способ осуществления прав участников корпоративных отношений // Юрист. 2024. № 3. С. 5.

[357] Долинская В.В. Организационные отношения в частном праве: прошлое, настоящее, будущее // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 10. С. 22.

Таким образом, кредиторский акт можно рассматривать как соглашение кредиторов по наиболее существенным вопросам процедуры банкротства с определением конкретного порядка ее реализации.

Так, например, план внешнего управления фактически есть соглашение кредиторов по восстановлению платежеспособности должника с определением конкретных для этого мер (ст. 106 Закона о банкротстве). Другой пример – это положение о продаже имущества должника, которое представляет собой соглашение кредиторов по реализации имущества должника с установлением ее порядка (п. 1.1 ст. 139 Закона о банкротстве). Аналогичным образом можно раскрыть сущность положения о порядке предоставления отступного, которое является соглашением кредиторов по передаче имущества в качестве отступного с определением порядка такой передачи (п. 4 ст. 142.1 Закона о банкротстве).

Таким образом, в свете проведенного сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что корпоративный договор и кредиторский акт имеют сходную цель – регулирование аспектов коллективного управления. Несмотря на некоторые различия, их основное направление остается единым. Это открывает перспективу использования в порядке аналогии закона правового режима корпоративного договора в отношении кредиторских актов в части вопросов, касающихся оснований и порядка их оспаривания (учитывая, что в настоящее время законодательство в этой части остается пробельным). Такое решение обеспечит предсказуемость процесса оспаривания кредиторских актов в деле о банкротстве и обеспечит эффективную защиту прав и интересов участников конкурсных отношений.

Аналогия «кредиторский акт и локальный нормативный акт» основана, прежде всего, на признании нормативного характера кредиторского акта, что также свойственно локальному нормативному акту. Кроме этого, данный подход учитывает позицию Верховного Суда РФ, который впервые на уровне обзора ввел понятие «локальный внутренний акт», понимая под ним план внешнего управления, положение о продаже имущества должника, процедура и условия замены активов и так далее. Однако само понятие «локальный внутренний акт» им

никак не определено, равно как и не дано какое-либо обоснование его использования, только лишь перечислены примеры того, что может быть квалифицировано в качестве локального внутреннего акта[358]. Однако, такой объем информации нельзя признать достаточным для понимания природы кредиторского акта в целом, так и точки зрения высшей судебной инстанции на этот вопрос, поэтому требуется дальнейшее исследование данной проблематики.

Не погружаясь в анализ различного подхода в понимании локальных нормативных актов в предпринимательском и трудовом законодательстве, обозначим следующие его признаки: во-первых, содержат правила и предписания, предназначенные для определенного круга лиц[359], носят обязательный характер в рамках определенного объединения[360]; во-вторых, конкретизируют правовые нормы, содержащиеся в правовых актах государственных органов[361]; в-третьих, принимаются уполномоченными органами в рамках своей компетенции в установленном законом порядке.

Кредиторские акты в банкротстве также характеризуются указанными признаками, но имеют свою специфику, которая выражается в следующем.

1) их обязательность выходит за пределы кредиторского сообщества и распространяется на всех участников конкурсного процесса.

Ключевое отличие кредиторских актов в банкротстве от локальных нормативных актов заключается в круге лиц, на которых они распространяют свою силу. Так, локальные нормативные акты регулируют отношения исключительно внутри сообщества (юридического лица, организации-работодателя и т.д.). Их характер – сугубо локальный, внутренний. Эти документы устанавливают правила поведения внутри сообщества и не выходят за его пределы. Они, как правило, не

---

[358]Пункт 12 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

[359] Жеребкина Е.В. Локальные правовые акты как предмет судебного нормоконтроля // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 11. С. 27.

[360] Лескова Ю.Г., Диденко А.А. Корпоративные акты как источники корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 17.

[361] Потапов В.А. Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 113.

имеют обязательной силы для третьих лиц. Как верно отмечает Шиткина И.С., у них даже отсутствует к ним доступ, «третьи лица уж точно не должны их изучать и регулируют отношения «внутри» самого юридического лица»[362]. Аналогичным образом рассуждают Рузакова О.А., Туляков С.С.[363].

В отличие от них, кредиторские акты обладают обязательной силой не только для кредиторов, но и для всех участников дела о банкротстве, включая должника, арбитражного управляющего и других лиц. Их действие распространяется далеко за пределы кредиторского сообщества, формируя правовые рамки для всех участников конкурсного процесса.

2) конкретизируют нормы законодательства о банкротстве по какому-то отдельному вопросу либо процедуры банкротства в целом.

Кредиторские акты по своей природе так же, как и локальные нормативные акты, носят конкретизирующий характер по отношению к актам законодательным: либо дополняя регулирование процедуры банкротства в целом (как, например, план финансового оздоровления, план внешнего управления) или уточняя его отдельные положения (как, например, положение о порядке предоставления отступного).

При этом законодательство о банкротстве не всегда предоставляет четкие указания относительно содержания кредиторских актов. Так, например, если нормативно определено содержание положения о порядке предоставления отступного (п. 4 ст. 142.1 Закона о банкротстве), то, что именно должно быть предусмотрено в плане финансового оздоровления, детально не урегулировано (абз. 2 п. 1 ст. 84 Закона о банкротстве). По этой причине разработаны методические рекомендации по составлению плана финансового оздоровления[364].

Кроме этого, следует отметить, что в силу закона некоторые кредиторские акты должны содержать экономически обоснованные положения. Ярким примером

---

[362] Шиткина И.С. Уставы российских хозяйственных обществ: какими им быть? // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 21.

[363] Рузакова О.А., Туляков С.С. Понятие и особенности корпоративного нормативного акта // Право и управление. XXI век. 2020. № 3 (56). С 36.

[364] Приказ Минпромэнерго РФ № 57, Минэкономразвития РФ № 134 от 25.04.2007 «Об утверждении Методических рекомендаций по составлению плана (программы) финансового оздоровления» // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2007. № 9. (ч. II) (Рекомендации).

тому являются план финансового оздоровления и план внешнего управления, в которых должно быть раскрыто обоснование возможности погашения требований кредиторов и восстановления платежеспособности должника через экономические характеристики и показатели деятельности должника, как, например, сведения об учетной политике должника, структуре его активов, собственного капитала и обязательств.

Таким образом, в отличие от локальных нормативных актов, кредиторские акты не только нормативно детализируют законодательное регулирование процедуры банкротства, но и фактически расширяют правовое поле, обогащая его конкретными обстоятельствами дела, информацией о финансовом положении должника и экономическими показателями его деятельности.

3) утверждаются органами кредиторского сообщества, но в установленных законом случаях проверяются судом.

Утверждение кредиторских актов – это вопрос либо исключительной компетенции собрания кредиторов (п. 2 ст. 12, абз. 1 п. 1 ст. 84, п. 1 ст. 106 Закона о банкротстве) либо альтернативной компетенции собрания кредиторов и комитета кредиторов (п. п. 1.1, 2 ст. 139 Закона о банкротстве).

Важно отметить, что даже утвержденные указанными лицами кредиторские акты, в отличие от локальных нормативных актов, могут быть изменены в порядке судебного контроля. Это следует как из положений законодательства о банкротстве, так и практики их применения[365].

Например, при наличии разногласий с органом кредиторского сообщества в отношении утвержденного им положения о порядке продажи имущества должника, его условия подлежат судебному рассмотрению. Основания для изменения судом порядка и условий продажи имущества должника имеются, в частности, если предложения по порядку или условиям проведения торгов способны негативно повлиять на возможность получения максимальной цены от продажи имущества, в

[365] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.08.2023 № Ф07-9480/2023 по делу № А56-25723/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.03.2023 № Ф06-7184/2021 по делу № А57-2747/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2021 № 07АП-4546/2020(2) по делу № А27-25293/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

том числе на доступ публики к торгам, а также если порядок и условия проведения торгов не являются в достаточной степени определенными.

Необходимость судебного контроля за положениями кредиторских актов объясняется тем, что они регулируют наиболее важные вопросы функционирования процедуры банкротства, в частности, порядка и сроков удовлетворения требования кредиторов, восстановления платежеспособности должника, продажи его имущества. Тем самым, от содержания и характера их исполнения зависит достижение целей процедуры банкротства в целом (в своей диссертационной работе Иванов Р.Г. обратил на это внимание применительно к плану внешнего управления[366]), а также эффективность реализации прав и законных интересов всех участников конкурсного процесса.

Таким образом, в ходе проведенного сравнительного анализа можно сделать вывод о наличии общих признаков у локального нормативного акта и кредиторского акта, при этом основным из них является нормативность. Нормативность кредиторского акта подразумевает его обязательность как для кредиторов, так и других участников конкурсного процесса, включая должника и арбитражного управляющего. Следовательно, при противоречии действий (бездействия) и сделок указанных лиц кредиторскому акту возможно их признание незаконными или, соответственно, недействительными. Исходя из вышесказанного можно заключить, что соблюдение нормативности кредиторского акта является ключевым аспектом в конкурсном процессе и обеспечивает защиту интересов всех его участников.

С учетом всего изложенного предлагается следующее определение кредиторского акта в процедурах банкротства: кредиторские акты – это акты, принятые органами кредиторского сообщества по результатам достижения соглашения кредиторов относительно вопросов процедуры банкротства, деятельности должника, а также порядка использования и реализации его имущества, содержащие предписания, обязательные для всех участников

[366] Иванов Р.Г. Сделкоспособность внешнего управляющего в российском конкурсном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 59.

конкурсного процесса и подлежащие в установленных законом случаях судебному контролю.

На основании изложенного следует отметить следующее. Анализ положений законодательства о банкротстве позволяет классифицировать решения органа кредиторского сообщества на два основных вида: решения, влекущие материально-правовые последствия сами по себе и решения, процедурно оформляющие принятие кредиторского акта[367].

1) Решения, влекущие материально-правовые последствия сами по себе.

Ярким примером таких решений являются решения об образовании комитета кредиторов, об увеличении размера фиксированной суммы вознаграждения арбитражного управляющего. Эти решения сами по себе создают права и обязанности лиц, участвующих в процедуре банкротства. Это обусловлено тем, что они одновременно являются результатом двух юридических аспектов: процедурного (представляют собой результат созыва, проведения собрания и принятия решения) и материально-правового (содержат само материально-правовое предписание). Таким образом, подобные решения создают права и обязанности участников конкурсного процесса независимо от других обстоятельств и требуют только одного юридического факта – их принятия.

2) Решения, процедурно оформляющие принятие кредиторского акта.

Примером таких решений могут быть решения об утверждении плана внешнего управления, положения о порядке продажи имущества должника и т.п. Процедурный аспект в данном случае выражается в самом решении, оформляющем принятие другого акта, в то время как материально-правовой аспект – в кредиторском акте, содержащем конкретные правовые предписания, реализация которых создает права и обязанности участников конкурсного процесса. Следовательно, наступление правовых последствий подобных решений в виде возникновения конкретных прав и обязанностей обусловлено сложным

[367] Согоян Д.П. Решение органа кредиторского сообщества: виды и проблемы оспаривания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 405-407.

юридическим составом – фактом утверждения кредиторского акта и фактом его последующей реализации.

Указанная специфика юридико-фактической роли обозначенных видов решений органа кредиторского сообщества находит свое объяснение в общих положениях гражданского законодательства. Так, с одной стороны, решение собрания является основанием возникновения конкретных прав и обязанностей (пп. 1.1. п. 1 ст. 8 ГК РФ), а, с другой стороны, закон говорит о правовых последствиях, на которые направлено решение собрания (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ). Следовательно, решением собрания в случаях, предусмотренных законом, предусматриваются правовые последствия, далеко не сводящиеся к возникновению гражданских прав и обязанностей[368].

С учетом этого представляется возможным заключить, что 1) решение об утверждении кредиторского акта и реализация кредиторского акта являются самостоятельными юридическими фактами; 2) только совокупность этих обстоятельств влечет возникновение конкретных прав и обязанностей; 3) при этом само решение создает лишь правовое последствие в виде утверждения кредиторского акта.

То есть важно учитывать, что, например, для реализации имущества должника необходим как факт утверждения порядка его продажи, так и воплощения в жизнь условий такой продажи. Иллюстрация данного примера релевантна для других кредиторских актов, принимаемых органами кредиторского сообщества.

Та же логика прослеживается в отношении решения собрания кредиторов о заключении мирового соглашения. Не погружаясь в исследование особенностей правовой природы мирового соглашения в конкурсном процессе и ни в коем случае не отождествляя ее с природой плана внешнего управления, положения о порядке продажи имущества должника, положения о порядке предоставления отступного и т.п., отметим следующее. Решение собрания кредиторов о заключении мирового

[368] Андреев В.К., Кондратьев В.А. Решение собрания участников непубличного общества: понятие и виды // Правосудие. 2020. Т. 2, № 2. С. 157. Андреев В.К. Указ. соч. С. 134.

соглашения само по себе создает правовое последствие в виде заключения указанной сделки, но только в результате ее реализации у участников конкурсного процесса возникают конкретные права и обязанности.

Правильность данного вывода косвенно подтверждается позицией арбитражных судов Российской Федерации, согласно которой независимо от законности решения собрания кредиторов само мировое соглашение, которое им утверждено, в любом случае проверяется на соответствие закону[369].

В корпоративном праве также существуют схожие подходы. Например, касательно корпоративного решения об одобрении условий передачи полномочий единоличного исполнительного органа общества управляющей организации Лаптев В.А. пишет, что «будучи самостоятельными юридическими фактами (договор и корпоративное решение), основания возникновения корпоративных правомочий управляющего объединены в сложный комплексный юридический факт»[370].

Таким образом, разные виды решений органа кредиторского сообщества влекут разные правовые последствия: либо материально-правовые *(возникновение прав и обязанностей участников конкурсного процесса)*, либо процедурные *(утверждение кредиторского акта)*.

Указанное объясняет необходимую вариативность средств защиты при дефектности решения органа кредиторского сообщества об утверждении кредиторского акта, а именно:

1) при наличии нарушений, имевших место при подготовке и проведении собрания *(процедурные основания оспаривания)*, предметом судебного исследования становится само решение;

2) при наличии в кредиторском акте незаконных положений, нарушающих чьи-либо права и законные интересы (*материально-правовые основания*

---

[369] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2024 № 09АП-89587/2023 по делу № А40-117687/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.11.2023 № 09АП-73933/2023 по делу № А40-197074/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[370] Лаптев В.А. Ответственность единоличного исполнительного органа корпорации и ее управляющего // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 38.

оспаривания), предметом судебного исследования становится кредиторский акт в целом или его отдельные положения в зависимости от того, что именно нарушает права и законные интересы заявителя.

При этом удовлетворение заявления по первому основанию исключает необходимость рассмотрения по второму основанию, так как признание недействительным решения об утверждении кредиторского акта автоматически приведет к недействительности самого акта.

В свою очередь, удовлетворение заявления по второму основанию не исключает необходимость проверки по первому основанию, так как признание недействительным кредиторского акта как полностью, так и в части не влечет недействительность решения. В связи с этим также думается, что суд не должен быть связан основанием заявления и должен в рамках правовой квалификации требования и характера защищаемого законного интереса сделать проверку по обоим основаниям.

Таким образом, дефектность решения об утверждении кредиторского акта может быть устранена посредством следующих трех способов: 1) признание недействительным решения об утверждении кредиторского акта; 2) признание недействительным кредиторского акта полностью; 3) признание недействительными отдельных положений кредиторского акта.

Наличие нескольких путей защиты позволяет более гибко реагировать на дефекты решения об утверждении кредиторского акта, учитывая, что они принимаются по наиболее ключевым вопросам, возникающим в рамках процедуры банкротства, в отличие от любых других решений органов кредиторского сообщества.

Поскольку порядок оспаривания решения органа кредиторского сообщества урегулирован законодательством о банкротстве (п. 4 ст. 15 Закона о банкротстве, ст. 60 Закона о банкротстве), не будем останавливаться на детальном анализе данного способа защиты. Обратимся к механизму оспаривания самого кредиторского акта, который в настоящее время не имеет должной правовой регламентации в законе. В п. 6 ст. 107 Закона о банкротстве установлена лишь

возможность признания плана внешнего управления недействительным полностью или в части.

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, содержащимся в п. 12 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018, при отсутствии нарушений порядка принятия решения об утверждении кредиторского акта и наличии претензий к его содержанию, требование о признании решения недействительным должно быть переквалифицировано судом в требование о признании недействительным самого кредиторского акта[371].

Однако несмотря на данные разъяснения в судебной практике до сих пор встречаются случаи, когда несогласие с содержанием кредиторского акта квалифицируется судом как требование о признании недействительным решения о его утверждении [372].

Так, например, в деле № А40-218738/2021 о банкротстве ООО «Первая Локомотивная компания» комитетом кредиторов было утверждено положение о продаже имущества должника. Не согласившись с ним, один из кредиторов обратился в суд с заявлением о разрешении разногласий. Суд первой инстанции отказал в его удовлетворении, поскольку заявитель выбрал неверный способ защиты права: пересмотр утвержденного комитетом кредиторов положения о порядке продажи имущества должника, минуя действия по признанию решения комитета недействительным, является недопустимым. В ходе апелляционного производства была установлена неверная квалификация судом первой инстанции заявленного требования[373].

---

[371] Пункт 12 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

[372] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2022 № 17АП-9577/2021(16)-АК по делу № А60-15753/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[373] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2023 № 09АП-51081/2023 по делу № А40-218738/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, отсутствие в судебной практике единых подходов в определении процедуры оспаривания кредиторских актов, регулирующих отношения в процедурах банкротства, вызывает определенные сложности у судов и порой приводит к процессуальным ошибкам. По этой причине представляется актуальным определить то, в каком процессуальном порядке должны оспариваться кредиторские акты в банкротстве.

Думается, что кредиторский акт в функциональном смысле аналогичен корпоративному договору: оба представляют собой соглашение участников сообщества по порядку осуществления ими коллективного управления юридическим лицом, его деятельностью и имуществом.

Так, например, план внешнего управления фактически есть соглашение кредиторов по восстановлению платежеспособности должника с определением конкретных для этого мер (ст. 106 Закона о банкротстве). Другой пример – это положение о продаже имущества должника, которое представляет собой соглашение кредиторов по реализации имущества должника с установлением ее порядка (п. 1.1 ст. 139 Закона о банкротстве).

С учетом этого процессуальная форма судебного контроля за законностью кредиторских актов, на наш взгляд, не должна кардинально отличаться от процессуальной формы судебного контроля за законностью корпоративного договора, установленной гл. 28.1 АПК РФ. Тем более что порядок рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) в принципе регулируется АПК РФ и Законом о банкротстве (ч. 1 ст. 223 АПК РФ).

Тем самым нормативно будут урегулированы, по крайней мере, требования к заявлению о признании недействительным кредиторского акта (ст. 225.3 АПК РФ), порядок рассмотрения такого заявления (ст. 225.2 АПК РФ), что будет способствовать устранению существующего в настоящее время законодательного пробела в этой части.

Глава 3. СПОСОБЫ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ КРЕДИТОРСКОГО СООБЩЕСТВА В УПРАВЛЕНИИ ДОЛЖНИКОМ-ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Участие собрания кредиторов и комитета кредиторов в конкурсном процессе представляет собой реализацию права кредиторского сообщества на управление должником-юридическим лицом, его деятельностью, имуществом и ходом процедуры банкротства. Следовательно, категория «способ участия» указанных органов в управлении должна интерпретироваться как способ реализации указанного права.

Следует заметить, что в юридической науке отсутствует единый подход к определению понятия «способ реализации права». Так, например, Мельников С.А. пишет, что в доктрине под способом реализации права понимается совершение действий (активный способ) и воздержание от действий, запрещенных правом (пассивный способ)[374]. Другие исследователи разграничивают[375] фактические (действие или система действий управомоченного лица, не обладающие признаками сделок) и юридические (действия, обладающие признаками сделок, или иные юридически-значимые действия) способы осуществления права[376]. Ходырева Е.А. акцентирует внимание на том, что способ осуществления права – это конкретное совершаемое лицом действие или бездействие, заданное установленной формой[377].

Несмотря на терминологический плюрализм, общим ядром доктринальных позиций остается признание действия в качестве сущности способа осуществления права. Однако, как справедливо отмечает Малиновский А.А., сущность способа не следует понимать упрощенно и сводить исключительно к действию, способ – это

---

[374] Мельников С.А. Индивидуальная и коллективная формы реализации права: дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 53.
[375] Еськина И.А. Механизм приобретения гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 24.
[376] Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 163.
[377] Ходырева Е.А. Право наследования в гражданском праве России: монография. М.: Статут, 2022. С. 218.

то, что позволяет формальному правовому предписанию стать юридической действительностью посредством правомерного поведения субъекта[378].

Эта концепция особенно значима для органов кредиторского сообщества, чьи решения претворяются в жизнь не только по их воле, сколько зависят от действий арбитражного управляющего, суда или должника. Следовательно, способ участия органов кредиторского сообщества в управлении раскрывается через синтез их полномочий и условий их реализации, формируемых законодательством, конкретной процедурой банкротства, поведением иных участников конкурсного процесса.

Например, собрание кредиторов вправе избрать арбитражного управляющего или заключить мировое соглашение, но эти решения требуют утверждения судом (ст. 45, п. 4 ст. 150 Закона о банкротстве). Таким образом, способ участия органов кредиторского сообщества в управлении – это не статичный набор их полномочий, а динамический процесс, где юридические последствия возникают как в результате их собственных действий, так и в результате действий других участников конкурсного процесса.

Следовательно, в рамках настоящей главы будут рассмотрены вопросы компетенции и полномочий органов кредиторского сообщества. Также будут проанализированы модели осуществления полномочий органа кредиторского сообщества:

1. Линейно-автономная модель – автономное участие органа кредиторского сообщества в управлении в рамках процедуры банкротства через самостоятельное принятие и отмену собственных решений (условие – признание автономии кредиторского сообщества).

2. Преобразовательно-корпоративная модель – переход органа кредиторского сообщества к осуществлению корпоративного управления через трансформацию статуса кредитора в статус участника должника-юридического

[378] Малиновский А.А. Способы осуществления права // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 49.

лица (условие – правовые инструменты, влекущие изменения в статусе кредитора, например, акционирование долга).

Важно отметить, что эти модели не исключают, а дополняют друг друга, адаптируясь к особенностям конкретного дела о банкротстве.

Таким образом, способ участия органов кредиторского сообщества представляет собой систему «полномочия + условия», где условия выполняют функцию правового фильтра, ограничивающего или расширяющего возможности органа кредиторского сообщества.

Доктринальная и практическая значимость выделения категории «способ участия органа кредиторского сообщества» раскрывается через ее функциональные характеристики: 1) императивная – определение обязательных действий органов в случаях, предусмотренных законом; 2) делимитационная – установление границ допустимого поведения органов в рамках процедур банкротства; 3) санкционирующая – определение негативных последствий при выходе за пределы границ допустимого поведения.

Данная глава призвана раскрыть вопросы, связанные с компетенцией органов кредиторского сообщества, полномочиями, а также моделями их осуществления.

§1. Понятие и пределы компетенции органов кредиторского сообщества

Свое право на участие в управлении делами должника-юридического лица органы кредиторского сообщества осуществляют через реализацию компетенции.

Для начала необходимо разобраться в самом понятии «компетенция». Это слово имеет латинские корни и происходит от термина «competere», что в переводе означает «соответствовать» или «подходить». В русском языке термин «компетенция» имеет несколько значений, которые помогают глубже понять его суть: 1) круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен[379]; 2) круг

[379] Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1986. С. 248.

полномочий, область подлежащих чьему-нибудь ведению вопросов[380]; 3) узаконенный круг полномочий, прав какого-либо органа или должностного лица[381].

Изучение понятия «компетенция» стало предметом внимания многих выдающихся ученых, особенно в советский период, когда правовая система претерпела значительные изменения. В указанное время в доктрине были представлены различные подходы к пониманию компетенции: некоторые исследователи понимали под компетенцией совокупность полномочий властного органа[382], другие же – совокупность принадлежащих ему прав и обязанностей[383][384], третьи рассматривали ее не только как права и обязанности, но и определенный круг задач[385][386], а отдельные советские правоведы также включали в анализируемое понятие указание на пространственные пределы деятельности органа[387].

Однако несмотря на значительное количество исследований до сих пор отсутствует какое-либо однозначное и общепризнанное понимание понятия «компетенция»[388].

Компетенция – это ключевое и прочно укоренившееся в публичном праве понятие, которое определяет круг полномочий государственных структур, а также их взаимодействие с другими участниками правовых отношений. Важность этого термина трудно переоценить, поскольку он служит основой для функционирования публичных правовых институтов и обеспечивает порядок в государственной деятельности. Наиболее распространённое понимание компетенции связано с совокупностью функциональных и предметных полномочий, которые присущи

---

[380] Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д.Н. Ушаков. М.: Дом Славянской кн., 2008. С. 614.
[381] Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Библиотека словарей русского языка: А. Т. 2: П - Я. Т. 2. С. 782.
[382] Курс советского государственного права: в 2 томах. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. Том 2 / А.И. Лепешкин, А.И. Ким [и др.]; под общ. ред. А.И. Лепешкин. 1962. С. 88.
[383] Попова В.И. Районный Совет депутатов трудящихся [Текст] / В.И. Попова, Н.Т. Савенков; Всесоюз. ин-т юрид. наук. М.: Госюриздат, 1962. С. 29-30.
[384] Мамутов В.К. Компетенция государственных органов в решении хозяйственных вопросов промышленности. М.: Юрид. лит., 1964. С. 10.
[385] Мицкевич А.В. Указ. соч. С. 120.
[386] Шеремет К.Ф. Вопросы компетенции местных Советов // Советское государственное право. 1965. № 4. С. 21.
[387] Лазарев Б.М. О компетенции органа Советского государства // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 47-48.
[388] Воробьева С.В. Компетенция как инструмент государственно-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 18.

конкретным органам власти. Например, Дивин И.М. рассматривает компетенцию суда как систему таких полномочий, которые определяются конкретными обстоятельствами дела[389]. Атаева Н.М., исследуя компетенцию субъектов Российской Федерации в финансовой сфере, подчеркивает, что она включает в себя как финансовые полномочия, так и предметы ведения, касающиеся финансовой деятельности[390]. Незнамова Е.А. определяет компетенцию исполнительных органов местного самоуправления как систему их «полномочий (прав и обязанностей)»[391].

Проникновение понятия «компетенция» в сферу частного права произошло еще в советское время, где ученые использовали его применительно к хозяйствующим субъектам. Так, например, Венедиктов А.В. рассматривал особенности компетенции государственных предприятий[392]. В работах Мартемьянова В.С. упоминается хозяйственная компетенция предприятий и их подразделений. Так, он писал, что компетенция в области планирования – это всеобъемлющее право определять перспективы и показатели развития предприятия[393].

Сегодня понятие «компетенция» активно употребляется с развитием корпоративного законодательства и законодательным закреплением организационно-правовых форм юридических лиц. Именно в этом контексте мы наблюдаем попытки применения понятия «компетенция» к органам юридических лиц (например, в докторской диссертации Сумской Д.А.[394], в кандидатской диссертации Фроловского Н.Г.[395]).

---

[389] Дивин И.М. Теоретические проблемы функционирования административного судопроизводства по экономическим спорам в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 14.
[390] Атаева Н.М. Субъекты Российской Федерации как участники финансовых правоотношений: дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 14.
[391] Незнамова Е.А. Компетенция исполнительных органов местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 91.
[392] Венедиктов А.В. Органы управления государственной социалистической собственностью // Советское государство и право. 1940. № 5-6. С. 24-51.
[393] Мартемьянов В.С. Хозяйственное право: курс лекций. Том 1. Общие положения. М.: Издательство БЕК, 1994. С. 127.
[394] Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 248.
[395] Фроловский Н.Г. Управление предпринимательскими корпорациями в Российской Федерации: Правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2004. С. 59.

Но этот шаг не обходится без определённых трудностей и предостережений. Некоторыми учеными оно используется с некоторой осторожностью, а другими вовсе обращается внимание на его чуждость к области частного права[396] . В основе такого аккуратного отношения к термину «компетенция» в частном праве лежит фундаментальное различие между публичным и частным правом.

Публичное право регулирует отношения, в которых одной из сторон всегда является властный субъект – государство. Оно, обладая публичной властью, действует ex lege, то есть на основании закона. Следовательно, компетенция государственных органов – это строго определенный законом круг полномочий. Превышение полномочий или действия вне установленного круга являются незаконными.

Частное право, напротив, регулирует отношения между частными субъектами на основе принципа равенства и автономии воли. Участники частноправовых отношений в большей степени свободны в определении своих прав и обязанностей. Поэтому, когда здесь идет речь о «компетенции», имеется в виду не столько круг полномочий, строго определённый законом, сколько круг полномочий, определенный как законом, так и принятыми субъектом частно-правовых отношений актами. В силу сказанного видится, что это скорее вопрос предметной и функциональной определенности, а не жесткого ограничения деятельности субъекта в публично-правовом смысле.

Сомнения относительно использования термина «компетенция» в частном праве обоснованы также тем, что его властная природа не соответствует специфике частного права – равноправию сторон и их свободе в установлении условий взаимодействия.

Однако, на наш взгляд, это создает уникальную ситуацию, когда понятие компетенции должно быть уже переосмыслено. Одной из ключевых идей, которую следует рассмотреть, является функциональность компетенции. Вместо того чтобы воспринимать компетенцию как нечто, что исходит от государственной власти, тем

[396] Лисицын В.В. К вопросу о «хозяйственной компетенции» // Адвокатская практика. 2005. № 6. С. 36.

самым ограничивать ее применение исключительно сферой публичного права, стоит взглянуть на компетенцию как на инструмент управления, который может применяться в различных сферах — как в государственных, так и в частных структурах.

Тихомиров Ю.А. подчеркивает, что несмотря на публичный характер института компетенции, он является типичным для всех структур управления[397]. Ефимов А.В. акцентирует внимание на том, что компетенция должна рассматриваться не с точки зрения принадлежности субъекту, действующему в публичной сфере, а как процесс управления, который характерен, в том числе, для корпоративных структур[398].

Эти утверждения открывают новые горизонты для понимания того, как термин «компетенция» может быть использован в частном секторе. В любом случае следует признать, что организационно оформленные структуры, участвующие, например, в корпоративных, конкурсных и иных отношениях, обладая иным порядком ведения дел в интересах частных субъектов, также нуждаются в четком определении своей компетенции для эффективного управления.

Видится, что по этой причине сегодня ряд ученых пытаются дать частноправовой оттенок термину «компетенция» через различные эпитеты, такие как, например «хозяйственная», «экономическая», «предпринимательская». Так, Кирпичев А.Е., выделяя категорию «хозяйственная компетенция», определяет ее как совокупность прав и обязанностей субъекта предпринимательского права в сфере осуществления хозяйственной деятельности[399]. Однако, на наш взгляд, все это никак не раскрывает само понятие «компетенция», которое сущностно неизменно как в публичном праве, так и в частном.

---

[397] Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Издание г-на Тихомирова М.Ю. 2001. С. 209.

[398] Ефимов А.В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц: дис.... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 77.

[399] Кирпичев А.Е. Понятие хозяйственной компетенции субъектов предпринимательского права // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 3. С. 12.

Как видно, в рамках научной доктрины по обсуждаемой теме существует множество позиций, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Тем не менее, важно понимать, что невозможно исследовать все позиции, существующие в научной среде, относительно сущности термина «компетенция». Поэтому ограничимся рассмотрением тех, что указаны выше, тем более что они всецело отражают основные направления мыслей большинства исследователей по данному вопросу.

Анализ указанных воззрений позволяет констатировать наличие по меньшей мере следующих взглядов на сущность категории «компетенция»: компетенция – это 1) круг полномочий; 2) круг прав и обязанностей; 3) предметы ведения; 4) круг вопросов; 5) совокупность функций и задач; 6) различные комбинации из указанных вариантов.

На самом деле некоторые из предложенных определений акцентируют внимание на определённых аспектах компетенции, но не раскрывают сущность самой компетенции: например, предметы ведения и круг вопросов – сфера реализации компетенции. Круг прав и обязанностей определяет правовой статус индивидов или организаций, но не дает представления о компетенции как о целевом инструменте управления. С учетом этого, на наш взгляд, круг полномочий, а также совокупность функций и задач наиболее точно раскрывают понятие «компетенция».

Правильность данного подхода находит свое подтверждение в законодательстве о банкротстве. Так, анализируя правовое регулирование компетенции комитета кредиторов, можно убедиться, что законом установлены как совокупность его задач и функций (п. 1 ст. 17 Закона о банкротстве), так и конкретные полномочия (п. 3 ст. 17 Закона о банкротстве).

Однако при детальном изучении данных законоположений можно заметить, что отечественный законодатель весьма непоследовательно проводит разделение между «функциями» и «полномочиями» комитета кредиторов, допуская тем самым терминологическую путаницу.

Так, в п. 1 ст. 17 Закона о банкротстве сказано, что комитет кредиторов представляет законные интересы конкурсных кредиторов, уполномоченных органов и осуществляет контроль за действиями арбитражного управляющего. Эти вполне абстрактные формулировки представляют собой концептуальные ориентиры, на основе которых законодатель формулирует конкретные полномочия данного органа кредиторского сообщества.

В то же время п. 1 ст. 17 Закона о банкротстве завершается указанием на то, что комитет кредиторов «также реализует иные предоставленные собранием кредиторов полномочия».

Из анализа указанной нормы следует, что законодатель определенно указывает функции комитета кредиторов, но в то же время несправедливо именует их полномочиями. В том, что при конструировании п. 1 ст. 17 Закона о банкротстве законодатель допустил ошибку, можно убедиться при рассмотрении п. 3 данной статьи, которым:

во-первых, определены уже конкретные полномочия комитета кредиторов с указанием на то, что они реализуются для осуществления возложенных на него функций;

во-вторых, установлена возможность собрания кредиторов наделить комитет кредиторов полномочий, прямо не оговоренных законом, о чем также сказано в п. 1 ст. 17 Закона о банкротстве.

В связи с указанным в целях четкого разграничения функций и полномочий комитета кредиторов представляется необходимым изложить п. п. 1 ст. 17 Закона о банкротстве в следующей редакции:

«1. Комитет кредиторов осуществляет функции по представлению законных интересов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, а также контролю за действиями арбитражного управляющего».

При этом в абз. 1 п. 3 ст. 17 Закона о банкротстве после слов «функций» добавить «в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи».

Важно, чтобы законодатель обратил внимание на эти несоответствия и внес соответствующие изменения в Закон о банкротстве, что позволит обеспечить более эффективное функционирование комитета кредиторов в деле о банкротстве.

Из положений ст. ст. 12, 15 Закона о банкротстве следует, что собрание кредиторов наделено полномочиями по решению различных вопросов в процедуре банкротства. Однако законодательно не установлены функции данного органа кредиторского сообщества. При анализе п. 1 ст. 17 Закона о банкротстве может возникнуть мысль, что функции по представлению конкурсных кредиторов, уполномоченных органов и контролю за действиями арбитражного управляющего выполняются собранием кредиторов до момента создания комитета кредиторов. Данный вывод находит свое подтверждение в судебной практике, согласно которой «с момента избрания комитета кредиторов именно он представляет интересы конкурсных кредиторов в вопросах получения информации о ходе конкурсного производства, и, следовательно, с данного периода у конкурсного управляющего отсутствует обязанность по проведению собраний кредиторов»[400].

Изложенная позиция о прекращении ряда функций собрания кредиторов после формирования комитета кредиторов лишь, на первый взгляд, может показаться логичной, но на деле чрезмерно упрощает ситуацию и не учитывает всей многофункциональности этих органов в процедуре банкротства.

На наш взгляд, абсолютно некорректно утверждать, что с созданием комитета кредиторов собрание кредиторов прекращает представлять интересы кредиторского сообщества и осуществлять контроль над действиями арбитражного управляющего. По большинству ключевых вопросов, в том числе и по тем, которые касаются интересов всех кредиторов, решение остается за собранием кредиторов. Например, заключение мирового соглашения в интересах всех кредиторов

[400] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.06.2016 № Ф01-1987/2016 по делу № А43-6772/2014 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13.07.2022 № 01АП-11221/2018 по делу № А43-31165/2018 // СПС «КонсультантПлюс». Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.10.2017 № Ф09-7347/15 по делу № А34-816/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

принимается исключительно собранием кредитором несмотря на наличие комитета кредиторов в деле о банкротстве.

Таким образом, утверждение о прекращении функций собрания кредиторов с момента создания комитета кредиторов является неверным. Собрание кредиторов даже при наличии комитета кредиторов продолжает выполнять функции по представлению конкурсных кредиторов, уполномоченных органов и контролю за действиями арбитражного управляющего.

Учитывая сказанное, определим сущность понятия «компетенция органа кредиторского сообщества». На наш взгляд, компетенцию органа кредиторского сообщества следует рассматривать в следующих двух аспектах:

- для целей расширения объёма предусмотренных законом полномочий органа кредиторского сообщества под компетенцией следует понимать установленные законом задачи и функции органа кредиторского сообщества *(экспансивное понимание понятия «компетенция органа кредиторского сообщества»)*. Указанные общие ориентиры позволят определить круг не оговоренных законом полномочий органа кредиторского сообщества.

- для целей установления случаев выхода органа кредиторского сообщества за пределы компетенции под компетенцией следует понимать круг конкретно оговоренных законом полномочий *(суженное понимание понятия «компетенция органа кредиторского сообщества»)*.

Разграничение подходов к определению компетенции органа кредиторского сообщества, предлагаемое в настоящей работе, имеет критически важное значение для правоприменительной практики и обеспечения правовой определенности. Экспансивное и суженное понимание компетенции создают два полярных подхода, каждый из которых оправдан в определенных контекстах.

Экспансивное понимание компетенции, ориентированное на задачи и функции органа, позволяет гибко осуществлять коллективное кредиторское управление должником в процедуре банкротства. Однако, такой подход несет в

себе риски злоупотребления полномочиями, поскольку интерпретация «задач и функций» может быть неоднозначной и допускать субъективизм.

Суженное понимание компетенции, основанное на строгом буквальном толковании закона, обеспечивает большую предсказуемость и правовую определенность. Это подход, ориентированный на минимизацию рисков превышения полномочий органом кредиторского сообщества. В этом случае орган может осуществлять только те действия, которые прямо предусмотрены законом и в том порядке, который им установлен. Любое отклонение от буквального толкования будет расцениваться как выход за пределы компетенции. Этот подход, будучи более жестким, минимизирует риски для участников процесса, но может снизить эффективность работы органа и привести к затягиванию процедуры банкротства. Для обеспечения баланса между гибкостью и правовой определенностью необходим механизм уточнения и детализации законодательства. Закон, по меньшей мере, должен содержать чёткую и исчерпывающую регламентацию задач и функций не только комитета кредиторов, но и собрания кредиторов.

Прежде чем углубиться в изучение моделей компетенции каждого из органов кредиторского сообщества, важно понять несколько основных аспектов, которые определяют их функционирование. Для этого следует отметить, что полномочия осуществляются не в собственных интересах, а в интересах третьих лиц. В частности, Сейед Моджтаба Ваези (Seyed Mojtaba Vaezi) отметил, что компетенция – это фактически полномочия по управлению делами других лиц[401]. Это принципиальное отличие от субъективного права, которое, напротив, предполагает возможность действовать в своих интересах.

В контексте банкротства это означает, что органы, представляющие интересы кредиторов, должны действовать с учетом потребностей и прав тех, кого они представляют. Компетенция органов кредиторского сообщества неразрывно

[401] Seyed Mojtaba Vaezi. The Concept and Function of «Competence» in Administrative Law // The Quarterly Journal of Public Law Research. 2023. № 80 (25). P. 209.

связана с правоспособностью кредиторов в целом. Правоспособность кредиторов означает их способность иметь права и обязанности, которые, в свою очередь, формируют основу для функционирования органов, представляющих их интересы. Это создает систему, в которой права и обязанности кредиторов определяют полномочия этих органов. Следовательно, функционал органов кредиторского сообщества не является произвольным, а является следствием установленных прав и обязанностей. Например, право кредитора на информацию формирует полномочие органа кредиторского сообщества по рассмотрению отчета арбитражного управляющего (п. 1 ст. 143 Закона о банкротстве), запросу у него информации о финансовом состоянии должника и ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве (п. 3 ст. 17 Закона о банкротстве).Таким образом, понимание прав и обязанностей кредиторов является важным аспектом для уяснения специфики формирования компетенции органов кредиторского сообщества.

Далее перейдем к более детальному исследованию компетенции собрания кредиторов и комитета кредиторов. Однако, прежде всего, отметим общую тенденцию, заключающуюся в том, что полномочия органов кредиторского сообщества определяются либо в статьях, регламентирующих их работу, либо разбросаны по всему тексту Закона о банкротстве. Однако модель их компетенции законодательно не устанавливается, что, в свою очередь, важно для определения границ полномочий органов кредиторского сообщества и для правильного разделения полномочий между ними, предотвращая их дублирование и вмешательство в работу арбитражного управляющего.

Так, в п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве содержится перечень вопросов, относящихся к исключительной компетенции собрания кредиторов.

Некоторые вопросы относительно отдельных процедур банкротства, разрешение которых также отнесено исключительно к компетенции собрания кредиторов, указаны в Законе о банкротстве (п. п. 2 и 3 ст. 82, ст. ст. 101, 104, 110, п. 6 ст. 129, ст. ст. 130 и 139 Закона о банкротстве и др.).

На это также указывает п. 1 ст. 73 Закона о банкротстве, в соответствии с которым первое собрание кредиторов вправе принимать решение иных предусмотренных настоящим Федеральным законом вопросов.

Как можно заметить, Закон о банкротстве устанавливает перечень вопросов, которые находятся только в ведении собрания кредиторов. В данном случае исключительность компетенции собрания кредиторов означает, что, во-первых, никто иной кроме собрания кредиторов принять решение по данному вопросу не может; во-вторых, собрание кредиторов не вправе делегировать его решение иному лицу; в-третьих, для признания решения принятым достаточно факта его принятия самим собранием кредиторов.

Однако, Закон о банкротстве, определяя лишь исключительную компетенцию собрания кредиторов, не дает какого-либо ответа на более глобальный вопрос о модели его компетенции: является ли она императивной *(собрание кредиторов не вправе принимать решения по вопросам, законом не отнесенным к его компетенции)* или диспозитивной *(собрание кредиторов вправе принимать решения по вопросам, законом не отнесенным к его компетенции)*?

При указанной неопределенности в вопросе о модели компетенции собрания кредиторов Верховный Суд Российской Федерации необоснованно пришел к выводу о том, что собрание кредиторов вправе принять решения по вопросам, прямо не отнесенным законодательством о банкротстве к его компетенции (п. 1 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018[402]).

Из указанного следует, что Верховный Суд Российской Федерации в отсутствие соответствующих законоположений о диспозитивной модели компетенции собрания кредиторов фактически расширил ее. Тем самым по своему

[402] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

усмотрению наделил собрание кредиторов определенной свободой в определении правового эффекта решения[403].

Такое расширение компетенции, на наш взгляд, юридической силы не имеет, поскольку не соответствует положениям, предусмотренным п. 1.1 ст. 8, п. 2 ст. 181.1 ГК РФ, согласно которым решение собрания порождает правовые последствия лишь в случаях, установленных законом. Следовательно, диспозитивная модель компетенции собрания кредиторов также должна быть прямо предусмотрена Законом о банкротстве.

Таким образом, само по себе провозглашение Верховным Судом Российской Федерации диспозитивной модели компетенции собрания кредиторов не делает ее таковой. Данная мысль разделяется профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Сухановым Е.А., который указывает, что «достаточно высшим судебным инстанциям высказать в обзоре судебной практики либо в решении по конкретному спору свою позицию по теоретической проблеме (например, о признании решений собраний сделками, при этом едва ли имея представление о теории «юридических сообществ»), как на этой основе начинают выстраиваться новые концепции и подходы[404].

Разумеется, диспозитивность компетенции собрания кредиторов не может быть безграничной. В Обзоре судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018, Верховный Суд Российской Федерации установил соответствующие пределы следующим образом: решения собрания кредиторов должны соответствовать требованиям законодательства, в частности они не должны быть направлены на обход положений Закона о банкротстве, вторгаться в сферу компетенции иных лиц, в том числе ограничивать права арбитражного управляющего или препятствовать осуществлению процедур банкротства.

---

[403] Согоян Д.П. К вопросу о модели компетенции собрания кредиторов в деле о банкротстве // Евразийский юридический журнал. 2024. № 9. С. 312-313.

[404] Суханов Е.А. Исследовательский центр и развитие отечественной цивилистики // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 30 - 44.

На наш взгляд, при определении границ диспозитивности, в первую очередь, подлежат учету действующие основания недействительности решения собрания кредиторов. Так, п. 4 ст. 15 Закона о банкротстве установлено, что решение собрания кредиторов не должно нарушать права и законные интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве, лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, третьих лиц.

Если данное ограничение в силу своего законодательного закрепления носит очевидный характер, то видится более интересным следующий вопрос. Можно ли утверждать, что при определении пределов диспозитивности решения собрания кредиторов подлежит установлению то, соответствует ли оно законодательно установленным целям и задачам процедуры банкротства?

Данный вопрос возник в связи с тем, что в договорном праве при установлении пределов свободы договора используется категория «существо законодательного регулирования отношений» (п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»[405]).

Ни в коем случае не претендуя на утверждение о том, что договор и решения собрания кредиторов имеют одинаковую правовую природу, все же позволим допустить возможность применения категории «существо законодательного регулирования» для целей установления пределов диспозитивности решения собрания кредиторов.

Для этого обратимся к еще недостаточно масштабной на сегодняшний день судебной практике арбитражных судов Российской Федерации, но наглядно подтверждающей значимость соответствия решений собрания кредиторов целям и задачам процедуры банкротства, в которой они принимаются, то есть существу законодательного регулирования конкурсных отношений.

Первый пример – дело № А56-25723/2020 о банкротстве ООО «Формула», в рамках которого собранием кредиторов было принято решение

[405] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

об утверждении положения о порядке реализации имущества должника, которым предусматривалось привлечение организатора торгов.

Довод кассатора сводился к тому, что отсутствует какое-либо обоснование необходимости его привлечения. Более того, привлечение организатора торгов влечет увеличение текущих платежей и, как следствие, уменьшение размера погашения по реестру требований кредиторов.

Суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене, дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции, в своем постановлении указав следующее: «отсутствие формальных нарушений Закона о банкротстве в оспариваемых решениях собраний, даже в случае доказанности этого, не лишает заинтересованное лицо приводить доводы о том, что существо принятых решений противоречит целям и задачам процедуры конкурсного производства и направлено на отчуждение активов должника на невыгодных условиях»[406].

Второй пример – дело № А56-24081/2017 о банкротстве ООО «ИнСпецТехника», в рамках которого собранием кредиторов было принято решение об установлении начальной продажной цены дебиторской задолженности должника.

При рассмотрении кассационной жалобы судом было установлено, что имущество должника в виде дебиторской задолженности будет отчуждено по заниженной стоимости, в то время как оно могло бы обеспечить удовлетворение требований кредиторов в большем размере.

Учитывая установленные ст. 2 Закона о банкротстве цели процедуры конкурсного производства, а именно соразмерное удовлетворение требований кредиторов, суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что решение собрания кредиторов о продаже имущества должника по заниженной цене не соответствует целям конкурсного производства, а значит является

[406] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.08.2023 № Ф07-9480/2023 по делу № А56-25723/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

недействительным[407]. Аналогичные рассуждения содержатся в постановлениях Десятого арбитражного апелляционного суда[408].

Указанное позволяет прийти к выводу о том, что законодательно установленные цели и задачи процедуры банкротства (существо регулирования конкурсных отношений) также подлежат учету при определении пределов диспозитивности решения собрания кредиторов.

В конечном итоге можно говорить о двухступенчатом тесте диспозитивности решения собрания кредиторов: решение собрания кредиторов, принятое по вопросу, не отнесенному к его компетенции Законом о банкротстве, является принятым с нарушением компетенции, в случае если такое решение:

1) не соответствует требованиям закона, в частности изменяет или отменяет его, направлено на обход его положений;

2) нарушает существо законодательно установленного регулирования конкурсных отношений (цели и задачи процедуры банкротства).

Фактически указанный тест направлен на обеспечение принятия решения собрания кредиторов в соответствии с духом закона, что в данном случае представляется целесообразным, поскольку речь идет о вопросах, решение которых законодательно не передано в ведение собрания кредиторов.

С учетом всего изложенного видится необходимым дополнить ст. 12 Закона о банкротстве п. 2.1 следующего содержания:

«Собрание кредиторов вправе рассматривать и принимать решения по вопросам, не отнесенным к его компетенции настоящим Федеральным законом.

Решение собрания кредиторов, принятое по вопросу, не отнесенному к его компетенции настоящим Федеральным законом, является принятым с нарушением компетенции, в случае если такое решение:

---

[407] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.12.2019 № Ф07-14659/2019 по делу № А56-24081/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[408] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2022 № 10АП-20194/2022 по делу № А41-36167/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 26.01.2022 № 10АП-13265/2021, 10АП-13616/2021 по делу № А41-91688/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

1) не соответствует требованиям закона, в частности изменяет или отменяет его, направлено на обход его положений;

2) нарушает существо законодательного регулирования конкурсных отношений (цели и задачи процедуры банкротства).».

Также представляется актуальным исследование вопроса о модели компетенции комитета кредиторов. Закон предоставляет комитету определенный набор базовых полномочий, но оставляет пространство для расширения этих полномочий по решению собрания кредиторов.

Незыблемой основой его компетенции составляют такие полномочия, как требование от арбитражного управляющего или руководителя должника информации о финансовом состоянии должника и ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве; обжалование в арбитражный суд действия арбитражного управляющего; принятие решений о созыве собрания кредиторов, об обращении к собранию кредиторов с рекомендацией об отстранении арбитражного управляющего.

Собрание кредиторов может расширить полномочия комитета, делегируя ему иные полномочия, на что трижды в законе обращается внимание: 1) абз. 13 п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве; 2) п. 1 ст. 17 Закона о банкротстве; 3) абз. 6 п. 3 ст. 17 Закона о банкротстве. Это указывает на установленную законом диспозитивную модель компетенции комитета кредиторов.

Между тем указанные законоположения не дают однозначного ответа на вопрос об объеме полномочий, который может быть делегирован комитету кредиторов. Так, по смыслу абз. 6 п. 3 ст. 17 Закона о банкротстве комитету кредиторов могут быть делегированы любые полномочия собрания кредиторов, в то время как из абз. 13 п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве следует, что делегированию подлежат только те полномочия, что отнесены законом к их альтернативной компетенции.

Это создает правовую неопределенность и открывает пространство для различных интерпретаций. Первая интерпретация предполагает возможность делегирования комитету кредиторов любых полномочий собрания кредиторов, за

исключением тех, которые явно изъяты из компетенции комитета законом. В этом контексте верно отмечает Поваров Ю.С., что это дает повод для расширительной (и, пожалуй, несколько вольной) трактовки, при которой достаточным для вывода о непревышении пределов компетенции комитета кредиторов оказывается установление факта того, что соответствующий вопрос не относится к исключительной компетенции собрания кредиторов[409].

Несомненно, что комитет кредиторов не может «вторгаться» в исключительную компетенцию собрания кредиторов, границы которой очерчены законом (вопросы такой компетенции согласно п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве не могут быть переданы для решения иным лицам или органам), но вряд ли соблюдение данного императива должно быть единственным фактором легитимности совершаемых комитетом кредиторов действий, прямо не поименованных в законе.

Вторая, более ограничительная интерпретация, что делегирование возможно только в отношении вопросов, которые законом отнесены к альтернативной компетенции, то есть вопросов, которые собрание кредиторов может решить как само, так и через комитет кредиторов. Перечень таких вопросов невелик: например, согласно п. 3 ст. 82 Закона о банкротстве совершение должником крупных сделок, в соответствии с абз. 12 п. 2 ст. 129 Закона о банкротстве – сделок с заинтересованностью (законодательно такая конструкция выглядит следующим образом: «собранием кредиторов или комитетом кредиторов» либо «собранием кредиторов (комитетом кредиторов)».

Уяснение данного вопроса требует осмысления законодательной логики. Для этого при определении полномочий комитета кредиторов положения п. п. 1 и 3 ст. 17 Закона о банкротстве подлежат применению с учетом положений абз. 13 п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве.

Данный подход, ограничивающий делегирование комитету кредиторов полномочий только вопросами альтернативной компетенции, хоть и

---

[409] Поваров Ю.С. Особенности комитета кредиторов как гражданско-правового сообщества // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4. С. 36.

представляется достаточно узким, но, наш взгляд, соответствует законодательной логике, направленной на обеспечение баланса между собранием кредиторов и комитетом кредиторов. Сохранение статуса комитета кредиторов как оперативно-контрольного органа кредиторского сообщества позволяет наделить его существование собственным смыслом со своими уникальными полномочиями и избежать чрезмерной концентрации власти в руках немногих лиц.

В противном случае при делегировании комитету кредиторов любых полномочий собрания кредиторов (кроме тех, что отнесены к его исключительной компетенции) происходит полное отождествление собрания кредиторов и комитета кредиторов, а это, в свою очередь, означает отсутствие какого-либо реального смысла в создании комитета кредиторов. Здесь уместно вспомнить слова Тарасова И.Т., которые хоть и относятся к проблемам регулирования корпоративных отношений, отражают суть актуальной на сегодня проблемы дублирования полномочий собрания кредиторов и комитета кредиторов в процедуре банкротства. Так, Тарасов И.Т. писал, что «главное зло заключается в том, что поверочный совет не только контролирует, но и управляет, так что иногда стушевывается даже различие в них»[410].

Кроме этого, в ситуации, когда комитет кредиторов, фактически выступающий собранием кредиторов, создается крупными кредиторами, возникает риск игнорирования мнений и потребностей более мелких кредиторов – ущемления интересов меньшинства.

Таким образом, необходимы изменения в законодательство о банкротстве, которые более четко определили бы правила делегирования полномочий комитету кредиторов. С учетом всего изложенного видится целесообразным изложить абз. 6 п. 3 ст. 17 Закона о банкротстве следующим образом:

«3. Комитет кредиторов для осуществления возложенных на него функций вправе:

---

[410] Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. С. 518.

принимать решения по другим вопросам, решения по которым в соответствии с настоящим Федеральным законом принимаются собранием кредиторов или комитетом кредиторов, в случае предоставления собранием кредиторов таких полномочий в порядке, установленном настоящим Федеральным законом».

Следует признать, что при передаче комитету кредиторов компетенции собрания кредиторов снижается вовлеченность кредиторов в решении фундаментальных вопросов, составляющих предмет их альтернативной компетенции. Проблема усугубляется тем, что комитет кредиторов, будучи самостоятельным в определении порядка своей деятельности, обладает значительной степенью автономности[411]. Это, конечно, позволяет ему эффективно управлять процессом взаимодействия с должником, принимая оперативные решения без необходимости постоянного обращения к собранию кредиторов. Такая автономность способствует оперативности и гибкости в работе, особенно важной в ситуациях, требующих немедленного реагирования на изменяющиеся обстоятельства.

Однако, абсолютная независимость комитета кредиторов недопустима. Автономность его функционирования не означает бесконтрольность. Необходимость контроля со стороны собрания кредиторов обусловлена защитой прав и интересов всех кредиторов, не только тех, кто вошёл в состав комитета. Ведь комитет представляет интересы кредиторов в целом, а не только интересы своих членов. Возможны ситуации, когда решения комитета могут быть не в интересах значительной части кредиторов, или даже противоречить их воле. Так, например, как указано в определении Верховного Суда РФ от 17.03.2021 № 305-ЭС16-20779(63) по делу № А40-154909/2015, фактически группа независимых кредиторов, обладающая в совокупности 21% голосов на собрании, не имеет своего представителя в комитете кредиторов, что, по мнению представителей названной группы, препятствует оспариванию сделок, ознакомлению с документами о

[411] Поваров Ю.С. Особенности комитета кредиторов как гражданско-правового сообщества // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4. С. 34.

хозяйственной деятельности должника и т.д. Однако защита прав названной группы в подобной ситуации должна осуществляться не посредством предъявления спорного требования, а путем обращения в суд с заявлением о введении в состав комитета кредиторов представителя названной группы, которое подлежит рассмотрению по существу применительно к правилам статьи 60 Закона о банкротстве[412].

Таким образом, контроль со стороны собрания кредиторов служит гарантом предотвращения злоупотреблений и учета общего интереса кредиторского сообщества. Для нивелирования вышеуказанных рисков кредиторы должно обладать достаточными по отношению к комитету кредиторов как ex ante, так и ex post механизмами контроля.

Ex ante контроль – это подход, при котором принимаются меры для предотвращения возможных проблем или конфликтов до их возникновения. В рассматриваемом контексте это означает, что кредиторы имеют возможность заранее определить, кто будет представлять их интересы и каким образом (предварительный контроль).

Ex ante контроль проявляется, прежде всего, в том, что вопросы создания комитета кредиторов и объем его полномочий решаются собранием кредиторов. Вместе с тем, данные вопросы принимаются не единогласно, а посредством кумулятивного голосования. Поскольку кумулятивное голосование позволяет сосредоточить голоса на определенных представителях, это может привести к ситуации, когда комитет формируется не из представителей большинства кредиторов, а из одного кредитора или группы кредиторов. Тем самым решения комитета будут в первую очередь отражать интересы доминирующей группы, а не всего сообщества кредиторов.

Из этого следует, что механизмы ex ante контроля недостаточно обеспечивают адекватную защиты интересов всех кредиторов. Проблема усугубляется отсутствием прозрачности в деятельности комитета кредиторов. Так,

---

[412] Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2021 № 305-ЭС16-20779(63) по делу № А40-154909/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

законодательство не устанавливает обязанности осуществлять публикацию уведомления о проведении комитета кредиторов, в отличие от прямо предусмотренной обязанности в ст. 13 Закона о банкротстве в отношении собрания кредиторов, где подчеркивается, что в случае, если количество конкурсных кредиторов и уполномоченных органов превышает пятьсот, надлежащим уведомлением признается опубликование сообщения о проведении собрания кредиторов в порядке, определенном ст. 28 Закона о банкротстве, а именно посредством размещения информации в ЕФРСБ.

Согласно п. 12 постановления Правительства РФ от 06.02.2004 № 56 «Об общих правила подготовки, организации и проведения арбитражным управляющим собраний кредиторов и заседаний комитетов кредиторов»[413] арбитражный управляющий в случае возложения на него проведения заседания комитета кредиторов в соответствии с регламентом комитета кредиторов:

а) уведомляет членов комитета кредиторов о проведении заседания;

б) ведет протокол заседания комитета кредиторов;

в) представляет по решению комитета кредиторов информацию о финансовом состоянии и ходе процедуры банкротства должника.

Ex post контроль – это подход, при котором принимаются меры для решения проблем или конфликтов после их возникновения (последующий контроль). В рассматриваемом контексте он выражается в возможности собрания кредиторов досрочно прекратить полномочия комитета кредиторов, переизбрать весь состав лиц, входящих в него (п. 5 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018).

Вышеупомянутые механизмы контроля за комитетом кредиторов кажутся довольно очевидными и не вызывающими вопросов. В связи с этим целесообразно сделать небольшое отступление в проблематику отмены решений, поскольку это

---

[413] Постановление Правительства РФ от 06.02.2004 № 56 «Об Общих правилах подготовки, организации и проведения арбитражным управляющим собраний кредиторов и заседаний комитетов кредиторов» // СЗ РФ. 2004. № 7. Ст. 526.

позволит оценить эффективность такого механизма ex post контроля за комитетом кредиторов.

В п. 3 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018, разъяснено, что собрание кредиторов вправе отменить свое решение при условии, что оно не начало влиять на права и законные интересы лиц, не входящих в гражданско-правовое сообщество, объединяющее кредиторов. Однако о возможности отмены собранием кредиторов решений комитета кредиторов в нем не упоминается.

Если агрегировать аргументы различных судов, то краеугольным камнем для возможности отмены решений признается то, что отмена решения комитета кредиторов собранием кредиторов не противоречит законодательству и не выходит за пределы компетенции собрания кредиторов, а является реализацией права сообщества кредиторов на изменение своих решений, принятых ранее[414].

Представляется, что сама по себе возможность отмены решений по своей сути не может подвергаться каким-либо сомнениям, поскольку она вытекает из того же источника, который создает комитет кредиторов и наделяет его полномочиями – автономии воли. Кроме этого, соответствует общей законодательной логике о праве высшего органа управления отменять решения иных органов управления и контроля, например:

– право общего собрания членов кооператива отменять решения правления и (или) председателя кооператива и наблюдательного совета кооператива (п. 1 ст. 20 Федерального закона от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»[415]);

– право общего собрания пайщиков потребительского общества отменять решения совета, правления потребительского общества (п. 1 ст. 16 Закона РФ от

[414] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.03.2022 № Ф05-5596/2019 по делу № А40-235260/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
[415] Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.

19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации»[416]);

– отмена решений органов кредитного кооператива относится к исключительной компетенции общего собрания членов кредитного кооператива (пайщиков) (пп. 8 п. 3 ст. 17 Федерального закона от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации»[417]).

Таким образом, можно утверждать, что в российском правопорядке действует институт отмены высшим органом управления решений иных, в том числе созданных им, органов управления и контроля. С учетом этого видится целесообразным отнести к исключительной компетенции собрания кредиторов право отменять решения комитетов кредиторов, что требует внесения изменений в законодательство о банкротстве. Так, в п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве предлагается добавить абзац следующего содержания:

«об отмене решений комитета кредиторов при условии, что оно не начало влиять на права и законные интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве, лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, третьих лиц».

Только комплексное применение ex ante и ex post механизмов контроля позволит обеспечить эффективный контроль над деятельностью комитета кредиторов, минимизируя риски, связанные с делегированием полномочий по фундаментальным вопросам процедуры банкротства.

§2. Модели осуществления полномочий органов кредиторского сообщества

Современные процедуры банкротства предусматривают активное участие органов кредиторского сообщества в управлении конкурсным процессом. В этой связи видится необходимым определить модели осуществления ими своих полномочий в рамках процедур банкротства.

---

[416] Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» // Российская газета. 1997. № 136.

[417] Федеральный закон от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3627.

1. Линейно-автономная модель осуществления полномочий

Данная модель основана на законодательно закреплённой автономии воли кредиторов (в определенных пределах) в регулировании процедур банкротства: они вправе возражать против необоснованных требований, оспаривать подозрительные сделки, заявлять о привлечении к ответственности контролирующих должника лиц, определять кандидатуру арбитражного управляющего, отстранять его от исполнения обязанностей и т.д.

Видится, что государство, признавая за кредиторами автономию воли, делегирует им часть регулирующих функций и тем самым обеспечивает их активное участие в конкурсном процессе, что создает институциональные условия для кредиторского саморегулирования в процедурах банкротства.

В российской правовой доктрине автономия кредиторов традиционно связывается с их правом избирать арбитражного управляющего в деле о банкротстве[418], обязанного действовать в том числе в их интересах[419]. Однако её содержание значительно шире: Закон о банкротстве наделяет собрание и комитет кредиторов широким спектром полномочий (например, ст. 61.9, ст. 61.14, ст. 61.20, ст. 82, ст. 101, ст. 104, ст. 105, ст. 110, ст. 115, ст. 130), а в отдельных ситуациях – исключительной компетенцией (например, п. 2 ст. 12, п. 1 ст. 107, абз. 2 п. 2 ст. 175).

Ключевой аспект линейно-автономной модели – право кредиторов не только принимать, но и отменять ранее принятые решения без санкции суда или арбитражного управляющего. Эта позиция находит отражение в судебной практике: Верховный Суд РФ подтвердил возможность отмены собранием кредиторов собственных решений[420]. Однако отсутствие прямого

---

[418] Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / [Бобылева А. З., Горев Д. Е., Зайцева Ю. А. и др.]; отв. ред.: д.ю.н., проф. С.А. Карелина, к.ю.н., доц. И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. С. 54.

[419] Шайдуллин А.И. Защита права кредиторов на информацию в процедурах банкротства // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 12.

[420] Пункт 3 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

законодательного регулирования данного вопроса порождает целый спектр вопросов.

В частности, на практике это приводит к возникновению ситуации, когда по одному и тому же вопросу имеются противоречащие друг другу решения собрания кредиторов (далее – «параллельные решения»)[421], что дестабилизирует процедуру, порождает коллизию волеизъявлений кредиторского сообщества и создаёт риски злоупотреблений.

Важно отметить, что эта проблема носит не только правовой, но и экономический характер: необходимость определения действительного волеизъявления кредиторского сообщества затягивает сроки процедур банкротства, а рост обусловленных этим судебных издержек особенно тяжело сказывается на финансовом положении участников конкурсного процесса.

В связи с этим требуется более детальное исследование обозначенной проблемы.

Авторская позиция основывается на тезисе о недопустимости параллельных решений, наличие которых противоречит принципам прозрачности и однозначности процедур банкротства. Как метко отметил профессор Шевченко И.М., институт «второго первого» собрания кредиторов юридически абсурден, подобно тому, как «не может быть осетрины второй свежести»[422].

До 2018 года судебная практика исходила из недопустимости параллельных решений. Основная аргументация сводилась к отсутствию их законодательной легализации. Так, например, Двадцатый арбитражный апелляционный суд указывал, что «существование двух разных решений собраний кредиторов о выборе кандидатуры конкурсного управляющего одного и того же должника не предусмотрено законодательством о банкротства, значит нарушает его»[423].

---

[421] Согоян Д.П. Проблема параллельных решений собрания кредиторов // Образование и право. 2025. № 4. С. 337-342.

[422] Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 76.

[423] Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.01.2016 № 20АП-8001/2015 по делу № А23-5968/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

При наличии спора о действительности первоначального решения до его разрешения в целях сохранения существующего положения и соблюдения прав и законных интересов всех кредиторов суды применяли обеспечительные меры, блокирующие проведение повторных собраний[424].

При этом отклонялись как не основанные на нормах права доводы о том, что в случае отказа в удовлетворении требований о признании недействительным первоначального решения собрания кредиторов и существовании двух различных решений, законную силу будет иметь более позднее решение собрания кредиторов[425].

Переломным моментом стало принятие Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018[426], в пункте 3 которого содержатся два ключевых постулата:

1) законодательством о несостоятельности не установлены специальные правила отмены решений кредиторского сообщества;

2) принятие иного решения по тем же самым вопросам презюмирует волю кредиторского сообщества на отмену ранее принятых решений.

Думается, что данный подход основан на общем принципе права «lex posterior derogat priori» (позднейшим законом отменяется более ранний[427]) – принцип юридической логики, в соответствии с которым при коллизии между более ранним и более поздним правовым актом применяются нормы позднейшего закона, даже если в нём нет явных положений об отмене действия раннего закона[428].

---

[424] Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.09.2016 по делу № А13-4461/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

[425] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.11.2010 № 18АП-10347/2010 по делу № А76-1546/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

[426] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

[427] Юридический словарь (С.Н. Братусь, 1953г.) [Электронный ресурс] // URL: http://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-bratus/fc/slovar-65.htm#zag-83 (дата обращения: 06.04.2025).

[428] Lex posterior derogat priori [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Lex_posterior_derogat_priori#cite_note-1 (дата обращения: 06.04.2025).

Так, после принятия Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018, арбитражные суды сразу стали сторонниками автоматической отмены ранее принятого решения собрания кредиторов новым[429]. Аргументация данной позиции, главным образом, сводилась к тому, что «не может быть ограничено право конкурсного кредитора на созыв собрания кредиторов, которое прямо закреплено в ст. 14 Закона о банкротстве»[430].

В рамках сравнительно-правового анализа следует отметить, что в немецком законодательстве (§ 78 Кодекса о неплатежеспособности (InsO)) предусмотрено, что суд может отменить решение собрания кредиторов, если оно противоречит общим интересам кредиторов в деле о несостоятельности[431].

§ 78 Aufhebung eines Beschlusses der Gläubigerversammlung	***§ 78 Отмена решения собрания кредиторов***
*(1) Widerspricht ein Beschluß der Gläubigerversammlung dem **gemeinsamen Interesse der Insolvenzgläubiger**, so hat das Insolvenzgericht den Beschluß aufzuheben, wenn ein absonderungsberechtigter Gläubiger, ein nicht nachrangiger Insolvenzgläubiger oder der Insolvenzverwalter dies in der Gläubigerversammlung beantragt.*	*(1) Если решение собрания кредиторов противоречит **общим интересам кредиторов по делу о несостоятельности**, суд отменяет это решение, если кредитор, имеющий право на самостоятельное удовлетворение, несубординированный кредитор или арбитражный управляющий ходатайствуют об этом на собрании кредиторов.*

Аналогичные нормы можно встретить в австрийском законодательстве (раздел 95 Закона о несостоятельности), где ключевым аспектом судебного

---

[429] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 03.06.2024 № 10АП-7156/2024 по делу № А41-81180/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.12.2022 № Ф05-22650/2019 по делу № А40-28521/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[430] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.04.2024 № Ф05-18660/2020 по делу № А41-14035/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[431] Insolvenzordnung (InsO) § 78 Aufhebung eines Beschlusses der Gläubigerversammlung [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/__78.html (дата обращения: 11.02.2025).

контроля является оценка принятого решения на соответствие общим интересам кредиторов[432].

Section 95. Repeal of Resolutions	***Раздел 95. Отмена решений***
(1) The insolvency receiver shall immediately notify the insolvency court of the creditors' committee's resolutions.	*(1) Арбитражный управляющий должен немедленно уведомить суд по делам о несостоятельности о решениях комитета кредиторов.*
(2) The insolvency court shall repeal a creditors' committee's or the creditors' meeting's resolution ex officio or upon a motion of the insolvency receiver or any member of the creditors' committee within eight (8) days ***if such resolution conflicts with the common interests of the insolvency creditors*** *or other equally important reasons exist.*	*(2) Суд по делам о несостоятельности должен отменить решение комитета кредиторов или собрания кредиторов по ходатайству управляющего или любого члена комитета кредиторов в течение восьми (8) дней,* ***если такое решение противоречит общим интересам кредиторов*** *или существуют другие важные причины.*
(3) In urgent cases, the court may replace the creditors' committee's or the creditors' meeting's resolution with another order to prevent an obvious disadvantage.	*(3) В срочных случаях суд может самостоятельно принять иное решение вместо решения комитета кредиторов или собрания кредиторов, чтобы предотвратить очевидные негативные последствия.*

В законодательстве ряда стран Восточной Азии также содержится аналогичное положение[433]. Например, в ст. 375 Закона Кореи о взыскании задолженности и банкротстве[434] сказано, что суд вправе запретить исполнение решение собрания кредиторов по своей инициативе, а именно:

---

[432] Austrian Insolvency Code. English translation [Электронный ресурс] // URL: https://www.rautner.com/wp-content/uploads/2016/05/3645187_Austrian_Insolvency-Code_ENG.pdf (дата обращения: 11.02.2025).

[433] Tomasic Roman. Insolvency Law in East Asia. 1st ed. Aldershot, England; Ashgate, 2006. Print. P. 184.

[434] 채무자 회생 및 파산에 관한 법률 (약칭: 채무자회생법) [시행 2014. 5. 20.] [법률 제12591호, 2014. 5. 20., 타법개정] [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=153977# (дата обращения: 11.02.2025).

제375조(결의집행의 금지)
①채권자집회의 결의가 파산채권자 일반의 이익에 반하는 때에는 법원은 *파산관재인・감사위원 또는 파산채권자의 신청에 의하거나 직권으로 그* ***결의의 집행을 금지할 수 있다.***

Статья 375 (Запрет на исполнение решения)

(1) Если какое-либо ***решение собрания кредиторов противоречит общим интересам кредиторов, суд может запретить исполнение решения*** *по своей инициативе или по требованию арбитражного управляющего, членов ревизионной комиссии или конкурсных кредиторов.*

Особый интерес представляет чешское законодательство (§ 54 Закона о судебной процедуре по делу о несостоятельности), которое, сохраняя в качестве основного критерия судебной проверки соответствие решения собрания «общим интересам кредиторов», вводит процессуальные ограничения, сужающие временные и субъектные рамки отмены: суд может аннулировать решение только до завершения собрания, а правом инициировать такую отмену обладают лишь управляющий и кредитор, выразивший в ходе голосования несогласие с принятым решением[435].

§ 54. Postup insolvenčního soudu

(1) Odporuje-li usnesení schůze věřitelů ***společnému zájmu věřitelů, může je insolvenční soud zrušit****; to neplatí v případě uvedeném v § 29 odst. 1, § 51 odst. 1 a pro usnesení schůze věřitelů o způsobu řešení dlužníkova úpadku, o reorganizačním plánu nebo o způsobu oddlužení.*

(2) Rozhodnutí o zrušení usnesení schůze věřitelů může insolvenční soud vydat jen do skončení schůze

§ 54. Судебная процедура по делу о несостоятельности

(1) Если решение собрания кредиторов ***противоречит общим интересам кредиторов, суд по делам о несостоятельности может отменить его****; это не применяется в случае, указанном в пункте 1 статьи 29, пункте 1 статьи 51, а также в отношении решений собрания кредиторов о способе разрешения дела о*

[435] Zákon č. 182/2006 Sb. Zákon o úpadku a způsobech jeho řešení (insolvenční zákon) [Электронный ресурс] // URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2006-182 (дата обращения: 11.02.2025).

věřitelů, která usnesení přijala, a může tak učinit jen na návrh insolvenčního správce nebo věřitele, který hlasoval proti přijetí usnesení schůze věřitelů.	*банкротстве должника, плане реорганизации или способе списания задолженности.* *(2) Решение об отмене решения собрания кредиторов может быть принято судом по делам о несостоятельности только до окончания собрания кредиторов, принявшего это решение, и может сделать это только по ходатайству управляющего или кредитора, голосовавшего против принятия решения собрания кредиторов.*

Сравнительный анализ указанных правовых систем показывает конвергенцию подходов к судебному контролю за решениями собраний кредиторов: ключевым критерием их легитимности остается соответствие общим интересам кредиторов, в то время как различия касаются в основном процессуальных аспектов реализации данного принципа.

Такое сближение норм указывает на формирование общего правила в странах германской группы романо-германской правовой семьи в области регулирования отношений несостоятельности (банкротства), где судебный контроль служит инструментом для достижения баланса интересов внутри кредиторского сообщества в условиях экономического соперничества его участников.

С принятием Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018, ключевым стал принцип «lex posterior derogat priori» (последующий закон отменяет предыдущий), что формально позволяет признавать новое решение собрания кредиторов автоматически аннулирующим ранее принятое. Однако это допустимо только при соблюдении двух условий: 1) новое решение не имеет признаков злоупотребления правом со стороны кредиторов; 2) отмененное решение не начало влиять на внешних по отношению к участникам кредиторского сообщества лиц.

Тем не менее, указанные условия представляются недостаточными для безусловного признания автоматической отмены. Верховный Суд РФ, акцентируя внимание на внешних последствиях, игнорирует внутренний правовой эффект первоначального решения. Даже если оно не затронуло интересы третьих лиц, его принятие уже сформировало правовую позицию кредиторов, зафиксировав их коллективную волю в отношении конкретного вопроса. Таким образом, новое решение неизбежно влияет на права и интересы кредиторов, участвовавших в первоначальном голосовании, независимо от их позиции («за» или «против»).

Данная проблематика обнаруживает концептуальные параллели с корпоративным правом, где, как обоснованно указывает в своих исследованиях Телешинин А.А., отмена ранее принятого решения может рассматриваться как односторонний отказ корпорации от исполнения обязательств перед участниками, а потому признаваться совершенной с нарушением норм действующего законодательства[436].

Автоматическая отмена ранее принятого решения логически оправдана лишь в случаях, когда оба решения исходят от одного и того же субъекта – например, одного и того же мажоритарного кредитора, чья воля доминирует. Однако если состав кредиторов меняется, такой подход становится спорным. Яркий пример – дело о банкротстве ООО «ИнжГазСтрой» [437]: первоначально собрание кредиторов избрало Ассоциацию СОАУ «Меркурий» для утверждения арбитражного управляющего, но после включения в реестр нового мажоритарного кредитора решение было пересмотрено в пользу другой саморегулируемой организации – НП СРО АУ «Развитие». В данном случае автоматическая отмена первого решения неприемлема, так как новое голосование проведено иным составом участников, что нарушает права кредиторов, законно реализовавших свое волеизъявление в рамках первоначального собрания.

---

[436] Телешинин А.А. Правовые проблемы принятия решения общего собрания участников хозяйственных обществ в российском праве // Право и экономика. 2022. № 8. С. 35.

[437] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.04.2018 № 305-ЭС17-17321 по делу № А40-48876/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, применение принципа «lex posterior derogat priori» в процедурах банкротства при оценке действительности нового решения собрания кредиторов требует следующего дифференцированного подхода, учитывающего состав кредиторского сообщества:

1) Допускается автоматическая отмена предыдущего решения, если новое принято при том же составе кредиторов, что отражает актуальность их воли. Это обосновано тем, что кредиторское сообщество остается неизменным по своему составу.

2) Если же решение изменено вследствие смены состава кредиторского сообщества (например, после включения в реестр новых кредиторов), автоматическая отмена предыдущего решения недопустима. Такое решение требует судебной проверки на предмет его соответствия общим интересам кредиторов подобно тому, как это происходит в ряде зарубежных правопорядков.

При этом, не углубляясь в дискуссию о природе решения собрания, поскольку это было сделано в главе 2 настоящего диссертационного исследования, отметим, что, на наш взгляд, решение собрания не может рассматриваться как договор, что соответствует позиции отечественного законодателя, представителей доктрины[438]. В этой связи вызывает обоснованные сомнения вывод Шевченко И.М. о возможности применения п. 1 ст. 450 ГК РФ к фактам отмены собственных решений собранием кредиторов[439].

На основании всего изложенного видится необходимым внести изменения в Закон о банкротстве, дополнив его новой статьей – «статьей 15.1. «Порядок отмены решений собранием кредиторов» следующего содержания:

«1. Собрание кредиторов вправе отменить ранее принятое им решение при условии отсутствия признаков злоупотребления правом и до момента, когда такое решение начало влиять на права и законные интересы лиц, участвующих в деле о

[438] Телешинин А.А. Гражданско-правовые последствия решения общего собрания участников хозяйственного общества в российском праве // Право и экономика. 2022. № 9. С. 38.
[439] Шевченко И.М. Указ. соч. С. 77.

банкротстве, лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, третьих лиц.

2. Включение в повестку дня собрания кредиторов вопроса об отмене ранее принятого решения осуществляется большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, требования которых включены в реестр требований кредиторов.

3. Решение об отмене ранее принятого собранием кредиторов решения считается действительным, если состав кредиторов на дату его принятия идентичен составу кредиторов на дату принятия первоначального решения.

4. В случае изменения состава кредиторов на дату принятия собранием кредиторов решения об отмене ранее принятого им решения, такое решение подлежит обязательному утверждению арбитражным судом.

5. По результатам рассмотрения заявления об утверждении решения собрания кредиторов об отмене ранее принятого им решения арбитражный суд выносит определение об утверждении или определение об отказе в утверждении в случае, если решение собрания кредиторов противоречит общим интересам кредиторов по делу о банкротстве.

6. Проведение собрания кредиторов по вопросу, по которому уже принято решение, не признанное недействительным или не отмененное в установленном настоящей статьей порядке, не допускается».

Таким образом, феномен параллельных решений собрания кредиторов, порожденный законодательными пробелами, остается значимой проблемой. Отсутствие прямого запрета на повторное рассмотрение урегулированных вопросов и неопределённость механизмов отмены ранее принятых решений создают почву для злоупотреблений, увеличивают сроки процедур банкротства и судебные издержки, усугубляя положение участников конкурсного процесса.

Возвращаясь к характеристике линейно-автономной модели осуществления полномочий органов кредиторского сообщества, следует отметить следующее. Автономия кредиторов в рамках данной модели носит не абсолютный, а «линейный» характер, что подразумевает её ограничение. Во-первых, она связана

временными рамками конкретной процедуры банкротства и императивными нормами закона. Во-вторых, она обусловлена требованиями к поведению самих кредиторов. Данный аспект выдвигает на первый план вопросы установления правовых критериев допустимого поведения кредиторов, а также механизмов их ответственности за незаконное и недобросовестное поведение.

Законодательное закрепление автономии кредиторов требует одновременной разработки механизмов противодействия их произволу, что остаётся недостаточно исследованным в доктрине, учитывая то значительное количество злоупотреблений со стороны кредиторов, которое имеет место на практике.

Как ранее неоднократно было отмечено, в рамках дела о банкротстве кредиторы, несмотря на существование различий в характере и размере своих требований, проявляют единство, действуя как целостная группа[440]: они объединены общей целью – надлежащее формирование конкурсной массы и погашение долга[441] (образуют в этом смысле объединение лиц – кредиторское сообщество[442]).

С учетом этого кредиторские злоупотребления могут быть дифференцированы на две принципиально различные виды исходя из их направленности на общую цель кредиторов[443].

Первая группа охватывает злоупотребления, не затрагивающие непосредственно цель формирования конкурсной массы и погашения задолженности.

Ярким примером выступает предъявление кредитором в реестр фиктивного требования (как пишет Коновалов Р.Р., с целью установить контроль над

---

[440] Ayotte, Kenneth and Morrison, Edward R. Creditor Control and Conflict in Chapter 11 // The Journal of Legal Analysis. 2009. № 2. P. 512.

[441] Есманский А.А. Реструктуризация задолженности: как защитить интересы независимых кредиторов // Закон. 2023. № 4. С. 94; Будылин С. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 4. С. 45.

[442] Шевченко И.М. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (некоторые размышления на примере дел о банкротстве) // Закон. 2023. № 4. С. 124.

[443] Согоян Д.П. Проблема кредиторских злоупотреблений в банкротстве и потенциал цифровых технологий // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2025. № 1. С. 41.

процедурой банкротства[444]). Судебная практика подтверждает, что кредиторы достаточно часто предпринимают попытки включения требований по несуществующим обязательствам[445].

В средствах массовой информации получили широкую огласку попытки латвийского банка AS «PNB Banka»[446] и ПАО Банк «ЮГРА»[447] заявить свои фиктивные требования в реестр требований кредиторов должника. Рассмотрим данные случаи более детально.

Один пример – дело № А67-7786/2020. Латвийский банк AS «PNB Banka» обратился в суд с заявлением о признании ООО «Томскинвест» банкротом и требовал включения 1,25 млрд рублей в реестр. Рассматривающие дело суды продемонстрировали разный подход: суды первой и кассационной инстанций признали требования банка обоснованными, в то время как апелляционная инстанция пришла к выводу об их необоснованности. В конечном счете Верховный суд РФ подтвердил правильность позиции апелляционного суда, отклонив требования AS «PNB Banka» и указав на их необоснованность в связи с транзитным перечислением денежных средств между аффилированными лицами[448].

Другой пример – дело № А40-40485/18. ПАО Банк «ЮГРА» обратился в суд с заявлением о включении 12,7 млрд руб. в реестр требований кредиторов АО «Иреляхнефть». При новом рассмотрении спора суды пришли к выводу о том, что требование банка является необоснованным, поскольку все кредитные денежные средства, полученные должником от банка, направлялись банку через контрагентов

---

[444] Коновалов Р.Р. Особенности формирования реестра требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве) // Современное право. 2024. № 8. С. 67.

[445] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.04.2024 № Ф05-31421/2023 по делу № А40-226326/2022 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.10.2023 № Ф04-1640/2021 по делу № А75-7662/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.07.2023 № Ф05-989/2023 по делу № А41-62484/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[446] ВС отменил включение в реестр требования кредитора из-за создания фиктивной задолженности [Электронный ресурс] // URL: https://probankrotstvo.ru/news/vs-otmenil-vkliucenie-v-reestr-trebovaniia-kreditora-iz-za-sozdaniia-fiktivnoi-zadolzennosti-7736 (дата обращения: 03.03.2025).

[447] Диво-дивное. Чудо-чудное. Новые подробности в деле Югры [Электронный ресурс] // URL: https://finance.rambler.ru/business/45761612-divo-divnoe-chudo-chudnoe-novye-podrobnosti-v-dele-yugry/ (дата обращения: 03.03.2025).

[448] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2024 № 304-ЭС21-14743(8,10) по делу № А67-7786/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

должника в отсутствие реальных хозяйственных отношений (то есть банк стал фактическим получателем ранее выданных им же денежных средств)[449].

Следует подчеркнуть, что действия кредиторов, направленные на предъявление фиктивных требований в реестр, хотя и не влекут за собой сокращение объема конкурсной массы, подлежащей распределению между всеми кредиторами, тем не менее наносят значительный ущерб интересам участников конкурсного процесса. В частности, данные действия искажают функциональное назначение института голосования на собрании кредиторов, искусственно создавая у таких кредиторов право голоса, что негативно сказывается на законности принимаемых решений. Для должника это влечёт возникновение дополнительных обязательств, за исполнение которых он должен отвечать. Для контролирующих должника лиц такая манипуляция с реестром требований влечет необоснованное увеличение размера их субсидиарной ответственности.

В связи с этим суды уже давно ведут борьбу с попытками включения требований по несуществующим обязательствам[450]. Однако если ранее Верховный Суд РФ указывал на необходимость проверки обоснованности требования кредитора через достаточность представленных им доказательств наличия задолженности[451], то сейчас прямо пишет на обязательность такой проверки в том числе на предмет мнимости[452].

Правовым последствием такого недобросовестного поведения кредитора является отказ во включении требования в реестр требований кредиторов[453],

---

[449] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.10.2023 по делу № А40-40485/18 // СПС «КонсультантПлюс».

[450] Бараданченкова Н.Е. Включение требований в реестр кредиторов должника: аспекты злоупотребления правом // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 45.

[451] См. п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8; п. 15 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2017), утв. Президиумом ВС РФ 16.02.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1; п. 17 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3.

[452] См. п. 27 постановления Пленума ВС РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

[453] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

который принимается судом на основании ст. 71 Закона о банкротстве. Каких-либо иных санкций административно- или уголовно-правового характера действующее российское законодательство не предусматривает.

В то время как ранее по Уставу о банкротах от 19 декабря 1800 года кредитор, уличенный в предъявлении ложных требований или сговоре с целью искусственного завышения долга, подвергался не только полному лишению права на удовлетворение требований, но и двойному взысканию в размере суммы фиктивного долга. При этом одна часть взысканных средств направлялась в конкурсную массу, а вторая – в государственную казну, что подчеркивало публично-правовой характер данной санкции. Дополнительными мерами воздействия являлись публикация сведений о недобросовестном поведении в газетах (фактически – медийная дискредитация) и принудительное направление на работы в случае невозможности погашения взысканной суммы (п. 68 Устава о банкротах от 19 декабря 1800 года)[454].

Примечательным аспектом современной правовой политики ряда зарубежных юрисдикций является установление административной и уголовной ответственности за недобросовестные действия кредиторов, что контрастирует с преимущественно гражданско-правовыми последствиями, предусмотренными действующим российским законодательством.

Ярким примером служит (4) § 152 раздела 18 Кодекса США о банкротстве, в соответствии с которым лицо, которое сознательно и обманным путем предъявляет любое ложное требование наказывается штрафом и (или) лишением свободы на срок не более пяти лет[455].

Иллюстративным примером также служит Федеральный закон № 51 от 2023 года Объединенных Арабских Эмиратов, статья 278 которого вводит строгие санкции за предъявление фиктивного требования, умышленное завышение размера долга или получение необоснованных преимуществ либо иных льгот в ущерб иным

---

[454] Устав о банкротах от 19 декабря 1800 г. [Электронный ресурс] // URL: https://ivo.garant.ru/#/document/55003854/paragraph/1:0 (дата обращения: 03.03.2025).

[455] 18 U.S. Code § 152 - Concealment of assets; false oaths and claims; bribery // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/152 (дата обращения: 03.03.2025).

кредиторам[456]. В таком случае кредитор подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до двух лет и (или) штрафа в размере до 200 000 дирхамов ОАЭ (≈ 54 450 USD[457]).

Вторая группа охватывает злоупотребления, непосредственно нарушающие общий интерес кредиторов, то есть надлежащее формирование конкурсной массы и максимизацию удовлетворения требований.

Каноническим примером подобных практик является уклонение от заключения мирового соглашения, которое могло бы быть выгодным для всех или большинства кредиторов. Подобные действия зачастую обусловлены узкокорыстными интересами – например, желанием отдельных кредиторов «наказать» должника или ускорить продажу активов для скорейшего погашения собственных требований. Более подробно рассмотрим данную практику на примере залоговых кредиторов.

В рамках действующего правового режима, установленного п. 2 ст. 150 Закона о банкротстве, заключение мирового соглашения предполагает двойной механизм одобрения: 1) большинство голосов на собрании кредиторов по требованиям, не обеспеченным залогом; 2) единогласное одобрение со стороны залоговых кредиторов, чьи требования обеспечены имуществом должника.

Такая конструкция создаёт правовой дисбаланс в распределении властных полномочий, позволяя залоговым кредиторам, обладающим правом вето, блокировать заключение мирового соглашения даже при наличии экономической целесообразности совершения данной сделки и консенсуса среди иных участников процедуры.

Подобное регулирование, формально направленное на защиту интересов залоговых кредиторов, на практике создаёт риски злоупотребления доминирующим положением, когда решение принимается не в целях

---

[456] Federal Decree-Law № (51) of 2023 Promulgating the Financial and Bankruptcy Law [Электронный ресурс] // URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/2190/download (дата обращения: 03.03.2025).

[457] 200 000 дирхамов ОАЭ в долларах США [Электронный ресурс] // URL: https://finance.rambler.ru/calculators/converter/200000-AED-USD/?ysclid=m8kct3tqf0790919842 (дата обращения: 22.03.2025).

максимизации удовлетворения требований всех кредиторов, а исходя из узкокорыстных мотивов (например, ускорение реализации залогового имущества).

Данный вопрос был рассмотрен Верховным Судом РФ по жалобе двух банков-залоговых кредиторов: ПАО «Промсвязьбанк» и ООО КБ «Развитие». Несмотря на их возражения против заключения мирового соглашения по делу о банкротстве ОАО НПК «ЭСКОМ» суд оставил его в силе, обосновав это, прежде всего, принципом предпочтительного проведения реабилитационных процедур в целях наиболее полного удовлетворения требований кредиторов[458], тем самым преодолев отсутствие согласия залоговых кредиторов.

Ранее данный подход применялся, главным образом, в делах о банкротстве физических лиц[459] при утверждении плана реструктуризации долгов гражданина в отсутствие одобрения собрания кредиторов, что, в отличие от вышеприведенного примера, соответствовало букве закона (п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве).

В рамках настоящего исследования следует подчеркнуть, что механизм судебного утверждения реструктуризационного плана вопреки воле кредиторов *(cram down)*, направленный на обеспечение баланса между восстановлением платежеспособности должника и защитой наилучших интересов кредиторов *(the best interests of the creditors)* получил нормативное закрепление в ряде зарубежных правовых систем.

Особого внимания заслуживает европейская правовая система, где указанный механизм установлен Директивой № 2019/1023 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об основах превентивной реструктуризации, погашении задолженности и дисквалификациях, о мерах по повышению эффективности процедур, касающихся реструктуризации, несостоятельности и погашения задолженности, а также об изменении Директивы (ЕС) 2017/1132»[460].

---

[458] Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 308-ЭС20-3526 (9, 10, 12-14), от 23.12.2024 № 305-ЭС24-11965 // СПС «КонсультантПлюс».

[459] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[460] Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks, on discharge of debt and disqualifications, and on measures to increase the efficiency of procedures concerning

Анализ главы 11 Кодекса США о банкротстве позволяет отметить, что п. (b) § 1129, регламентирующий процедуру подтверждения плана реорганизации, нормативно закрепляет механизм cram down[461]. При этом защита прав кредиторов обеспечивается посредством применения теста на «наилучшие интересы кредиторов» *(the plan is in the best interests of creditors* – п. *(7)) (b) § 943)*, в соответствии с которым удовлетворение требований кредиторов в рамках утвержденного плана должно осуществляться в объеме, существенно превышающем тот, который мог бы быть получен ими в случае ликвидации должника в рамках банкротства. Данная норма направлена на достижение баланса между целями реабилитации должника как действующего предприятия *(going concern)* и гарантией имущественных прав кредиторов, исключающей ухудшение их положения по сравнению с гипотетическим сценарием ликвидации.

Механизм судебного утверждения реструктуризационного плана также является достаточно распространенным явлением в Китае в связи со стремлением местного правительства не допустить ликвидации стратегически важных и крупных предприятий[462]. В качестве примера можно привести дело о банкротстве компании Тяньи (Tianyi), крупного производителя растительного масла в городе Цзинчжоу в провинции Хубэй. В данном случае суд утвердил план реорганизации несмотря на возражения со стороны кредиторов (при этом показатель погашения задолженности для них составил всего 10,07%, что не выше размера погашения в рамках процедуры банкротства, который составлял от 8,62% до 12,62%)[463].

В контексте эволюции правового регулирования несостоятельности в Объединенных Арабских Эмиратах необходимо отметить, что ранее действовавший Закон о банкротстве 2016 года не предусматривал механизм

---

restructuring, insolvency and discharge of debt, and amending Directive (EU) 2017/1132 (Directive on restructuring and insolvency) [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2019.172.01.0018.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2019%3A172%3ATOC (дата обращения: 03.03.2025).

[461]11 U.S. Code § 1129 - Confirmation of plan [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/1129 (дата обращения: 03.03.2025).

[462] Wei Chuyi. Chinese Bankruptcy Law in Its Eighth Year: an Evaluation in Theory and Practice // International Company and Commercial L. Rev. 2014. P. 316.

[463] 破产重整计划强制批准制度完善路径探析 [Электронный ресурс] // URL: https://www.faxin.cn/lib/Flwx/FlqkContent.aspx?gid=F78684#Remark2 (дата обращения: 03.03.2025).

принудительного утверждения реструктуризационного плана *(cram down)*[464]. Однако кардинальная реформа, инициированная принятием Федерального закона № 51 от 2023 года, вступившего в силу 1 мая 2024 года, имплементировала данный институт, что отражает целенаправленное стремление национального законодателя к гармонизации локальных правовых норм с общепризнанными международными стандартами. Согласно п. 3 ст. 114 обновленного закона суд вправе в течение десяти дней с момента уведомления Департамента по делам о банкротстве рассмотреть ходатайство должника о принудительном утверждении отклоненного плана реструктуризации при условии соблюдения принципа наилучшего обеспечения интересов кредиторов[465]. Внедрение механизма cram down в правовую систему ОАЭ следует рассматривать, прежде всего, как стратегический шаг, направленный на усиление инвестиционной привлекательности юрисдикции.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что подобные действия кредиторов наносят ущерб интересам кредиторского сообщества, выраженный в подрыве надлежащего формирования конкурсной массы и максимизации удовлетворения требований. Помимо этого такие злоупотребления деформируют саму сущность банкротства, трансформируя его из механизма коллективного взыскания задолженности в инструмент реализации индивидуализированных имущественных притязаний.

В настоящей работе, в связи с требованиями к ограниченности её объема, детально не рассмотрены такие злоупотребления со стороны кредиторов как противоправное уменьшение конкурсной массы посредством сокрытия активов, совершения заведомо невыгодных сделок либо бездействия, ведущего к обесцениванию имущества должника. Тем не менее даже проведённый анализ позволяет утверждать: злоупотребления со стороны кредиторов остаются неотъемлемым элементом института банкротства. Как справедливо указывал Шершеневич Г.Ф., законодательные ограничения не способны полностью

---

[464] Tarek M. Hajjiri, Adrian Cohen. Global Insolvency and Bankruptcy Practice for Sustainable Economic Development. Vol 1, General Principles and Approaches in the UAE. Palgrave Macmillan. 2016. P. 221.

[465] Federal Decree-Law № (51) of 2023 Promulgating the Financial and Bankruptcy Law [Электронный ресурс] // URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/2190/download (дата обращения: 03.03.2025).

искоренить злоупотребления в данной сфере, что обусловлено самой природой экономических интересов участников процесса[466]. Однако парадоксальным образом именно подобные девиации формируют драйвер развития конкурсного права, актуализируя необходимость не только совершенствования ретроспективных механизмов ответственности, но и формирования превентивных регуляторов – в частности, путём законодательного закрепления стандарта поведения кредитора.

В современной юридической доктрине проблематика стандартизации поведенческих моделей субъектов правовых отношений занимает существенное место в исследовательском дискурсе. Прежде чем перейти к анализу существующих научных позиций, целесообразно провести терминологический анализ ключевого понятия. Лексикографические источники, в частности толковый словарь Ожегова С.И., определяют «стандарт» как образец, которому должно соответствовать, удовлетворять что-нибудь по своим признакам, свойствам, качествам[467]. Большой энциклопедический словарь, акцентируя этимологическую связь слова «стандарт» с англоязычным термином «standard», интерпретирует его как эталонную модель, используемую для сравнительного анализа однородных явлений[468]. Таким образом, стандарт поведения можно определить как типовую модель действий, ожидаемую от субъекта в конкретной ситуации и служащую критерием оценки его активности.

Теоретико-прикладное осмысление данной категории осуществляется в межотраслевом измерении. Так, в работе Белика И.А. обосновывается концепция антимонопольных стандартов поведения, регламентирующих деятельность доминирующих лиц при заключении сделок[469]. Поротикова О.А. актуализирует

---

[466] Шершеневич Г.Ф. Конкурсный Процесс. 3-е издание. М.: Статут. 2021. С. 49.

[467]Толковый словарь Ожегова С.И. [Электронный ресурс] // URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30369 (дата обращения: 29.03.2025).

[468]Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // URL: https://gufo.me/dict/bes/%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%90%D0%A0%D0%A2 (дата обращения: 29.03.2025).

[469] Белик И.А. Стандарты поведения доминирующего лица в договорных отношениях // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 4. С. 42.

вопрос о стандартах поведения контрагентов при ведении переговоров на стадии заключения договора[470].

В области конкурсного права Кантор Н.Е. исследует стандарт поведения арбитражного управляющего в деле о банкротстве, предлагая методологию сравнения с гипотетическим поведением любого другого руководителя в сопоставимых условиях[471]. Филипенко Н.В., в свою очередь, формулирует стандарт поведения контролирующих лиц, предусматривающий «учет интересов всех групп, включенных в правоотношения с участием или по поводу контролируемой организации»[472].

Синтез указанных подходов, на наш взгляд, позволяет определить стандарт поведения кредитора в деле о банкротстве как ожидаемую от него модель поведения, определяемую сопоставлением его действий с поведением любого другого такого же кредитора при сравнимых обстоятельствах.

Выше представленный анализ видов кредиторских злоупотреблений позволяет констатировать необходимость разработки двухуровневого стандарта поведения кредитора, интегрирующего индивидуальные и коллективные аспекты его участия в конкурсном процессе.

На индивидуальном уровне ключевым элементом должна стать обязанность кредитора действовать добросовестно (good faith). Принцип недопустимости недобросовестного поведения, закреплённый в ст. 10 ГК РФ, в контексте кредиторских злоупотреблений в банкротстве требует конкретизации. Речь должна идти не только о запрете на явно неправомерные действия как предъявление фиктивных требований, но и о пресечении действий, формально законных, но нарушающих баланс интересов участников процедуры.

Ярким примером подобных злоупотреблений служит ситуация, при которой кредитор, получивший полное удовлетворение своих имущественных требований

---

[470] Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / [Банников Р.Ю., Величкова О.И., Евтухович Е.А. и др.]; под редакцией Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М.: Статут, 2023. С. 67.

[471] Кантор Н.Е. Применение business judgment rule в спорах о гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 177.

[472] Филипенко Н.В. Внебанкротная субсидиарная ответственность лиц, контролировавших общество с ограниченной ответственностью // Арбитражные споры. 2023. № 1. С. 45.

за счет третьего лица, продолжает блокировать прекращение производства по делу о банкротстве. В данном случае правомерность материального интереса кредитора в дальнейшем участии в процедуре вызывает обоснованные сомнения. Как справедливо отмечено в определении Верховного Суда РФ № 305-ЭС16-15945, законный интерес любого кредитора в процедуре банкротства состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований, а предоставленные ему процессуальные инструменты направлены исключительно на достижение этой цели[473].

Указанная правовая позиция получила развитие в практике Арбитражного суда Уральского округа, который в одном из дел констатировал неправомерность поведения кредитора, отказавшегося от принятия исполнения, предложенного третьим лицом, при отсутствии разумных экономических оснований для такого отказа[474].

Таким образом, суды квалифицируют подобные действия как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ), справедливо отмечая, что сохранение кредитором статуса участника дела о банкротстве после полного удовлетворения его требований лишено правовой цели и противоречит функциональному назначению института несостоятельности. В этой связи Ватлин Л.А. верно отмечает, что подобное поведение приводит к неоправданному затягиванию процедуры, препятствуя достижению её основной цели – эффективному удовлетворению требований кредиторов[475].

Для минимизации подобных рисков помимо законодательного установления обязанности кредитора действовать добросовестно необходимо нормативное закрепление критериев недобросовестного поведения кредитора. В частности, недобросовестность действий (бездействия) кредитора может считаться установленной в случаях: 1) сокрытия информации об аффилированности с

---

[473] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.01.2017 № 305-ЭС16-15945 по делу № А41-108121/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[474] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.07.2019 № Ф09-4026/19 по делу № А76-32823/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[475] Ватлин Л.А. Институт исполнения обязательства третьим лицом в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) // Вестник арбитражной практики. 2020. № 6. С. 31.

должником; 2) утаивания данных об активах должника и его финансовом состоянии; 3) намеренного искусственного затягивания процедуры банкротства.

Концепция двухуровневого стандарта поведения кредитора в процедуре банкротства предполагает, что на коллективном уровне частные интересы отдельных кредиторов должны быть подчинены единой цели кредиторского сообщества (best interests of creditors), выражающейся в обеспечении надлежащего формирования конкурсной массы, максимизации стоимости активов должника и справедливом распределении конкурсной массы.

Однако, действующая редакция Закона о банкротстве (ст. ст. 12, 15) не содержит действенных механизмов нейтрализации решений, формально принятых большинством кредиторов, но объективно противоречащих интересам кредиторского сообщества. Так, доминирующие кредиторы, злоупотребляя своим положением, могут инициировать реализацию активов по заведомо заниженной цене, лишая иных кредиторов возможности получить пропорционально больший доход от альтернативных вариантов распоряжения имуществом. Подобная ситуация, как следует из материалов дела № А60-58935/2017, нередко приводит к судебным спорам[476].

Мировая практика, как демонстрирует выше проведенный сравнительно-правовой анализ, предлагает решение данной проблемы через институт судебного преодоления воли кредиторов. В немецком праве, в частности, § 78 Закона о несостоятельности предоставляет суду полномочия отменять любые решения собрания кредиторов, если они нарушают интересы кредиторского сообщества в целом, не ограничиваясь лишь решениями об утверждении планов реструктуризации (§ 78 Aufhebung eines Beschlusses der Gläubigerversammlung[477]). Имплементация аналогичного подхода в российское законодательство позволила

[476] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.11.2024 № 17АП-14949/2018(4)-АК по делу № А60-58935/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
[477] Insolvenzordnung (InsO) § 78 Aufhebung eines Beschlusses der Gläubigerversammlung [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/__78.html (дата обращения: 11.02.2025).

бы минимизировать риски принятия экономически деструктивных решений под видом процедурной легитимности.

Системная модернизация законодательства о банкротстве в контексте внедрения двухуровневого стандарта поведения кредитора требует следующих шагов:

1) на индивидуальном уровне:

– законодательное закрепление императива добросовестности в действиях кредитора;

– разработка критериев недобросовестного поведения кредиторов, включая сокрытие информации об аффилированности, манипулирование данными о финансовом состоянии должника и умышленное затягивание процедуры;

– введение санкций в форме пропорционального снижения размера требований кредитора, уличенного в злоупотреблениях, по результатам которых причинен вред конкурсной массе.

2) на коллективном уровне:

– предоставление суду права аннулировать решения собраний кредиторов, противоречащие общим интересам кредиторов (best interests of creditors), даже при их формальном соответствии закону;

– установление обязанности органов кредиторского сообщества обосновывать экономическую целесообразность ключевых решений (продажа активов, мировое соглашение и т.д.) с приложением заключений;

– введение механизма принудительного выкупа требований кредиторов, блокирующих одобрение экономически выгодных для кредиторского сообщества решений.

Для внедрения предложенных мер возможны следующие изменения в Закон о банкротстве:

1) добавить в ранее предложенную статью – «статью 11.1. Обязанности кредиторов в деле о банкротстве» пункты следующего содержания:

«Недобросовестным поведением кредитора, в частности, признаются:

сокрытие информации об аффилированности с должником, иными кредиторами или арбитражным управляющим, имеющей существенное значение для дела о банкротстве;

предоставление заведомо ложных сведений о финансовом состоянии должника, его активах или обязательствах в суд, собранию кредиторов, комитету кредиторов или арбитражному управляющему;

умышленное затягивание процедуры банкротства путем подачи необоснованных ходатайств, жалоб, возражений или иным способом с целью извлечения необоснованной выгоды или причинения вреда другим лицам, участвующим в деле о банкротстве или в процессе по делу о банкротстве;

совершение иных действий (бездействия), явно направленных на нарушение прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве или в процессе по делу о банкротстве, либо на воспрепятствование достижению целей банкротства.

В случае установления судом факта недобросовестного поведения кредитора, суд вправе по заявлению лиц, участвующих в деле о банкротстве или лиц, участвующих в процессе по делу о банкротстве, уменьшить размер требований такого кредитора пропорционально степени вреда, причиненного конкурсной массе».

2) дополнить статью 15 Закона о банкротстве пунктом 3 следующего содержания:

«Собрание кредиторов обязано обеспечить подготовку анализа экономической целесообразности решения и приложить его к протоколу при принятии решений, непосредственно влияющих на размер конкурсной массы и (или) порядок ее распределения».

3) дополнить статью 15 Закона о банкротстве пунктом 6 следующего содержания:

«Арбитражный суд вправе по заявлению лиц, участвующих в деле о банкротстве или лиц, участвующих в процессе по делу о банкротстве, признать недействительным решение собрания кредиторов (комитета кредиторов), если оно

существенно нарушает общие интересы кредиторов и (или) может привести к необоснованному уменьшению конкурсной массы.

4) дополнить Закон о банкротстве новой статьей – «статья 11.2. Принудительный выкуп требований кредиторов в деле о банкротстве» следующего содержания:

«1. В случае, если собрание кредиторов не может принять решение вследствие голосования против него одного или нескольких кредиторов, большинство конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, включенных в реестр требований кредиторов (за исключением кредиторов, голосовавших против), вправе принять решение о принудительном выкупе требований указанных кредиторов, голосовавших против.

2. Решение о принудительном выкупе требований подлежит утверждению арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве.

3. Арбитражный суд утверждает решение о принудительном выкупе требований при одновременном наличии следующих условий:

голосование кредитора против решения объективно и необоснованно блокирует принятие решения собрания кредиторов, которое является экономически целесообразным и направлено на максимизацию удовлетворения требований всех кредиторов;

цена выкупа требования является справедливой и соответствует его рыночной стоимости, определяемой в порядке, установленном пунктом 4 настоящей статьи;

при подготовке, созыве и проведении собрания кредиторов соблюдены все требования настоящего Федерального закона.

4. Рыночная стоимость выкупаемого требования определяется на дату принятия решения о выкупе независимым оценщиком, привлекаемым арбитражным управляющим в порядке, предусмотренном статьей 20.3 настоящего Федерального закона.

5. Арбитражный управляющий обязан в течение трех рабочих дней с даты принятия собранием кредиторов решения, указанного в пункте 1 настоящей статьи:

направить кредитору, требование которого подлежит выкупу, уведомление заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении;

разместить информацию о принятом решении и его содержании в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве.

6. Средства для выкупа требований и оплату услуг оценщика, указанных в пункте 4 настоящей статьи, вносятся кредиторами, проголосовавшими за решение о выкупе, пропорционально размерам их требований, включенных в реестр, на депозитный счет арбитражного суда до подачи в арбитражный суд заявления об утверждении решения о принудительном выкупе. Выкуп требований осуществляется за счет указанных средств после вступления в законную силу определения арбитражного суда об утверждении выкупа.

7. Кредитор, требование которого выкуплено в порядке настоящей статьи, вправе обжаловать определение арбитражного суда об утверждении принудительного выкупа его требования в срок, не превышающий четырнадцати календарных дней со дня принятия такого определения».

Критики могут возразить, что такой подход нарушает принцип автономии воли кредиторов. Однако банкротство – не частноправовой, а публично-правовой по своей природе институт, где частные интересы подчинены публично-правовой цели: обеспечение баланса прав и законных интересов участников конкурсного процесса, что, как верно указывает Кантор Н.Е., неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ[478].

Важно отметить, что двухуровневый стандарт поведения кредитора – не теоретическая конструкция, а практическая необходимость. Его внедрение позволит преодолеть ключевой парадокс современного банкротства: конфликт между абсолютным характером кредиторских прав и социально-экономической целью процедуры. Реализация предложенных механизмов потребует внесения изменений в действующее законодательство, но именно такой подход

[478] Кантор Н.Е. Указ. соч. С. 167.

соответствует духу современного конкурсного права, балансирующего между кредиторским индивидуализмом и коллективизмом.

Современные вызовы конкурсного права, связанные с кредиторскими злоупотреблениями, диктуют необходимость интеграции цифровых технологий в механизмы реализации двухуровневого стандарта поведения кредитора. Анализируя проблему злоупотребления процессуальными правами в целом, вне привязки к банкротству, Крымский Д.И. подчеркивает, что «сопутствующие применению информационных технологий и электронных средств «цифровые следы», их объективность, верифицируемость позволят выявлять злоупотребления и выработать более четкие критерии определения недобросовестного поведения, его «маркеры» и признаки»[479]. Разделяя его позицию, применительно к исследуемой теме добавим, что цифровизация способна трансформировать как индивидуальные, так и коллективные аспекты участия кредиторов в процедуре банкротства, обеспечив прозрачность, объективность и превентивный контроль за соблюдением принципов добросовестности и обеспечения наилучших интересов кредиторов.

Важно при этом отметить, что универсальных цифровых инструментов для каждого вида кредиторских злоупотреблений быть не может – решения должны быть адресными, направленными на борьбу с конкретными нарушениями.

На индивидуальном уровне внедрение цифровых инструментов позволит минимизировать варианты злоупотребления кредитором своим правом. Так, например, создание единой блокчейн-платформы учета требований кредиторов обеспечит автоматическую проверку их обоснованности, правовую квалификацию, неизменность указанных сведений, а также данных об их размере и правовом основании, значительно уменьшив, соответственно, количество споров

[479] Крымский Д.И., Мельникова А.В. Злоупотребление процессуальными правами в контексте цифровизации правосудия // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 311.

относительно требований кредиторов[480] или ошибок со стороны арбитражного управляющего при ведении реестра[481].

Алгоритмы, обученные выявлять паттерны недобросовестного поведения кредиторов (например, манипуляции с требованиями, сокрытие аффилированности), позволят автоматически их фиксировать. Результаты такого анализа могут служить основанием для автоматического применения к таким кредиторам санкций, предусмотренных законом.

Помимо этого видится возможным по аналогии с цифровым досье должника[482] создать цифровое досье кредиторов, агрегирующее информацию об аффилированности с должником, совершенных с ним сделок, их участии в прошлых делах о банкротстве того же должника (при наличии таковых), а также прецеденты совершенных ими злоупотреблений. Отправной точкой для реализации этой идеи, хоть и отмечается Беликовой К.М. по отношению к должнику, могут послужить давно применяемые «Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе, которые будут способствовать достижению баланса интересов в конкурсном праве.»[483].

На коллективном уровне цифровые технологии призваны нейтрализовать риски нарушения общего интереса всех кредиторов. Например, внедрение платформ для алгоритмизированного голосования с функцией проверки экономической обоснованности принятых собранием кредиторов решений позволит блокировать принятие таких решений, которые противоречат единой цели кредиторского сообщества. Так, программа, сопоставляющая предложенную

---

[480] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.09.2022 № 17АП-5237/2020(11)-АК по делу № А50-24174/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[481] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.09.2024 № 09АП-38504/2024 по делу № А40-58902/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[482] ФССП планирует в 2025 году создать цифровое досье должника [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru/russia/1006919?ysclid=m8qfxeqhu3868520890 (дата обращения: 11.02.2025).

[483] Беликова К.М. Цифровизация процедур несостоятельности (банкротства): шаг к достижению баланса интересов в конкурсном праве? // Сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XXIV Международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы». В 4-х частях. М., 2024. С. 87.

цену продажи актива с рыночными данными в реальном времени, сможет автоматически отклонять решение собрания кредиторов об утверждении положения о продаже имущества по слишком заниженной стоимости.

Кроме этого, внедрение смарт-контрактов, программируемых под условия конкретной процедуры банкротства, могут обеспечить автоматическое распределение средств между кредиторами в строгом соответствии с законодательством, исключив субъективные ошибки и манипуляции при расчетах.

Указанные предложения по анализу экономической целесообразности решений собрания кредиторов, на наш взгляд, могут быть поэтапно внедрены в качестве «пилотного проекта» в арбитражных судах Москвы и Санкт-Петербурга. В свою очередь, практическая реализация мер по автоматическому распределению средств среди кредиторов может быть осуществлена через создание Федерального центра информатизации оборота требований (ФЦИОТ) – единой платформы для учета требований кредиторов, результатов их голосования и распределения конкурсной массы.

Иностранный опыт убедительно демонстрирует результативность цифровых инструментов в минимизации рисков кредиторских злоупотреблений. Ярким примером системного подхода выступает реформа испанского законодательства о несостоятельности, реализованная в 2022 году посредством принятия Закона № 16/2022 (Ley 16/2022, de 5 de septiembre, de reforma del texto refundido de la Ley Concursal). В рамках указанного акта законодатель ввел обязательное использование онлайн-сервиса для автоматизированного моделирования наиболее перспективного плана погашения требований кредиторов[484].

Таким образом, внедрение предложенных мер с учетом опыта зарубежных стран позволит в полной мере реализовать двухуровневый стандарт поведения кредитора в процедурах банкротства. При этом данное исследование не ставит своей целью разработку конкретных технологических или программных решений,

---

[484] La reforma concursal se aprueba sin las enmiendas del Senado [Электронный ресурс] // URL: https://noticias.juridicas.com/actualidad/noticias/17403-la-reforma-concursal-se-aprueba-sin-las-enmiendas-del-senado/ (дата обращения: 11.02.2025).

что открывает перспективу для прикладных изысканий специалистов в области программирования и экономики.

2) Преобразовательно-корпоративная модель осуществления полномочий органов кредиторского сообщества

В рамках процедуры банкротства кредиторы и участники должника-юридического лица взаимодействуют через общий объект управления – само юридическое лицо.

Осуществление организационно-управленческих полномочий участниками позволяет им реализовывать корпоративный контроль. Несмотря на отсутствие в доктрине консенсуса относительно дефиниции данного термина, большинство исследователей сходится в том, что корпоративный контроль представляет собой право участников влиять на деятельность юридического лица. Например, Ерахтина О.С. и Широкова А.Д. связывают это влияние с размером доли в уставном капитале или количеством акций, подчеркивая, что именно эти факторы определяют возможность участия в формировании волеизъявления юридического лица[485]. Тужилова-Орданская Е.М. трактует корпоративный контроль шире – как совокупность внешних и внутренних процессов реализации прав и обязанностей участников корпорации[486]. Губин Е.П. рассматривает корпоративный контроль как возможность участников корпоративных отношений оказывать непрерывное влияние на принятие важных управленческих решений[487], а Степанов Д.И. – форму экономической власти над корпоративной структурой. Сарбаш С.В. и Гутин А.С. рассматривают его как право на принятие решений, корпоративных актов по управлению юридическим лицом[488] или опосредованное влияние на них[489]. Таким

[485] Ерахтина О.С., Широкова А.Д. Корпоративный контроль и особенности его защиты в обществах с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 82.
[486] Тужилова-Орданская Е.М. Корпоративный контроль: основные теоретические подходы // Гражданское право. 2022. № 5. С. 21.
[487] Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе: Практ. пособие / [Бакшинскас В.Ю. и др.]; Под ред. Е.П. Губина. М.: Юристъ, 1999. С. 18.
[488] Сарбаш С.В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 72.
[489] Гутин А.С. Корпоративный контроль в акционерных обществах и его правовые формы: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005. С. 50.

образом, суть корпоративного контроля сводится к взаимосвязи «участник – юридическое лицо».

В контексте банкротства аналогичная связь возникает между кредиторами и должником, что доктрина определяет как конкурсный (кредиторский) контроль, направленный на управление должником, его имуществом, деятельностью и ходом конкурсных процедур в рамках системы конкурсных отношений в целях удовлетворения их требований[490]. Это формирует иную связь – «кредиторы – юридическое лицо». Хотя корпоративный контроль базируется на правах участия, а конкурсный – на обязательственных требованиях, их зоны влияния в процессе банкротства пересекаются. Кредиторы, формально оставаясь внешними субъектами, фактически включаются в систему управления должником-юридическим лицом, приближаясь по статусу к участникам. Однако их цели принципиально различаются: если участники заинтересованы в устойчивом развитии компании, то кредиторы фокусируются на максимизации возврата вложенных средств. Это создает гибридную модель взаимодействия, где полномочия органов управления должника и органов кредиторского сообщества пересекаются, а иногда и конкурируют. Как справедливо отмечает Галкин С.С., «весь институт несостоятельности должника-юридического лица построен на диалектическом сочетании двух видов контроля»[491], подразумевая корпоративный контроль и конкурсный (кредиторский) контроль.

На стадии наблюдения, как следует из п. 1 ст. 64 Закона о банкротстве, руководство должника сохраняет свои функции, но в ограниченном объёме. Например, текущие сделки могут заключаться директором самостоятельно, однако для некоторых из них, перечисленных в п. 2 ст. 64 Закона о банкротстве, требуется одобрение временного управляющего. Такое ограничение обусловлено

---

[490] Болтовский В.М. Конкурсный контроль как правовая категория института несостоятельности (банкротства) // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 84. Галкин С.С. Правовое положение должника-юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 14. Галкин С.С. Конкурсный контроль в контексте норм главы III.2 Закона о банкротстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 22. Тарасенко А.А. О действии принципа равенства при определении статуса правонарушителя в конкурсных отношениях // Право и бизнес. 2023. № 4. С. 38.

[491] Галкин С.С. Правовое положение должника - юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 216.

двойственным характером текущих обязательств: они могут как усугубить долговую нагрузку, так и способствовать пополнению конкурсной массы. Судебная практика, включая дело № А40-247167/2022, подтверждает, что арбитражные суды строго оценивают соответствие таких сделок интересам кредиторов. В указанном случае отсутствие согласия временного управляющего при заключении договора аренды привело к росту задолженности на 3,8 млн рублей, что было расценено судом кассационной инстанции как причинение вреда имущественным интересам кредиторов[492].

По мере перехода к процедурам финансового оздоровления и внешнего управления роль кредиторов трансформируется: из контролёров они превращаются в соавторов реабилитационных планов – плана финансового оздоровления (абз. 2 п. 1 ст. 84 Закона о банкротстве) и плана внешнего управления (п. 1 ст. 106 Закона о банкротстве). Тем не менее контрольные функции органов кредиторского сообщества сохраняются. Например, согласно ст. 105 Закона о банкротстве внешний управляющий не вправе увеличивать расходы, не предусмотренные утверждённым планом, без согласия собрания кредиторов (комитета кредиторов). Это подчёркивает двойственность позиции органов кредиторского сообщества: с одной стороны, они вовлечены в стратегическое планирование, с другой – продолжают выполнять контрольно-надзорную роль.

В процедуре конкурсного производства кредиторы окончательно переходят в статус управленцев, распорядителей имущества должника. Так, решение собрания кредиторов о прекращении хозяйственной деятельности юридического лица становится обязательным для конкурсного управляющего (п. 6 ст. 129 Закона о банкротстве). Однако подобный подход может приводить к преждевременной ликвидации активов, даже если бизнес обладает потенциалом восстановления. Это особенно критично в случаях, когда должник владеет уникальными технологиями или занимает стратегические рыночные позиции, требующие времени для монетизации.

---

[492] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2025 № Ф05-23401/2024 по делу № А40-247167/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

В рамках института банкротства наблюдается парадоксальная ситуация: стремление кредиторов к оперативному возврату вложенных средств нередко приводит к блокировке текущей деятельности должника и препятствует реализации стратегических решений, направленных на долгосрочное восстановление бизнеса как функционирующего предприятия. Корень проблемы кроется в недостатке правовых инструментов, способных гармонизировать интересы кредиторов и участников должника. Это создает правовую неопределенность в распределении полномочий между органами кредиторского сообщества и руководством предприятия, что в итоге снижает эффективность реабилитационных процедур.

Зарубежная практика предлагает альтернативный подход, основанный на сохранении прежнего менеджмента компании-должника. Как подчеркивает Шевченко И.М., удержание действующего руководства позволяет поддерживать деловые связи с поставщиками и контрагентами, предотвращая «внезапную смерть» бизнеса, которая нередко возникает при смене управления[493].

Например, в США глава 11 Кодекса о банкротстве закрепляет модель «должника во владении» (debtor in possession) [494], сохраняющего контроль над компанией на этапе реорганизации. Эта система стимулирует кредиторов к участию в оздоровлении бизнеса через механизмы DIP-финансирования и налоговые преференции, трансформируя их из пассивных взыскателей в активных партнеров. Аналогичные принципы заложены в германском институте Eigenverwaltung, где руководство компании сохраняет полномочия при условии тесного взаимодействия с кредиторами[495]. Подобные модели, как отмечает Шайдуллин А.И., доказали свою эффективность, что подтверждается их активным внедрением или рассмотрением во многих юрисдикциях[496].

---

[493] Шевченко И.М. Банкротный мораторий. Итоги // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 75.

[494] 11 U.S. Code Chapter 11 – REORGANIZATION [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11 (дата обращения: 06.04.2025).

[495] Кадникова О.В., Козлов А.В. Институты несостоятельности ФРГ и РФ: достоинства и недостатки // Бизнес и общество. 2019. № 2 (22). С. 4.

[496] Шайдуллин А.И. Особенности участия связанных с должником кредиторов в процедурах банкротства // Закон. 2020. № 9. С. 54.

Однако в российской практике реабилитационные механизмы развиты недостаточно[497]. По данным Митягина С.А., в отличие от США, где значительная часть дел о банкротстве проходит через реорганизацию, в России доминирует стратегия быстрой реализации активов, ведущая к утрате экономической ценности бизнеса[498]. Ключевыми препятствиями выступают отсутствие налоговых льгот для кредиторов, согласующих реструктуризацию, и слабая правовая дифференциация полномочий органов кредиторского сообщества и органов управления юридического лица на разных процедурах банкротства.

Для преодоления этих дисбалансов целесообразно адаптировать иностранный опыт. Во-первых, введение налоговых стимулов для кредиторов, поддерживающих восстановление должника, могло бы сместить их приоритеты с сиюминутного возврата средств на участие в долгосрочном оздоровлении должника-юридического лица. Во-вторых, необходимо законодательно закрепить четкое распределение полномочий: усиление контроля органов кредиторского сообщества на стадии наблюдения должно сочетаться с переходом к сотрудничеству с органами управления юридического лица в рамках реабилитационных процедур. Подобные изменения смогут не только защитить интересы сторон, но и сохранить бизнес как функционирующий экономический субъект, что соответствует целям современного антикризисного управления.

Сходство корпоративного и конкурсного контроля в части способности определять действия должника-юридического лица позволяет рассматривать кредиторов как субъектов, способных оказывать влияние на его поведение. Это создаёт правовую основу для решения вопроса об ответственности органов

---

[497] С 2021 года и по настоящее время находится на рассмотрении Государственной Думы РФ проект Федерального закона № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на совершенствование механизмов реабилитационных процедур [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7?ysclid=mbo05qqehs30990597 (дата обращения: 07.06.2025).

[498] Митягин С.А. Сравнительно-правовой анализ моделей законодательства о банкротстве (на примере США, Германии, Англии, Франции) / Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К. А. Абдуллаев, А. В. Абрамова, Э. А. Абызова [и др.]; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева; Государственный университет просвещения. М.: Юстицинформ, 2023. С. 447.

кредиторского сообщества за принимаемые ими решения в ходе процедуры банкротства.

На первый взгляд, активное участие кредиторов в управлении должником в конкурсном процессе создаёт предпосылки для применения к ним механизма субсидиарной ответственности. В научной доктрине распространена позиция, согласно которой кредиторы могут быть отнесены к категории «контролирующих лиц» должника[499]. Это связано с тем, что законодательное понятие «контролирующее лицо» охватывает не только формальный (юридический) контроль, но и фактическое влияние на принятие решений, а также те возможности, которые предоставляет конкурсный контроль в части распоряжения имуществом должника и определения его действий.

Правовое обоснование данной позиции содержится в ст. 61.10 Закона о банкротстве. Согласно п. 1 указанной статьи ключевым критерием признания лица контролирующим является наличие у него права давать обязательные для должника указания или возможности иным способом определять его действия, включая совершение сделок и определение их условий. Подп. 1 п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве развивает данные положения, устанавливая, что возможность определять действия должника может достигаться, в частности, в силу фактического контроля. При этом п. 5 той же статьи устанавливает открытый перечень оснований для признания лица контролирующим, предоставляя суду право учитывать иные обстоятельства, не указанные в законе прямо.

Часть исследователей также обосновывают допустимость субсидиарной ответственности кредиторов её деликтной природой, утверждая, что их действия (бездействие) могут причинять вред участникам конкурсного процесса. Однако эта точка зрения остаётся дискуссионной[500], поскольку субсидиарная ответственность

---

[499] Галкин С.С. Конкурсный контроль в контексте норм главы III.2 Закона о банкротстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 24.

[500] Карелина С.А. Субсидиарная ответственность в механизме защиты прав и законных интересов участников отношений несостоятельности: современные тренды // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 13.

в силу своего дополнительного характера возникает независимо от вины – исключительно в случаях, предусмотренных законом или договором[501].

На наш взгляд, позиция о допустимости привлечения органов кредиторского сообщества к субсидиарной ответственности представляется несостоятельной ввиду следующего.

Анализ гл. III.2 Закона о банкротстве, а также разъяснений п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»[502] свидетельствует о необходимости доказывания прямой причинно-следственной связи между действиями (бездействием) контролирующего лица и наступлением неплатежеспособности должника. Судебная практика придерживается аналогичного подхода. Например, в деле о банкротстве ОАО «Дирекция Единого заказчика Гагаринского района» Верховный Суд РФ указал, что для привлечения к субсидиарной ответственности необходимо установить, что именно действия контролирующего лица (в данном случае – образование налоговой задолженности) стали единственной причиной объективного банкротства, исключив влияние иных факторов[503]. Если такая связь не подтверждается, ответственность ограничивается возмещением убытков (п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»[504]).

В отечественной доктрине признается, что важным элементом для привлечения к субсидиарной ответственности является наличие признаков объективного банкротства на момент совершения контролирующим лицом

---

[501] Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 43.

[502] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

[503] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.08.2023 № 305-ЭС23-3934(1,2) по делу № А40-133029/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[504] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

соответствующих действий (бездействия). Так, например, Беломытцева О.С. отмечает, что наличие признаков неплатежеспособности на определенную дату является предметом доказывания в обособленных банкротных спорах о привлечении к субсидиарной ответственности контролировавших должника лиц[505]. Схожей позиции придерживается Ситдикова Л.Б., указывая, что отсутствие однозначных признаков объективного банкротства позволяет избежать субсидиарной ответственности[506].

Однако органы кредиторского сообщества начинают действовать уже после возбуждения дела о банкротстве, то есть в условиях уже наступившей неплатежеспособности. Их решения направлены не на создание кризиса, а на его преодоление, включая оптимизацию управления имуществом должника и удовлетворение требований кредиторов.

Следовательно, обязательный элемент в виде «объективного банкротства», необходимый для субсидиарной ответственности, отсутствует, так как кризисная ситуация уже существует. Применение к кредиторам субсидиарной ответственности в таких условиях противоречит её правовой природе, которая предполагает возложение дополнительных обязательств именно на тех, чьи действия (бездействие) стали первоисточником неплатежеспособности должника.

В этой связи более обоснованным представляется применение к органам кредиторского сообщества норм о корпоративной ответственности, закреплённых в ст. 53.1 ГК РФ. Основанием для этого служит схожесть функций, выполняемых органами кредиторского сообщества и органами управления должника-юридического лица: определение стратегии его деятельности, распоряжение имуществом, принятие решений о дальнейшей судьбе предприятия.

Допустимость обращения в данном случае к аналогии права подтверждается практикой Верховного Суда РФ, которая признает взаимное применение норм корпоративного права к отношениям банкротства и норм законодательства о

---

[505] Беломытцева О.С. Определение даты возникновения неплатежеспособности должника в делах о банкротстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 9. С. 67.

[506] Ситдикова Л.Б. Особенности и порядок привлечения к субсидиарной ответственности руководителя должника при банкротстве // Юрист. 2024. № 7. С. 5.

банкротстве к корпоративным отношениям. Как отмечает Микрюков В.А., «в п. 6 Постановления от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» Пленум дважды указал на необходимость применения аналогии, прямо сославшись на п. 1 ст. 6 ГК РФ», «суды указали, что при назначении ликвидатора и определении порядка ликвидации юридического лица надлежит (оптом) применять по аналогии совокупность соответствующих норм банкротного закона (п. 24 Постановления № 6/8)»[507].

Кроме этого, такой подход позволит избежать искусственного расширения оснований субсидиарной ответственности, используя уже существующие правовые механизмы защиты интересов участников конкурсного процесса.

Динамика корпоративного и конкурсного контроля проявляется не только в их пересечении в рамках процедур банкротства через баланс полномочий органов кредиторского сообщества и органов управления должника-юридического лица, но и в их способности трансформироваться друг в друга.

В этом контексте отдельного внимания заслуживают такие механизмы трансформации конкурсного и корпоративного контроля, как включение участников должника в реестр требований кредиторов и акционирование долга. В первом случае участники должника, формально исключённые из процесса управления на этапе банкротства, получают возможность влиять на него через включение в реестр кредиторов. Во втором – кредиторы, изначально осуществляющие конкурсный контроль через процедуры банкротства, приобретают статус участников, что переводит их в сферу корпоративного контроля.

Ключевая проблема включения участников должника в реестр кредиторов заключается в рисках конфликта интересов. Становясь кредиторами, участники получают возможность влиять на ход конкурсных процедур через участие в

[507] Микрюков В.А. Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений: дис. д-ра юрид. наук. М., 2025. С. 162, 169.

органах кредиторского сообщества. При этом их цели как собственников могут противоречить интересам независимых кредиторов.

Для минимизации таких рисков судебная практика активно применяет[508] механизм субординации требований, получивший широкое распространение после утверждения 29.01.2020 Президиумом Верховного Суда РФ Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц[509]. Как справедливо отмечает Родина Н.В., установив корпоративный характер требования, суд производит переквалификацию обязательства с использованием механизма субординации, а очередность удовлетворения требования определяется исходя из очередности удовлетворения требования переквалифицированного обязательства[510]. Кроме этого, носители субординированных требований лишаются ряда возможностей по сравнению с независимыми кредиторами, например, права голоса при выборе арбитражного управляющего (п. 12 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020). Таким образом, субординация служит фильтром, ограничивающим злоупотребления со стороны аффилированных по отношению к должнику лиц.

Однако если в отношении включения в реестр суды выработали определённые подходы, то регулирование акционирования долга остаётся правовой лакуной. Под акционированием долга принято считать обмен требований кредиторов на акции или доли в уставном капитале должника-юридического

---

[508] Ряполова О.А. Механизм субординации требований кредиторов в делах о банкротстве с позиции принципа добросовестности // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 78.

[509] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

[510] Родина Н.В. Субординация требований кредиторов как механизм обеспечения прав кредиторов в сфере несостоятельности и банкротства // Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / А.З. Бобылева, Д.Е. Горев, Ю.А. Зайцева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. С. 52.

лица[511]. В отечественной доктрине также представлены исследования экономико-правовой природы акционирования долга. Например, Глушецкий А.А. квалифицирует конвертацию долга в акции (доли) в уставном капитале непубличного хозяйственного общества в качестве квазиинвестиционного способа формирования уставного капитала. Он разграничивает инвестиционные и квазиинвестиционные способы следующим образом: если инвестиционные способы размещения акций и долей направлены на прирост активов, то квазиинвестиционные не создают их оттока и выражаются в прекращении обязательств. При этом им подчеркивается, что «при трансформации денежных обязательств в увеличение уставного капитала кредитор приобретает статус участника хозяйственного общества. Дебиторская задолженность трансформируется в финансовые вложения»[512]. Данный подход подтверждает преобразовательный характер модели, меняющей природу обязательственных отношений на корпоративные.

С учетом изложенного, акционирование долга представляет собой конвертацию долговых обязательств в акции или доли уставного капитала, в связи с чем оно приобретает особое значение как юридический механизм, обеспечивающий трансформацию статуса кредиторов в участников (акционеров) должника-юридического лица. Результатом его применения является прекращение существования самого кредиторского сообщества как такового: кредиторы становятся участниками (акционерами) юридического лица. Функции органов кредиторского сообщества (собрания и комитета кредиторов) упраздняются, а управление должником полностью переходит к органам корпоративного управления (общему собранию участников/акционеров, совету директоров, исполнительным органам), сформированным из числа новых участников – бывших

[511] Галкин С.С. Правовое положение должника - юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 216; Телюкина М.В. Некоторые проблемы конкурсной трансформации регламентации дополнительной эмиссии акций должника // Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития: монография / под ред. Д.В. Ломакина. М.: Статут, 2021. С. 405.

[512] Глушецкий А.А. Уставный капитал акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права. М.: Статут, 2023. С. 94.

кредиторов. Это свидетельствует о том, что органы кредиторского сообщества фактически превращаются в органы управления юридического лица.

В связи с указанным происходит полная смена правового режима деятельности указанных органов по управлению должником-юридическим лицом: от норм Закона о банкротстве, регулирующих конкурсный (кредиторский) контроль, к нормам корпоративного права.

Это также влечет смену целеполагания: бывшие кредиторы, став участниками, становятся заинтересованными не в сиюминутном возврате долга, а в долгосрочном восстановлении и развитии деятельности должника-юридического лица как источника будущей прибыли.

Из этого можно заключить, что происходит не просто интеграция кредиторов в управление, а фундаментальное преобразование всей системы управления должником-юридическим лицом: конкурсный (кредиторский) контроль, основанный на обязательственных требованиях, замещается корпоративным контролем, основанным на правах участия.

На примере акционирования долга можно убедиться, как преобразовательно-корпоративная модель кардинально меняет правовую природу кредиторского сообщества и его органов, представляя собой не эволюцию, а революцию в системе управления должником, знаменующую переход от процедуры банкротства к нормальному корпоративному управлению реструктурированным юридическим лицом через кардинальное изменение состава его участников.

Однако, при этом, нельзя не обозначить определенные вопросы, которые возникают при применении механизма акционирования долга. Для этого представляется целесообразным обратиться к судебной практике, которая подсвечивает проблемы его правового регулирования. Например, в деле о банкротстве ЗАО «ГАРУС» собранием кредиторов было принято решение о заключении мирового соглашения, содержащего условие об акционировании долга кредитора путем конвертации в акции должника путем дополнительного выпуска акций в размере 79 746250 штук до 31.12.2025. Однако суды первой и апелляционной инстанций отказали в его утверждении ввиду отсутствия у

должника возможности осуществления хозяйственной деятельности[513]. В рамках дела № А27-18938/2012 о несостоятельности (банкротстве) ОАО «Беловский цинковый завод» собранием кредиторов было принято решение одобрить конвертацию долговых обязательств кредиторов в уставный капитал должника. Однако апелляция поддержала позицию суда первой инстанции о недопустимости обмена требований на доли в уставном капитале с участием уполномоченного органа, который по закону не вправе участвовать в каких-либо коммерческих организациях[514].

Эти примеры иллюстрируют системные пробелы. Во-первых, акционирование долга, предусмотренное ст. 114 Закона о банкротстве, разрешено только в рамках внешнего управления. В то время как хозяйственная деятельность может продолжаться и в других процедурах банкротства, в том числе в конкурсном производстве (как следует из положений п. 6 ст. 129 Закона о банкротстве). Более того, даже из конкурсного производства возможен переход к реабилитационной процедуре внешнего управления (ст. 146 Закона о банкротстве).

Во-вторых, действующее законодательство, регламентируя процедуру акционирования долга (сроки, оплату, государственную регистрацию размещения акций), оставляет без прямого ответа вопрос о необходимости независимой оценки требований кредиторов, конвертируемых в акции или доли в уставном капитале. Лишь логика законодателя позволяет предположить обязательность такой оценки. Так, поскольку требования к юридическому лицу, передаваемые в уставный капитал, по своей природе представляют собой неденежный вклад, к данной операции применимы общие правила ст. 66.2 ГК РФ. Согласно абз. 2 п. 2 указанной статьи, любой неденежный вклад в уставный капитал хозяйственного общества подлежит независимой оценке, что исключает произвольное завышение стоимости таких требований и защищает интересы участников общества. Примечательно, что, например, в Германии конвертация долга в капитал (Debt-to-equity swap) при

[513] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2023 № 09АП-71369/2023 по делу № А40-334104/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
[514] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2018 № 07АП-8065/2013 по делу № А27-18938/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

увеличении уставного капитала общества с ограниченной ответственностью требует обязательной оценки рыночной стоимости требований, так как законодатель ФРГ (§ 5 Abs. 4 GmbHG) приравнивает такую операцию к внесению неденежного вклада[515].

В-третьих, отсутствуют законодательно установленные гарантии для кредиторов, не желающих участвовать в акционировании долга или в силу закона, не имеющих такой возможности (например, как в указанном выше деле, уполномоченный орган). В контексте изучения механизма акционирования в процедурах банкротства Машонская И.А. справедливо указывает, что «не все категории кредиторов вправе быть участниками коммерческих организаций», аргументируя это, в частности, существовавшим ранее запретом для юридического лица, состоящего из одного лица, выступать единственным участником (акционером) другого хозяйственного общества[516]. Вместе с тем, в данной связи необходимо подчеркнуть, что Законом № 201-ФЗ от 07.07.2025[517] указанный правовой барьер снят: в настоящее время хозяйственное общество, имеющее одного участника (акционера), вправе быть единственным участником (акционером) другого хозяйственного общества.

В целях преодоления выявленных системных пробелов, а именно ограничения применения акционирования долга процедурой внешнего управления, отсутствия законодательного закрепления требования об оценке требований кредиторов и неурегулированности гарантий для кредиторов, не участвующих в акционировании долга, а также для обеспечения эффективной реализации преобразовательно-корпоративной модели посредством механизма акционирования долга предлагается внести в законодательство следующие изменения:

---

[515] Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG). § 5 Stammkapital; Geschäftsanteil [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gmbhg/__5.html (дата обращения: 06.04.2025).

[516] Машонская И.А. Несостоятельные должники-юридические лица как субъекты гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 130.

[517] Федеральный закон от 07.07.2025 № 201-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10 и 47 Федерального закона «Об акционерных обществах», статью 7 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 28. Ст. 3841.

1. Расширить применение акционирования на все процедуры банкротства, где продолжается хозяйственная деятельность должника и есть реальная возможность восстановления платежеспособности. Ограничение акционирования лишь стадией внешнего управления искусственно сужает реабилитационный инструментарий, тогда как потребность в кардинальной реструктуризации через смену собственника может возникнуть в любой процедуре.

2. Ввести обязательную независимую оценку активов должника для обеспечения справедливой конвертации. Это критически важно для определения справедливой пропорции обмена (сколько акций/долей получает каждый кредитор за свой рубль долга) и формирования справедливой структуры собственности после преобразования. Оценка предотвращает произвольное завышение стоимости требований, поэтому это не техническая процедура, а фундаментальная гарантия против скрытого перераспределения стоимости в пользу отдельных кредиторов.

3. Закрепить право на денежное погашение требований для кредиторов, отказавшихся от участия в акционировании или в силу закона не имеющих такой возможности;

4. Установить единогласное одобрение акционирования всеми кредиторами, чьи требования подлежат конвертации, за исключением тех, кто выбрал денежное удовлетворение. Это обусловлено тем, что решение об акционировании долга влечет за собой радикальную трансформацию правового статуса кредитора – прекращение статуса кредитора и приобретение статуса участника (акционера) должника-юридического лица. Такое фундаментальное изменение правового положения кредитора затрагивает существо его имущественного права, поэтому требует его индивидуального согласия.

Предлагаемое расширение сферы применения акционирования долга на все процедуры банкротства, где возможно восстановление платежеспособности должника, продиктовано уникальным реабилитационным потенциалом механизма акционирования долга:

во-первых, его востребованность подтверждается успешным применением в зарубежных юрисдикциях. Так, например, китайское правительство в 2016 году

предложило программу единовременного обмена долга на капитал (Debt-to-equity swap) для помощи компаниям в финансовых затруднениях и снижения коэффициента их задолженности[518]. Данный механизм также приносит полезный эффект и государству, поскольку оно не лишается налогоплательщика в лице должника-юридического лица и получает выгоду от стоимости налоговых поступлений («a DES program appears to benefit the government, as it enjoys a positive benefit from a value of the tax revenue»[519]).

во-вторых, акционирование долга направлено на повышение роли кредиторов в реструктуризации компаний. Как отмечают в своей работе Вэй Чуи и Чэнь Юнвэй, правительство Китая призывало банки играть более значимую роль в реструктуризации компаний вне рамок формального закона о банкротстве. В частности, оно стимулировало банки к проведению операций по обмену долга на акции для реструктуризации жизнеспособных компаний («it encourages banks to carry out debt-for-equity swap in order to restructure viable companies»[520]). Преобразование кредиторов в собственников также кардинально меняет их подход к финансированию: из скептически настроенных взыскателей они превращаются в заинтересованных инвесторов, готовых вкладывать дополнительные средства в «свой» бизнес для его скорейшего оздоровления, что многократно повышает шансы на успех реструктуризации. Это подчеркивает важность активного участия кредиторов в процессе восстановления платёжеспособности должника.

в-третьих, полная трансформация кредиторов в участников является наиболее последовательным способом разрешения фундаментального конфликта интересов в банкротстве: бывшие кредиторы, став полноправными владельцами, приобретают прямой экономический интерес в долгосрочном оздоровлении бизнеса, а не в его быстрой ликвидации. Это максимально соответствует цели

---

[518] China Lays Out Guidelines on Debt-for-Equity Swaps Between Banks, Companies [Электронный ресурс] // URL: https://www.wsj.com/articles/china-lays-out-guidelines-on-debt-for-equity-swaps-between-banks-companies-1476091716 (дата обращения: 07.08.2025).

[519] Yang Ei and Zheng Shaoxuan. Debt-Equity Swap, Subsidy and Optimal Government Policy [Электронный ресурс] // URL: https://ssrn.com/abstract=3538702 (дата обращения: 07.08.2025).

[520] Wei Chuyi and Chen Yongwei. The Predicament of Bank Creditors in Chinese Bankruptcy and the Way Out [Электронный ресурс] // URL: https://ssrn.com/abstract=2952350 (дата обращения: 07.08.2025).

сохранения предприятия как действующего (going concern value), заложенной в современные концепции антикризисного управления. В этом контексте в своем исследовании Яковенко Ю.Б. резюмирует: «Акционирование долга выгодно как кредитору, получающему доли участия, так и остальным кредиторам… Выгодно это и должнику, т.к. позволит восстановить платежеспособность»[521]. Телюкина М.В., анализируя экономико-правовую сущность акционирования долга, также отмечает его мультипликативный положительный эффект для всех участников процедуры банкротства[522].

Таким образом, механизм акционирования долга создает синергетический эффект, выгодный всем участникам отношений несостоятельности. Кредитор вместо длительной и затратной процедуры банкротства с неопределенным результатом приобретает актив (долю в уставном капитале / акцию) и непосредственный доступ к управлению юридическим лицом. Должник получает возможность сохранить бизнес как действующий, восстановить платежеспособность и привлечь заинтересованных инвесторов, в том числе в лице бывших кредиторов. Государство не теряет налогоплательщика и поддерживает стабильность экономической среды, сохраняя рабочие места и минимизируя негативные социально-экономические последствия.

Как следствие, происходит стратегическая трансформация: кредитор обменивает управление должником в процедуре банкротства, сопряженное с расходами на участие в деле и высокими рисками неудовлетворения требований, на корпоративный контроль, осуществляемый в интересах повышения стоимости предприятия должника как единого актива. В результате такой трансформации отношения из плоскости взыскания долгов переводятся в плоскость совместного ведения бизнеса бывшими кредиторами. Это соответствует глобальному тренду на

[521] Яковенко Ю.Б. Внешнее управление как восстановительная процедура банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 141.
[522] Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М: Волтерс Клувер, 2004. С. 332.

смещение фокуса с ликвидационной парадигмы в банкротстве в сторону реабилитационной[523].

Таким образом, анализ преобразовательно-корпоративной модели осуществления полномочий органов кредиторского сообщества демонстрирует её уникальный и радикальный характер: в конкурсном процессе, начиная с процедуры наблюдения и завершая конкурсным производством, данные органы последовательно замещают собой органы управления должника-юридического лица. При этом в определенных случаях, таких как, например, акционирование долга, происходит не просто интеграция кредиторов в управление должником-юридическим лицом, а полное упразднение кредиторского сообщества и его органов и их трансформация в органы корпоративного управления, состав которых, при этом, формируется из числа бывших кредиторов. Тем самым происходит не просто изменение состава участников должника-юридического лица, а вытекающее из этого полное преобразование системы его управления.

Помимо изложенного, следует также резюмировать, что ключевым вызовом при реализации данной модели остается вопрос ответственности органов кредиторского сообщества. Хотя влияние на решения должника формально приближает их к статусу «контролирующих лиц», применение субсидиарной ответственности к его членам – кредиторам противоречит её природе, так как их действия направлены на преодоление кризиса, а не его создание. Более обоснованным видится использование механизмов корпоративной ответственности (ст. 53.1 ГК РФ), учитывающих функциональное сходство кредиторов и участников в управлении должником-юридическим лицом.

---

[523] Курс на полную реабилитацию: анализ правовых тенденций в общемировом масштабе [Электронный ресурс] // URL: https://probankrotstvo.ru/articles/kurs-na-polnuiu-reabilitaciiu-analiz-pravovyx-tendencii-v-obshhemirovom-masstabe-2617?ysclid=meippsmn5e927464050 (дата обращения: 07.08.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного научного исследования поставленные нами в работе цель и задачи выполнены. В этой связи сформулирован следующий комплекс основополагающих выводов.

В российской правовой системе кредиторское сообщество, несмотря на отсутствие формального признания его в качестве субъекта правоотношений, объективно обладает признаками правосубъектного образования. Оно характеризуется организационным единством, реализуемым через систему органов (собрание и комитет кредиторов); способностью к формированию и выражению единой воли по ключевым вопросам процедуры; функциональной имущественной обособленностью конкурсной массы, находящейся под контролем сообщества и служащей инструментом достижения императивно установленной законом его цели – максимального удовлетворения требований кредиторов; внешней индивидуализацией в конкурсном процессе и наделенностью комплексом прав, реализуемых от его имени как целого. Наличие указанной совокупности признаков является достаточным основанием для признания за кредиторским сообществом правосубъектности в рамках правоотношений несостоятельности (банкротства).

Природа правосубъектности кредиторского сообщества является уникальной (sui generis), что исключает ее редукцию к следующим правовым конструкциям:

1) гражданско-правовому сообществу по смыслу ст. 181.1 ГК РФ, которое закон и высшая судебная инстанция отождествляют исключительно с собранием кредиторов как органом принятия решений и которое не охватывает всей полноты феномена кредиторского сообщества, включающего всех кредиторов-лиц, участвующих в деле о банкротстве;

2) юридическому лицу, от которого кредиторское сообщество отличается, прежде всего, назначением имущественной обособленности: для юридического лица обособленное имущество служит базой его самостоятельной имущественной ответственности, тогда как для кредиторского сообщества конкурсная масса предназначена для достижения установленной законом цели погашения требований кредиторов;

3) простому товариществу, от которого кредиторское сообщество отличается императивным генезисом (ex lege), строго заданной законом целью, отсутствием договорной основы.

Признание за кредиторским сообществом как объединением кредиторов статуса правосубъектного образования в рамках конкурсного процесса выступает фактором правовой оптимизации. Во-первых, это создаст правовые основания для регулирования внутренних взаимосвязей между кредиторами как элементами единого сообщества, без надлежащей регламентации которых их бесконфликтное функционирование представляется невозможным. Во-вторых, признание правосубъектности кредиторского сообщества является необходимым условием для эффективного правового регулирования участия кредиторов в процедуре банкротства, включая устранение ситуаций дублирования тождественных требований, заявляемых отдельными кредиторами.

По результатам анализа правовой природы собрания кредиторов и комитета кредиторов на уровне трех равнозначимых аспектов: волевого, организационно-структурного и функционального, руководствуясь принципом методологического экономизма Бритвы Оккама, обоснован вывод о том, что собрание кредиторов и комитет кредиторов представляют собой организационно оформленные структурные элементы кредиторского сообщества.

На основе проведенного анализа установлено, что форма участия органов кредиторского сообщества в управлении должником-юридическим лицом представляет собой комплексное явление: внутренняя форма охватывает порядок организации и осуществления их деятельности (процедурная форма), а внешняя форма находит выражение в юридически значимых решениях, оказывающих непосредственное воздействие на процедуру банкротства (материальная форма).

Детально исследована процедурная форма участия органа кредиторского сообщества: порядок созыва, уведомления о проведении собрания и принятия им решений. Установлено, что порядок принятия решений собранием кредиторов базируется на двух фундаментальных принципах голосования – принципе пропорциональности и принципе большинства. Однако ни действующее

законодательство, ни сложившаяся правоприменительная практика в настоящее время не содержат четких критериев идентификации мажоризации – ситуации, при которой большинством голосов принимается решение собрания кредиторов, явно противоречащее единой цели кредиторского сообщества. Автором определены сущность, критерии и субъекты мажоризации, а также способы противодействия мажоризации в делах о несостоятельности (банкротстве).

В отечественной правовой доктрине представлен спектр воззрений на правовую природу решений органов кредиторского сообщества. Их анализ позволяет констатировать существование трех основных теорий: сделочной, нормативной и специально-юридической. Обоснована позиция, согласно которой решение органа кредиторского сообщества представляет собой самостоятельный юридический факт, существенно отличающийся как от сделки, так и от нормативного акта, а также от решения органа управления юридического лица.

Установлено, что через порядок принятия решений органы кредиторского сообщества также утверждают иные акты: план внешнего управления, положение о порядке продажи имущества должника и другие. Применительно ко всем подобным актам предлагается использовать унифицированный термин «кредиторский акт». Его внедрение создает предпосылки для стандартизации процедуры их принятия и обжалования, что будет способствовать формированию более предсказуемой и стабильной правовой среды для всех участников конкурсного процесса.

Кредиторский акт и решение органа кредиторского сообщества обладают принципиальными различиями в своей функциональной направленности и порождаемых юридических последствиях, что исключает возможность их отождествления. Решение представляет собой формализованный акт волеизъявления, посредством которого кредиторы реализуют свое право на управление процедурой банкротства. Его сущность заключается в фиксации результата голосования по конкретному вопросу повестки дня, а юридическая сила возникает в момент принятия при условии соблюдения установленной процедуры и не требует дополнительных условий для действия. В отличие от него,

кредиторский акт – это акт, содержащий комплекс норм, правил и механизмов, регулирующих отношения в рамках процедуры банкротства. Его принятие, будучи опосредовано соответствующим решением, направлено не столько на фиксацию воли кредиторов, сколько на создание правового режима для практической реализации этой воли. Решение выступает юридическим основанием (юридическим фактом) для возникновения кредиторского акта, но не подменяет его по содержанию и функциям. Это два взаимосвязанных, но самостоятельных акта кредиторского сообщества.

Анализ норм законодательства о банкротстве позволяет классифицировать решения органа кредиторского сообщества на два основных вида: 1) решения, непосредственно влекущие материально-правовые последствия; 2) решения, процедурно оформляющие принятие кредиторского акта. Данная классификация объясняет необходимую вариативность средств судебной защиты в случае дефектности решения органа кредиторского сообщества об утверждении кредиторского акта, а именно: 1) при наличии нарушений, допущенных в ходе подготовки и проведения собрания (процедурные основания оспаривания), предметом судебного разбирательства становится само решение; 2) при наличии в кредиторском акте положений, противоречащих закону и нарушающих чьи-либо права или охраняемые законом интересы (материально-правовые основания оспаривания), предметом судебного исследования становится кредиторский акт в целом или в части.

Категория «способ участия органов кредиторского сообщества» определяется как способ реализации субъективного права кредиторского сообщества на управление должником-юридическим лицом, его деятельностью, имуществом и ходом процедуры банкротства. Сущность способа раскрывается через синтез предоставленных органам полномочий и условий их правомерной реализации, формируемых законодательством, особенностями конкретной процедуры банкротства, а также поведением иных участников конкурсного процесса. Следовательно, способ участия органов кредиторского сообщества – это не статичный набор их полномочий, а динамический процесс, в рамках которого

юридически значимые последствия возникают как в результате собственных действий органов, так и в результате действий других субъектов конкурсного процесса. Доктринальная и практическая значимость выделения категории «способ участия органа кредиторского сообщества» раскрывается через ее функциональные характеристики: 1) императивная функция – определение обязательных к совершению действий органов в случаях, прямо предусмотренных законом; 2) делимитационная функция – установление границ допустимого поведения органов в рамках процедур банкротства; 3) санкционирующая функция – определение негативных правовых последствий при выходе за пределы установленных границ допустимого поведения.

Компетенция органа кредиторского сообщества исследуется в двух взаимодополняющих аспектах: 1) для целей определения потенциального объема полномочий органа, не исчерпывающегося буквальным текстом закона, под компетенцией предлагается понимать установленные законом задачи и функции органа кредиторского сообщества (экспансивное понимание компетенции). Данные общие ориентиры позволяют выявить круг прямо не оговоренных законом, но логически вытекающих из его функций полномочий; 2) для целей установления случаев выхода органа кредиторского сообщества за пределы предоставленных ему полномочий под компетенцией предлагается понимать строго ограниченный круг конкретно оговоренных законом полномочий (суженное понимание компетенции). Разграничение указанных подходов к определению компетенции имеет критически важное значение для правоприменительной практики и обеспечения правовой определенности. Экспансивное понимание компетенции, ориентированное на задачи и функции органа, обеспечивает гибкость при осуществлении коллективного кредиторского управления в процедуре банкротства. Суженное понимание компетенции, основанное на строгом буквальном толковании закона, гарантирует большую предсказуемость и минимизацию рисков превышения полномочий органом кредиторского сообщества.

Дифференцированы модели осуществления полномочий органами кредиторского сообщества: линейно-автономная и преобразовательно-корпоративная. Линейно-автономная модель базируется на законодательно закреплённой автономии воли кредиторов в регулировании процедур банкротства: их праве возражать против необоснованных требований, оспаривать подозрительные сделки, инициировать привлечение к ответственности контролирующих должника лиц, определять и отстранять арбитражного управляющего и т.д. Ключевой аспект данной модели – право кредиторов не только принимать, но и отменять ранее принятые решения без необходимости получения санкции суда или арбитражного управляющего. Однако отсутствие прямого законодательного регулирования данного вопроса порождает ситуацию, когда по одному и тому же вопросу существуют противоречащие друг другу решения собрания кредиторов (так называемые «параллельные решения»), что создает коллизию волеизъявлений кредиторского сообщества. Применение принципа «lex posterior derogat priori» (последующий закон отменяет предыдущий) в процедурах банкротства при оценке действительности нового решения собрания кредиторов требует дифференцированного подхода, учитывающего состав кредиторского сообщества: 1) автоматическая отмена предыдущего решения допустима, если новое решение принято при неизменном составе кредиторов, что отражает актуальность их коллективной воли. Это обосновано стабильностью состава кредиторского сообщества; 2) если же решение изменено вследствие смены состава кредиторского сообщества (например, после включения в реестр новых кредиторов), автоматическая отмена предыдущего решения недопустима. Такое новое решение требует обязательной судебной проверки на предмет его соответствия общим интересам кредиторов.

Кредиторские злоупотребления дифференцированы на две принципиально различные группы исходя из их направленности на единую цель кредиторского сообщества. Первая группа охватывает злоупотребления, не затрагивающие непосредственно цель формирования конкурсной массы и погашения задолженности (например, предъявление кредитором в реестр фиктивного

требования). Вторая группа включает злоупотребления, непосредственно нарушающие общий интерес кредиторов (канонический пример – уклонение от заключения мирового соглашения, выгодного для большинства кредиторов).

Также обозначен перечень конкретных кредиторских злоупотреблений, перспективных для углубленного научного анализа, и ряд цифровых решений для противодействия им. При этом настоящее исследование не ставит своей целью разработку конкретных технологий или программных продуктов. Данное направление представляет собой плодотворную почву для дальнейших междисциплинарных изысканий на стыке экономической теории и прикладного программирования.

Определен стандарт поведения кредитора в деле о банкротстве как ожидаемая от него модель поведения, определяемая сопоставлением его действий с гипотетическими действиями разумного и добросовестного кредитора в аналогичных обстоятельствах. Представленный анализ видов кредиторских злоупотреблений констатирует необходимость разработки двухуровневого стандарта поведения кредитора, интегрирующего индивидуальные и коллективные аспекты его участия в конкурсном процессе. На индивидуальном уровне ключевым элементом должна стать обязанность кредитора действовать добросовестно, на коллективном уровне частные интересы отдельных кредиторов должны быть подчинены единой цели кредиторского сообщества.

В конкурсном процессе кредиторы, формально оставаясь внешними субъектами, фактически интегрируются в систему управления должником-юридическим лицом, приближаясь по своему статусу к его участникам. Однако их целевые установки принципиально различаются: если участники заинтересованы в долгосрочном устойчивом развитии юридического лица, то кредиторы фокусируются на максимизации возврата вложенных средств. Это формирует гибридную, преобразовательно-корпоративную, модель осуществления полномочий органами кредиторского сообщества, при которой полномочия органов управления должника и кредиторского сообщества пересекаются, а в ряде случаев вступают в конкуренцию.

С учетом указанной специфики представляется обоснованным применение к органам кредиторского сообщества по аналогии норм о корпоративной ответственности, закреплённых в ст. 53.1 ГК РФ. Основанием для такого подхода служит функциональная схожесть деятельности органов кредиторского сообщества и органов управления должника-юридического лица: определение стратегии деятельности, распоряжение имуществом, принятие судьбоносных решений о дальнейшем существовании предприятия. Позиция о возможности привлечения органов кредиторского сообщества к субсидиарной ответственности представляется несостоятельной по следующим причинам: 1) органы кредиторского сообщества начинают действовать уже после возбуждения дела о банкротстве, то есть в условиях наступившей неплатежеспособности; 2) их решения направлены не на создание кризиса, а на его преодоление, включая оптимизацию управления имуществом должника и удовлетворение требований кредиторов.

Динамика корпоративного и конкурсного контроля проявляется не только в их пересечении в рамках процедур банкротства через баланс полномочий органов кредиторского сообщества и органов управления должника, но и в их способности к взаимной трансформации. Ключевая проблема заключается в отсутствии четких правовых рамок, регулирующих переход от одного вида контроля к другому. Наиболее репрезентативным примером такой трансформации выступает механизм акционирования долга (конвертации требований кредиторов в акции/доли должника-юридического лица). По результатам анализа сформулированы следующие предложения: во-первых, расширить возможность применения акционирования на все процедуры банкротства; во-вторых, ввести обязательную независимую оценку активов должника для обеспечения справедливой конвертации; в-третьих, закрепить право на денежное погашение требований для кредиторов, отказавшихся от участия в акционировании или не имеющих такой возможности в силу закона; в-четвертых, установить требование единогласного одобрения акционирования всеми кредиторами, чьи требования подлежат конвертации, за исключением тех, кто выбрал денежное удовлетворение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru.
2. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95 ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Федеральный закон от 07.07.2025 № 201-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10 и 47 Федерального закона «Об акционерных обществах», статью 7 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 28. Ст. 3841.
9. Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СЗ РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4955.
10. Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 23 (часть I). Ст. 3045.
11. Федеральный закон от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3627.
12. Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.
13. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

14. Федеральный закон от 08.07.1999 № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3477.
15. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ.1998. № 7. Ст. 785.
16. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
17. Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.
18. Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» // Российская газета. 1997. № 136.
19. Закон г. Москвы от 20.12.2006 № 65 «О Правительстве Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. 2007. № 2. Ст. 385.
20. Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.
21. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.
22. Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 608 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3526.
23. Постановление Правительства РФ от 06.02.2004 № 56 «Об Общих правилах подготовки, организации и проведения арбитражным управляющим собраний кредиторов и заседаний комитетов кредиторов» // СЗ РФ. 2004. № 7. Ст. 526.
24. Приказ Минпромэнерго РФ № 57, Минэкономразвития РФ № 134 от 25.04.2007 «Об утверждении Методических рекомендаций по составлению плана (программы) финансового оздоровления» // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2007. № 9. (ч. II) (Рекомендации).

Судебная практика:

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 335.
26. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120

Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3161.

27. Определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1938-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухова Константина Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 156 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.
29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.
30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
31. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
32. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.
33. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 12.
34. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.
35. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

36. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3.
37. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017), утв. Президиумом ВС РФ 16.02.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
38. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 9.
39. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 1.
40. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 3.
41. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.07.2000 № 56 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 9.
42. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2016 № 301-АД16-7398 по делу № А31-9708/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
43. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.06.2025 № 307-ЭС22-25636 (6) по делу № А66-10018/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
44. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.04.2025 № 305-ЭС24-22635 по делу № А41-33349/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
45. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2025 № 308-ЭС22-27464(11,13,14) по делу № А63-6153/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
46. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2024 № 304-ЭС21-14743(8,10) по делу № А67-7786/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
47. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.09.2024 № 305-ЭС24-8465 по делу № А40-114902/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

48. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
49. Определение Верховного Суда РФ от 22.02.2024 № 301-ЭС23-29035 по делу № А43-27133/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
50. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 308-ЭС20-3526(9,10,12-14) по делу № А32-26161/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
51. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.08.2023 № 305-ЭС23-3934(1,2) по делу № А40-133029/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
52. Определение Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 307-ЭС23-9021(2) по делу № А56-60344/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
53. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
54. Определение Верховного Суда РФ от 27.01.2023 № 307-ЭС22-27042 по делу № А26-2428/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
55. Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2023 № 307-ЭС19-8097(4) по делу № А13-8408/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
56. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2022 № 305-ЭС22-3458(2) по делу № А40-321381/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
57. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.09.2021 № 301-ЭС20-18311(2) по делу № А43-41965/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
58. Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2021 № 305-ЭС16-20779(63) по делу № А40-154909/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
59. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2020 № 305-ЭС19-17553 по делу № А40-64173/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
60. Определение Верховного Суда РФ от 20.05.2019 № 305-ЭС16-20779(39, 41, 44) по делу № А40-154909/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
61. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.11.2018 № 305-ЭС18-11840 по делу № А40-70992/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

62. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.04.2018 № 305-ЭС17-17321 по делу № А40-48876/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
63. Определение Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 303-ЭС17-19721 по делу № А59-4201/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
64. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
65. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.01.2017 № 305-ЭС16-15945 по делу № А41-108121/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
66. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.04.2015 № 305-ЭС14-3945 по делу № А41-5150/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
67. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.06.2016 № Ф01-1987/2016 по делу № А43-6772/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
68. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.04.2018 № Ф02-937/2018 по делу № А33-24500/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
69. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.12.2023 № Ф04-344/2023 по делу № А45-35287/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
70. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.10.2023 № Ф04-1640/2021 по делу № А75-7662/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
71. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2025 № Ф05-23401/2024 по делу № А40-247167/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
72. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.04.2024 № Ф05-18660/2020 по делу № А41-14035/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
73. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.04.2024 № Ф05-31421/2023 по делу № А40-226326/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
74. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.02.2024 № Ф05-1606/2024 по делу № А40-278566/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
75. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.10.2023 № Ф05-21022/2023 по делу № А40-264080/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
76. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.10.2023 по делу № А40-40485/18 // СПС «КонсультантПлюс».
77. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.09.2023 № Ф05-18602/2023 по делу № А41-85374/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
78. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.07.2023 № Ф05-989/2023 по делу № А41-62484/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

79. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.04.2023 № Ф05-1890/2021 по делу № А40-18792/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
80. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.12.2022 № Ф05-22650/2019 по делу № А40-28521/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
81. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.08.2022 № Ф05-15168/2017 по делу № А40-45263/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
82. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.03.2022 № Ф05-5596/2019 по делу № А40-235260/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
83. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.2022 № Ф05-32839/2021 по делу № А40-145656/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
84. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.03.2023 № Ф06-7184/2021 по делу № А57-2747/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
85. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.09.2021 по делу № А65-23193/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
86. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.04.2025 № Ф07-672/2025 по делу № А56-71587/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
87. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.08.2023 № Ф07-9480/2023 по делу № А56-25723/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
88. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.04.2021 № Ф07-1917/2021 по делу № А56-13301/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
89. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.12.2020 № Ф07-12883/2020 по делу № А42-2606/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
90. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.12.2019 № Ф07-14659/2019 по делу № А56-24081/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
91. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.08.2019 № Ф07-10593/2019 по делу № А56-7230/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
92. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.04.2017 № Ф07-3037/2017 по делу № А56-12205/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
93. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.04.2022 по делу № А20-4972/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
94. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.11.2024 № Ф09-2062/19 по делу № А60-51084/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
95. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.03.2024 № Ф09-1353/24 по делу № А50-25902/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
96. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.02.2024 № Ф09-4304/21 по делу № А50-26942/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
97. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.03.2023 № Ф09-10194/22 по делу № А71-6361/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

98. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.08.2022 № Ф09-4791/22 по делу № А07-31976/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
99. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.07.2022 № Ф09-4770/22 по делу № А71-8800/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
100. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.06.2020 № Ф09-1712/20 по делу № А76-24772/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
101. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.02.2020 № Ф09-2062/19 по делу № А60-51084/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
102. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.07.2019 № Ф09-4026/19 по делу № А76-32823/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
103. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.10.2017 № Ф09-7347/15 по делу № А34-816/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
104. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 07.03.2023 № 08АП-1835/2023 по делу № А46-324/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
105. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 14.04.2022 № 02АП-2546/2022 по делу № А28-16673/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
106. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.11.2010 № 18АП-10347/2010 по делу № А76-1546/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
107. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.01.2016 № 20АП-8001/2015 по делу № А23-5968/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
108. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.09.2024 № 09АП-38504/2024 по делу № А40-58902/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
109. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2024 № 09АП-89587/2023 по делу № А40-117687/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
110. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2023 № 09АП-51081/2023 по делу № А40-218738/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
111. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2023 № 09АП-71369/2023 по делу № А40-334104/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
112. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.11.2023 № 09АП-73933/2023 по делу № А40-197074/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
113. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2023 № 09АП-83562/2022, 09АП-84348/2022 по делу № А40-222718/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
114. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.03.2021 № 09АП-7134/2021 по делу № А40-255075/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

115. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.11.2019 № 09АП-61034/2019, 09АП-62575/2019 по делу № А40-290432/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
116. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 03.06.2024 № 10АП-7156/2024 по делу № А41-81180/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
117. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2023 по делу № А41-98550/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
118. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.03.2023 № 10АП-3390/2023 по делу № А41-32211/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
119. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2022 № 10АП-20194/2022 по делу № А41-36167/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
120. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 26.01.2022 № 10АП-13265/2021, 10АП-13616/2021 по делу № А41-91688/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
121. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2023 № 01АП-6888/2023 по делу № А79-5420/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
122. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13.07.2022 № 01АП-11221/2018 по делу № А43-31165/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
123. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2023 № 15АП-2188/2023 по делу № А53-34431/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
124. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.04.2022 № 15АП-5239/2022 по делу № А32-2339/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
125. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2021 № 15АП-16834/2021 по делу № А32-18217/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
126. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2021 № 15АП-16073/2021 по делу № А32-727/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
127. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2020 № 15АП-4571/2020 по делу № А53-682/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
128. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2023 по делу № А45-33959/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
129. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2021 № 07АП-4546/2020(2) по делу № А27-25293/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
130. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2018 № 07АП-8065/2013 по делу № А27-18938/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
131. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2016 № 07АП-7403/2015(16) по делу № А45-1367/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

132. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.11.2024 № 17АП-14949/2018(4)-АК по делу № А60-58935/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
133. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2022 № 17АП-9577/2021(16)-АК по делу № А60-15753/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
134. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.09.2022 № 17АП-5237/2020(11)-АК по делу № А50-24174/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
135. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 01.11.2022 по делу № А69-2932/2021к102 // СПС «КонсультантПлюс».
136. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 17.03.2022 по делу № А33-35454/2020к18 // СПС «КонсультантПлюс».
137. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 05.03.2022 по делу № А33-35454/2020к17 // СПС «КонсультантПлюс».
138. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 15.11.2021 по делу № А33-35454/2020к12// СПС «КонсультантПлюс».
139. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.09.2016 по делу № А13-4461/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
140. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.12.2022 № 16АП-3744/2021 по делу № А63-3295/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
141. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 06.06.2023 по делу № А45-877/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
142. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 22.05.2023 по делу № А45-33959/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Учебники, монографии, комментарии и словари:

143. Андреев В.К. Корпоративное право современной России: монография / В.А. Лаптев; Ин-т государства и права РАН; В.К. Андреев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 432 с.
144. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2014.
145. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве: Понятие, виды, государственные юридические лица / С.Н. Братусь; Всесоюзный институт юридических наук Минюста СССР. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. 364 с.

146. Виндельбант В. О свободе воли / Проф. Виндельбандт; Пер. с нем. Г. Сонина, под ред. В.В. Битнера. Санкт-Петербург: В.В. Битнер, 1904. 112 с.
147. Виндшейд Б. Учебник пандектного права / Соч. проф. Гейдельберг. ун-та Виндшейда. Т. 1: Общая часть. Санкт-Петербург: Гиероглифов и Никифоров, 1874. 358 с.
148. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР: Процессуальное регулирование / И. А. Галаган. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1976. 198 с.
149. Глушецкий А.А. Уставный капитал акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права. М.: Статут, 2023. 264 с.
150. Гражданское и торговое право капиталистических государств учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Правоведение» / [кандидаты юрид. наук, доценты Е.А. Васильев, В.В. Зайцев, А.А. Костин и др.]; отв. ред.: к.ю.н., доц. Е.А. Васильев. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Международные отношения, 1993. 554 с.
151. Гражданское процессуальное право России: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [А.Т. Боннер, Н.А. Громошина, Р.Е. Гукасян и др.]; Отв. ред. Шакарян М.С. М.: Былина, 1996. 400 с.
152. Дорохина Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства. М.: Новый индекс, 2009. 375 с.
153. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Библиотека словарей русского языка: А. Т. 2: П - Я. Т. 2. 1084 с.
154. Зайцева Ю.А. Публично-правовые компании в России: проблемы правового статуса: монография. М.: Юстицинформ, 2024. 224 с.
155. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии. Комментарий к действующему законодательству / Папе Г.; пер.: Р.И. Каримуллин; ред.: Т.Ф. Яковлева. М.: Бек, 2002. 272 с.
156. Ионцев М.А. Правовая адгезия, или Реабилитация по-французски: о значимости компромисса в урегулировании несостоятельности: монография. М.: Статут, 2023. 208 с.
157. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. М.: Статут, 2020. 782 с.
158. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. 551 с.

159. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. Санкт-Петербург: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
160. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. М.: Статут, 2003. 318 с.
161. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 474 с.
162. Конфликт интересов в юридических лицах: монография / В. И. Малкина; под редакцией О. А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2022. 195 с.
163. Кораев К.Б. Неплатежеспособность. Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): монография. М.: Проспект, 2017. 317 с.
164. Коркунов Н.М. Русское государственное право: пособие к лекциям. В 2 т. Т. 2. 6-е изд., под ред. и с доп. М.Б. Горенберга, прив.-доц. С.-Петерб. ун-та. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 748 с.
165. Корпоративное право: учебник / [А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.]; отв. ред. д.ю.н., проф. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019. 735 с.
166. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / [Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.]; отв. ред. д.ю.н., проф. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. 990 с.
167. Кравченко Р.С. Корпоративное управление: обеспечение и защита права акционеров на информацию (российский и англо-американский опыт). М.: Спарк, 2002. 112 с.
168. Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2004. 361 с.
169. Курс советского государственного права: в 2 томах. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. Том 2 / А.И. Лепешкин, А.И. Ким [и др.]; под общ. ред. А.И. Лепешкин. 1962. 591 с.
170. Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М.: Волтерс Клувер, 2008. 176 с.
171. Лаптев В.В. Акционерное право. М.: Юрид. фирма «Контракт», ИНФРА-М, 1999. 246 с.
172. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. 2. изд., перераб. М.: Норма, 2003. 233 с.
173. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса / Соч. Кронида Малышева. Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1871. 456 с.
174. Мамутов В.К. Компетенция государственных органов в решении хозяйственных вопросов промышленности. М.: Юрид. лит., 1964. 266 с.
175. Мартемьянов В.С. Хозяйственное право: курс лекций. Том 1. Общие положения. М.: Издательство БЕК, 1994. 312 с.

176. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / [Бобылева А. З., Горев Д. Е., Зайцева Ю. А. и др.]; отв. ред.: д.ю.н., проф. С.А. Карелина, к.ю.н., доц. И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. 312 с.
177. Митягин С.А. Сравнительно-правовой анализ моделей законодательства о банкротстве (на примере США, Германии, Англии, Франции) / Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К. А. Абдуллаев, А. В. Абрамова, Э. А. Абызова [и др.]; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева; Государственный университет просвещения. М.: Юстицинформ, 2023. 672 с.
178. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962. 213 с.
179. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.С. Нерсесянц; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ин-т. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 539 с.
180. Пахомова Н.Н. Основы теории корпоративных отношений. Правовой аспект. Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2004. 208 с.
181. Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / [Банников Р.Ю., Величкова О.И., Евтухович Е.А. и др.]; под редакцией Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М.: Статут, 2023. 270 с.
182. Попова В.И. Районный Совет депутатов трудящихся [Текст] / В.И. Попова, Н.Т. Савенков; Всесоюз. ин-т юрид. наук. М.: Госюриздат, 1962. 235 с.
183. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / МГУ имени М.В. Ломоносова; Е.П. Губин, В.А. Вайпан, И.С. Шиткина [и др.]; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с.
184. Предпринимательское право: современный взгляд: монография / МГУ имени М.В. Ломоносова / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Е.Г. Афанасьев [и др.]; отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно. М.: Юстицинформ, 2019. 600 с.
185. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. / А.П. Алексеенко, А.М. Баринов, А.Ю. Бушев и др.; под ред. В.Ф. Попондопуло. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. Т. 2. 640 с.
186. Родина Н.В. Субординация требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц: монография / под науч. ред. И.В. Фролова. М.: Юстицинформ, 2023. 192 с.
187. Родина Н.В. Субординация требований кредиторов как механизм обеспечения прав кредиторов в сфере несостоятельности и банкротства // Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / А.З. Бобылева, Д.Е. Горев, Ю.А. Зайцева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. С. 47-57 (312 с.).

188. Рождественский А.А. Теория субъективных публичных прав. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1913. 290 с.
189. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1986. 797 с.
190. Основы марксистско-ленинской философии [Текст]: Учебник для студентов вузов / АН СССР. Ин-т философии. М-во высш. и сред. спец. образования СССР. 3-е изд. М.: Политиздат, 1974. 543 с.
191. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / [Беляева О.А., Бурлаков С.А., Вильданова М.М. и др.]; отв. ред. О. В. Гутников; ИЗиСП. М.: Статут, 2021. 526 с.
192. Суворов Е.Д. Банкротное право. М.: Статут, 2023. 438 с.
193. Суворов Е.Д. Принцип равенства кредиторов: монография. М.: Статут, 2022. 526 с.
194. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 620 с.
195. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. 665 с.
196. Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный). М.: БЕК, 1998. 483 с.
197. Телюкина М.В. Некоторые проблемы конкурсной трансформации регламентации дополнительной эмиссии акций должника // Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития: монография / под ред. Д.В. Ломакина. М.: Статут, 2021. С. 400-414 (414 с.).
198. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. 506 с.
199. Толстой В.С. Гражданское информационное право. М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. 296 с.
200. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Издание г-на Тихомирова М.Ю. 2001. 351 с.
201. Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе: Практ. пособие / [Бакшинскас В.Ю. и др.]; Под ред. Е.П. Губина. М.: Юристъ, 1999. 247 с.
202. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д.Н. Ушаков. М.: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
203. Файншмидт Е.А. Зарубежная практика антикризисного управления: учебно-методический комплекс. М.: ЕАОИ, 2011. 265 с.
204. Ходырева Е.А. Право наследования в гражданском праве России: монография. М.: Статут, 2022. 386 с.

205. Швейцарское финансовое право и международные стандарты / П. Нобель; пер. с нем. Н. Сироткина, Ю. Волобуева, В. Иванова; науч. ред. И.Г. Хубер. 2-е русскоязычное изд. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 1058 с.
206. Шахов В.Д. Механизм самоуправления трудового коллектива (организационно-правовые проблемы). Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та. 1990. 215 с.
207. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021. 477 с.
208. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск 3. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. 814 с.
209. Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. М.: Статут, 2022. 316 с.
210. Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. 239 с.
211. Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М.: Статут, 2015. 416 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

212. Атаева Н.М. Субъекты Российской Федерации как участники финансовых правоотношений: дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 239 с.
213. Валягин В.В. Институт несостоятельности (банкротства) в законодательстве Российской Федерации и Германии: сравнительно-правовой анализ: дис... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 170 с.
214. Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: дис... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 219 с.
215. Воробьева С.В. Компетенция как инструмент государственно-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. 192 с.
216. Галкин С.С. Правовое положение должника - юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дис... канд. юрид. наук. М., 2016. 244 с.
217. Говоруха М.А. Правовое положение органов управления несостоятельного должника: дис... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 243 с.
218. Горева А.А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 187 с.
219. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. д-ра юрид. наук. М., 2010. 409 с.
220. Гутин А.С. Корпоративный контроль в акционерных обществах и его правовые формы: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005. 235 с.
221. Дивин И.М. Теоретические проблемы функционирования административного судопроизводства по экономическим спорам в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 393 с.

222. Дудникова Г.В. Арбитражная процессуальная форма: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 202 с.
223. Еничева Н.В. Реализация правоспособности юридического лица в процедурах несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 220 с.
224. Енькова Е.Е. Проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 212 с.
225. Еськина И.А. Механизм приобретения гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. 211 с.
226. Ефимов А.В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц: дис.... канд. юрид. наук. М., 2018. 248 с.
227. Захарова Е.И. Имущественная обособленность коммерческих организаций как признак юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 214 с.
228. Ибрагимов К.Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 194 с.
229. Иванов Р.Г. Сделкоспособность внешнего управляющего в российском конкурсном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 183 с.
230. Кораев К.Б. Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве: дис... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2008. 191 с.
231. Крипак И.И. Сложный коллективный субъект права: проблемы общей теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2006. 225 с.
232. Лаптев В.А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 448 с.
233. Латкин А.А. Процессуальная форма разрешения дел в арбитражном суде первой инстанции: Исковое производство: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 192 с.
234. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 404 с.
235. Машонская И.А. Несостоятельные должники-юридические лица как субъекты гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 193 с.
236. Мельников С.А. Индивидуальная и коллективная формы реализации права: дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 193 с.
237. Микрюков В.А. Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений: дис. д-ра юрид. наук. М., 2025. 694 с.
238. Незнамова Е.А. Компетенция исполнительных органов местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 214 с.
239. Никологорская Е.И. Гражданско-правовая характеристика интересов акционеров и акционерного общества и их баланса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 187 с.

240. Пантюхин А.В. Гражданско-правовое регулирование участия кредиторов в управлении несостоятельным юридическим лицом: дис... канд. юрид. наук. М., 2006. 177 с.
241. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.
242. Потапов В.А. Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 227 с.
243. Раевская Т.С. Правовое регулирование отношений зависимости между юридическими лицами по законодательству Российской Федерации и Англии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 249 с.
244. Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. 19 с.
245. Стройкина Ю.В. Имущественная обособленность как конструктивный признак коммерческой организации: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2002. 175 с.
246. Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 655 с.
247. Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 486 с.
248. Фроловский Н.Г. Управление предпринимательскими корпорациями в Российской Федерации: Правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2004. 193 с.
249. Шилов А.В. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. Томск, 2004. 218 с.
250. Эбзеев Б.Б. Участие акционерных обществ в гражданском обороте: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 249 с.
251. Яковенко Ю.Б. Внешнее управление как восстановительная процедура банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 189 с.

Научные статьи:

252. Алексеев И.М. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной формы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (35). С. 67-70.
253. Андреев В.К. Правовая природа решения собрания хозяйственного общества // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 27-33.
254. Андреев В.К., Кондратьев В.А. Решение собрания участников непубличного общества: понятие и виды // Правосудие. 2020. Т. 2, № 2. С. 148-169.
255. Ануфриева Л.П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 123-133.

256. Аюшеева И.З. Гражданско-правовые сообщества в условиях экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 95-104.
257. Бандурина Н.В., Гаврилов В.С., Сироткин И.А. К вопросу о трансграничном банкротстве в современной юридической практике // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 6-1. С. 136-144.
258. Бараданченкова Н.Е. Включение требований в реестр кредиторов должника: аспекты злоупотребления правом // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 45-46.
259. Белик И.А. Стандарты поведения доминирующего лица в договорных отношениях // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 4. С. 42-47.
260. Беликова К.М. БРИКС: формы и методы институциализации (выбор направления развития на основе анализа сходных действующих структур). Информационное обеспечение БРИКС // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты: сборник статей / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013. С. 197-221 (429 с.).
261. Беликова К.М. О конкурсном контроле в контексте тенденций развития несостоятельности (банкротства) предприятий // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 83–96.
262. Беликова К.М. Цифровизация процедур несостоятельности (банкротства): шаг к достижению баланса интересов в конкурсном праве? // Сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XXIV Международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы». В 4-х частях. М., 2024. 429 с.
263. Беломытцева О.С. Определение даты возникновения неплатежеспособности должника в делах о банкротстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 9. С. 60-70.
264. Бессонова А.В. Правовое положение решений собраний в системе юридических фактов // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 4А. С. 61-66.
265. Белов А.А. Цифровизация в сфере правового института несостоятельности (банкротства) в России // Цифра и право: сборник научных статей; отв. редактор Л.В. Зайцева. Тюменский государственный университет (Тюмень). 2021. С. 5-13.
266. Болтовский В.М. Конкурсный контроль как правовая категория института несостоятельности (банкротства) // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 84-90.

267. Брагинский М. Юридические лица. (Комментарий ГК РФ) // Хозяйство и право. 1998. № 3. С.11-22.
268. Будылин С. Дело о доминирующем кредиторе: когда кредитор отвечает за результаты коммерческой деятельности банкрота // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 4. С. 41-55.
269. Ватлин Л.А. Институт исполнения обязательства третьим лицом в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) // Вестник арбитражной практики. 2020. № 6. С. 27-34.
270. Венедиктов А.В. Органы управления государственной социалистической собственностью // Советское государство и право. 1940. № 5-6. С. 24-51.
271. Вилкин С.С. О нормативной теории решения органа юридического лица // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 43-67.
272. Винницкий А.В. Продолжение дискуссии об административной ответственности арбитражных управляющих в свете подготовки проекта нового КоАП // Административное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 1-15.
273. Габов А.В. Институт кумулятивного голосования в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2. С. 186-224.
274. Гаевский С.В. Реабилитационный механизм на стадии предупреждения и восстановительной стадии процесса несостоятельности (банкротства) юридического лица: отличительные особенности // Вестник арбитражной практики. 2024. № 6. С. 3-19.
275. Галкин С.С. Конкурсный контроль в контексте норм главы III.2 Закона о банкротстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 21-25.
276. Гинцбург Л.Я. Трудовое законодательство: права, обязанности, сфера действия // Советское государство и право. 1971. № 11. С. 42-49.
277. Говоруха М.А. Собрание кредиторов и комитет кредиторов как коллективные субъекты конкурсного права // Современное право. 2008. № 1. С. 11-15.
278. Горева А.А., Жестовская Д.А. Реформа законодательства о гражданских товариществах в Германии: перевод раздела 16 «Товарищество» Германского гражданского уложения // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. №. 6. С. 122-153.
279. Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 61-71.
280. Гурьянова В.В., Исаев Э.Е., Чулюкин Л.Д. Проблемы процессуальной формы // ВЭПС. 2022. № 2. С. 87-92.
281. Джафаров Д.А. Электронная форма проведения собраний кредиторов: проблемы и пути решения //Арбитражный управляющий. 2022. № 5. С. 23-27.

282. Долинская В.В. Организационные отношения в частном праве: прошлое, настоящее, будущее // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 10. С. 17-24.
283. Дондоков Ж.Д. Гражданская правосубъектность учреждений, являющихся органами публичной власти: дуалистический анализ // Российский юридический журнал. 2024. № 2. С. 90-101.
284. Дорошенко Л.А. Обеспечительная фидуция в ГК Франции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 104-117.
285. Егоров А.В. Борьба с «мажоризацией» участников собрания как формой злоупотребления при принятии решения // Цивилистика. 2023. Т. 1. № 2. С. 16-48.
286. Ерахтина О.С., Широкова А.Д. Корпоративный контроль и особенности его защиты в обществах с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 80-87.
287. Еремина О.В. Участие Росреестра в арбитражном процессе по делу о банкротстве // Арбитражный управляющий. 2015. № 2. С. 36-37.
288. Есманский А.А. Реструктуризация задолженности: как защитить интересы независимых кредиторов // Закон. 2023. № 4. С. 90-104.
289. Жеребкина Е.В. Локальные правовые акты как предмет судебного нормоконтроля // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 11. С. 26-29.
290. Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. №1 (75). С. 28-28.
291. Кадникова О.В., Козлов А.В. Институты несостоятельности ФРГ и РФ: достоинства и недостатки // Бизнес и общество. 2019. № 2 (22). С. 1-10.
292. Кантор Н.Е. Влияние публичного элемента в делах о банкротстве на развитие судебного правотворчества // Закон. 2023. № 12. С. 67-78.
293. Кантор Н.Е. О двойных (множественных) косвенных исках бенефициарных владельцев в интересах подконтрольных корпораций // Закон. 2024. № 8. С. 133-145.
294. Кантор Н.Е. Применение business judgment rule в спорах о гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 165-182.
295. Карелина С.А. Субсидиарная ответственность в механизме защиты прав и законных интересов участников отношений несостоятельности: современные тренды // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 10-18.
296. Карелина С.А., Фролов И.В. Проблемы формирования правовой политики потребительского банкротства в России и их влияние на механизмы банкротства граждан // Закон. 2015. № 12. С. 33-52.

297. Карелина С.А., Фролов И.В. Современная модель арбитражного управления в Российской Федерации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 7-12.
298. Карнушин В.Е. Конкурсное материальное правоотношение // Юридический мир. 2016. № 7. С. 39-42.
299. Касьянов А. Привилегированность залогового кредитора // ЭЖ-Юрист. 2015. № 31. С. 11.
300. Касьянов А.С. Вопросы выбора способа распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности при рассмотрении заявления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 79-85.
301. Кирпичев А.Е. Понятие хозяйственной компетенции субъектов предпринимательского права // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 3. С. 12-15.
302. Коновалов Р.Р. Особенности формирования реестра требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве) // Современное право. 2024. № 8. С. 65-69.
303. Кононов В.С. Правосубъектность органа публичной власти в отношениях публичной собственности // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 13-18.
304. Кононов В.С. Правосубъектность органов публичной власти в публичном праве // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7. С. 24-28.
305. Крашенинников П.В., Туманов В.Н., Фельдбрюгге Ф., Саймонс В., Суханов Е.А., Сулейменов М.К., Витрянский В.В., Карапетов А.Г., Новак Д.В., Церковников М.А., Архипова А.Г., Зайцев О.Р., Пестов М.М., Жестовская Д.А., Михеева Л.Ю., Горева А.А. Стенограмма Научной конференции «Генезис и развитие российского договорного права», приуроченной к 80-летию со дня рождения С.А. Хохлова // Вестник гражданского права. 2022. № 2. С. 7-60.
306. Кресс В.В. Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // Предпринимательское право. 2024. № 4. С. 2-7.
307. Крымский Д.И., Мельникова А.В. Злоупотребление процессуальными правами в контексте цифровизации правосудия // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 306-327.
308. Лазарев Б.М. О компетенции органа Советского государства // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 42-53.
309. Лаптев В.А. Общее имущество крестьянского (фермерского) хозяйства – корпоративная собственность коллективного лица? // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 75-87.

310. Лаптев В.А. Ответственность единоличного исполнительного органа корпорации и ее управляющего // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 31-42.
311. Лаптев В.А. Решения собраний и сделки: правовой режим и отличия // Юрист. 2016. № 2. С. 30-37.
312. Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Руководитель организации и орган юридического лица: единство сущности и противоречия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 285-311.
313. Лескова Ю.Г., Диденко А.А. Корпоративные акты как источники корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 15-20.
314. Лещина Э.Л. Административно-процессуальная форма как категория административного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 63-72.
315. Лисицын В.В. К вопросу о «хозяйственной компетенции» // Адвокатская практика. 2005. № 6. С. 33-37.
316. Ломакин Д.В. Государственная собственность и государственные предприятия как предмет научного исследования в трудах А.В. Карасса и С.М. Корнеева // Вестник гражданского права. 2025. № 2. С. 78-93.
317. Луганцев В.М. Коллективные субъекты трудового права // Советское государство и право. 1984. № 4. С. 63-67.
318. Малиновский А.А. Способы осуществления права // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 48-55.
319. Микрюкова Г.А. О совершенствовании законодательства о крестьянских (фермерских) хозяйствах. Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16-17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 311-314 (448 с.).
320. Мозолин В.П. Система российского права (Доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1. С.107-113.
321. Москевич Г.Е. Принцип пропорциональности в корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 12. С. 148-178.
322. Мохова Е.В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // Закон. 2016. № 5. С. 137-149.
323. Недова Н.С., Джафарова Гюнель Этибар Кызы. Правовые аспекты реализации процедур банкротства в условиях пандемии // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 56-59.

324. Османова Д.О. Правовой режим основных множественностей в процедуре банкротства // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 17-29.
325. Останина Е.А. Имущественная обособленность физического лица и последствия, с нею связанные // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 48-74.
326. Павлодский Е.А., Зайцев О.Р. Правовое положение кредитора в деле о банкротстве // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 30-47.
327. Петров Д.А. Проблемы исчисления срока исковой давности при оспаривании конкурсным кредитором сделок, совершенных должником, по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве // Арбитражные споры. 2018. № 2. С. 89-96.
328. Поваров Ю.С. Особенности комитета кредиторов как гражданско-правового сообщества // Вестник арбитражной практики. 2018. № 4 (77). С. 33-40.
329. Политкин И.А. К вопросу о правосубъектности гражданско-правового сообщества // Цивилист. 2024. № 4. С. 38-43.
330. Пучков В.О. Административная ответственность арбитражного управляющего в праве России и государств постсоветского пространства: тенденции развития регулирования в контексте цифровизации // Арбитражные споры. 2022. № 1. С. 118-158.
331. Репин Р.Р., Дятко А.Н. О доверительном правообладании не для цели обеспечения (fiducia cum amico). Размышления в связи с Определением судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 марта 2024 года № 305-ЭС20-20127(20) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 10. С. 4-38.
332. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 67-79.
333. Рубцова Н.В. Обеспечение баланса частноправовых и публично-правовых интересов в процессе несостоятельности (банкротства) // Хозяйство и право. 2022. № 2. С. 75-83.
334. Рузакова О.А., Туляков С.С. Понятие и особенности корпоративного нормативного акта // Право и управление. XXI век. 2020. № 3 (56). С 34-40.
335. Рыженков А.Я. Решения собраний как юридический факт в предпринимательском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 62-66.
336. Ряполова О.А. Механизм субординации требований кредиторов в делах о банкротстве с позиции принципа добросовестности // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 75-87.

337. Сарбаш С.В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 70-79.
338. Свириденко О.М. Участники производства по делам о несостоятельности (банкротстве) // Право и экономика. 2009. № 2. С. 102-108.
339. Ситдикова Л.Б. Корпоративный договор как способ осуществления прав участников корпоративных отношений // Юрист. 2024. № 3. С. 2-7.
340. Ситдикова Л.Б. Особенности и порядок привлечения к субсидиарной ответственности руководителя должника при банкротстве // Юрист. 2024. № 7. С. 2-7.
341. Слыщенков В.А. Участие государства в отношениях, регулируемых гражданским правом: к вопросу о правовом положении государственных органов // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 58-91.
342. Соболев С.И. Стимулирующее вознаграждение арбитражного управляющего при добровольном погашении требований кредиторов: кристаллизация проблем и поиск их решения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 8. С. 115-141.
343. Согоян Д.П. К вопросу о модели компетенции собрания кредиторов в деле о банкротстве // Евразийский юридический журнал. 2024. № 9. С. 312-313.
344. Согоян Д.П. Кредиторский акт в банкротстве: понятие и особенности правовой природы // Право и экономика. 2025. № 1. С. 23-28.
345. Согоян Д.П. Кредиторское сообщество в правоотношениях несостоятельности (банкротства): опыт России и зарубежных стран // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. № 1. С. 110-121.
346. Согоян Д.П. Правовой статус органов кредиторского сообщества в деле о банкротстве: статья в сборнике трудов II Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов «Бизнес, менеджмент и право» (Екатеринбург, 24-25 ноября 2023 г.). Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева. 2024. С. 133-136 (660 с.).
347. Согоян Д.П. Правосубъектность кредиторского сообщества в отношениях несостоятельности: теоретическое обоснование и практические следствия // Юридические исследования. 2025. № 8. С. 101-124.
348. Согоян Д.П. Проблема кредиторских злоупотреблений в банкротстве и потенциал цифровых технологий // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2025. № 1. С. 41-48.
349. Согоян Д.П. Проблема обеспечения консолидированного интереса кредиторского сообщества в деле о банкротстве: статья в сборнике трудов X Международной научно-практической конференции «Тенденции развития

частного права» (Москва, 30 ноября – 1 декабря 2023 г.). М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). С. 35-36 (120 с.).
350. Согоян Д.П. Проблема параллельных решений собрания кредиторов // Образование и право. 2025. № 4. С. 337-342.
351. Согоян Д.П. Репрезентативность как ключевой принцип формирования и деятельности комитета кредиторов // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 136-141.
352. Согоян Д.П. Решение органа кредиторского сообщества: виды и проблемы оспаривания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 405-407.
353. Спиридонов П.Е. Административно-процессуальная форма и стадии как элементы характеристики административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 3. С. 301-312.
354. Старкова М.М., Чайка Н.К., Гуськов С.В. Система показателей, характеризующих эффективность реализации процедуры конкурсного производства // Аудитор. 2024. № 5. С. 30-42.
355. Стахов А.И. Административно-процессуальные формы деятельности публичной администрации в России: понятие и характерные признаки // Административное право и процесс. 2013. № 1. С. 11-14.
356. Суворов Е.Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex russica. 2020. Т. 73. № 11. С. 21-34.
357. Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 42-49.
358. Суворов Е.Д. Принцип равенства кредиторов как инструмент выявления злоупотреблений в банкротстве: равное равным, различное различным // Закон. 2020. № 9. С. 39-52.
359. Суханов Е.А. Исследовательский центр и развитие отечественной цивилистики // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 30-44.
360. Тай Ю.В., Будылин С.Л. «Банкротная власть» и злоупотребление ею. Проблема погашения третьим лицом требования конкурсного кредитора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 10. С. 138-154.
361. Тарасенко А.А. О действии принципа равенства при определении статуса правонарушителя в конкурсных отношениях // Право и бизнес. 2023. № 4. С. 35-39.
362. Телешинин А.А. Гражданско-правовые последствия решения общего собрания участников хозяйственного общества в российском праве // Право и экономика. 2022. № 9. С. 37-44.

363. Телешинин А.А. Правовые проблемы принятия решения общего собрания участников хозяйственных обществ в российском праве // Право и экономика. 2022. № 8. С. 31-38.
364. Тужилова-Орданская Е.М. Корпоративный контроль: основные теоретические подходы // Гражданское право. 2022. № 5. С. 19-25.
365. Филипенко Н.В. Внебанкротная субсидиарная ответственность лиц, контролировавших общество с ограниченной ответственностью // Арбитражные споры. 2023. № 1. С. 38-69.
366. Филиппова С.Ю. Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия // Закон. 2022. № 6. С. 30-41.
367. Фролов И.В. Исключение из общего правила активной множественности лиц в деле о банкротстве гражданина // Право и бизнес. 2021. № 1. С. 24-30.
368. Фролов И.В. Конфликт интересов в делах о банкротстве: значение, виды, функции и правовые последствия // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6. С. 3-11.
369. Фролов И.В. Современная доктрина банкротного права в российской юрисдикции: анализ теоретических основ // Предпринимательское право. 2022. № 4. С. 35-44.
370. Харитонова Ю.С. Правосубъектность крестьянского (фермерского) хозяйства в свете проблем права общей собственности его членов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 32-37.
371. Харитонова Ю.С. Управление в корпорации: новеллы Гражданского кодекса РФ // Вестник ТвГУ. Серия: Право (2). 2015. № 2. С. 57-66.
372. Чикулаев Р.В. Корпорации и корпоративные финансовые инструменты в российском и зарубежном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2. С. 285-320.
373. Шайдуллин А.И. Защита права кредиторов на информацию в процедурах банкротства // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 2. С. 7-49.
374. Шайдуллин А.И. Особенности участия связанных с должником кредиторов в процедурах банкротства // Закон. 2020. № 9. С. 53-65.
375. Шайхеев Т.И. Правовые позиции судов по экономическим спорам в примерах из судебной практики // Арбитражные споры. 2022. № 3. С. 103-162.
376. Шевченко И.М. Банкротный мораторий. Итоги // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 72-91.
377. Шевченко И.М. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (некоторые размышления на примере дел о банкротстве) // Закон. 2023. № 4. С. 118 - 127.

378. Шевченко И.М. Некоторые вопросы обращения взыскания на имущество супругов-созалогодателей в делах о банкротстве // Российский судья. 2020. № 6. С. 3-8.
379. Шевченко И.М. О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 66-78.
380. Шевченко И.М. О первом опыте заключения локального мирового соглашения с залоговым кредитором в деле о банкротстве гражданина // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 113-127
381. Шеремет К.Ф. Вопросы компетенции местных Советов // Советское государственное право. 1965. № 4. С. 19-27.
382. Шиткина И.С. С.Д. Могилевский: вклад ученого в развитие теории и практики применения современного российского корпоративного права // Гражданское право. 2022. № 3. С. 26-31.
383. Шиткина И.С. Уставы российских хозяйственных обществ: какими им быть? // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 14-23.
384. Шишмарева Т.П. Защита прав кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 46-50.
385. Шишмарева Т.П. Цифровые технологии в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 50-55.
386. Щербакова Ю.В. К вопросу о министерстве как юридическом лице // Законодательство и экономика. 2003. № 10. С. 13-16.
387. Эстерлейн Ж.В., Загоруйко И.Ю. Экономико-правовой анализ современных форм товарищеских объединений Германии // Московский экономический журнал. 2019. № 11. С. 342-352.
388. Юлова Е.С. Злоупотребление правом при формировании комитета кредиторов: к вопросу о гражданско-правовой ответственности кредиторов при банкротстве // Образование и право. 2016. № 6. С. 142-151.
389. Юлова Е.С. Проблемы обеспечения баланса частных и публичных интересов при образовании комитета кредиторов // Защита субъективных прав и охраняемых законом интересов в условиях конвергенции частного и публичного права: Сборник материалов VIII ежегодной научно-практической конференции, Москва, 22 мая 2018 года / Ответственный редактор А.П. Горелик. М.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2018. С. 208-221.

390. Юрьев М.Е. Европейское объединение по экономическим интересам: особенности правового регулирования создания и деятельности // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 73-84.
391. Яцева Е. Общие условия действительности мирового соглашения по делу о банкротстве должника // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 10. С. 23-29.

Иностранная литература:

392. Abdou Toure. Le préjudice collectif des créanciers d'une procédure collective. Droit. Université Bourgogne Franche-Comté, 2023. Français. 494 p.
393. Ayotte, Kenneth and Morrison, Edward R. Creditor Control and Conflict in Chapter 11 // The Journal of Legal Analysis. 2009. № 2. P. 511-551.
394. Baird D.G. A World Without Bankruptcy // Law & Contemporary Problems. 1987. № 50. P. 173-193.
395. Bettina Nunner-Krautgasser. Zur rechtlichen Qualifikation von Anfechtungsansprüchen in der Insolvenz des Anfechtungsgegners // Juristische Blätter. 2021. № 143. S. 69-82.
396. Cahn A., D.C. Donald. Comparative Company law. N.Y.: Cambridge University Press, 2010. 927 p.
397. Dominique Owona-Atangana. Le sort des créanciers d'un débiteur en difficultés en droit OHADA à la lumière du droit français: l'égalité en question. Droit. Université Panthéon-Sorbonne - Paris I, 2021. Français. 400 p.
398. Frosio G. User Patronage: The Return of the Gift in the «Crowd Society» // Michigan State Law Review. 2015. № 5. 2039 p.
399. Gierke O. v. Deutsches Privatrecht. Allgemeiner Teil und Personenrecht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1895. 897 s.
400. Jackson T.H. Bankruptcy, Non-Bankruptcy Entitlements, and the Creditors' Bargain // Yale Law Journal. 1982. № 5. P. 857-907.
401. Kohler J. Lehrbuch des Konkursrechts. Stuttgart, 1891. 732 s.
402. Korobkin D.R. Rehabilitating values: A jurisprudence of bankruptcy. Columbia Law Review. 1991. № 91. P. 717-789.
403. Lehrbuch des Konkursrechts. Verf.angabe: von J. Kohler. Verlagsort: Stuttgart. Verlag: Enke. Jahr: 1891. Umfang: XI. 732 s.
404. Mads Andenas, Frank Wooldridge. European Comparative Company Law. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 648 p.
405. Michelle M. Harner, Jamie Marincic. Committee capture? An empirical analysis of the role of creditors' committees in business reorganizations // U of Maryland Legal Studies Research Paper. 2010. № 2010-47. P. 749-810.

406. Michoud Léon, La théorie de la personnalité morale et son application au droit français. Notion de personnalité morale. 3e éd., Paris, 1932. 499 p.
407. Priya Garg, Trusha Modi, Balapragatha M. Anusandhan. The need to improve governance standards for committee of creditors and resolution professionals to safeguard the goal of corporate rescue // Insolvency and Bankruptcy Board of India. 2022. P. 385-404.
408. Seyed Mojtaba Vaezi. The Concept and Function of «Competence» in Administrative Law // The Quarterly Journal of Public Law Research. 2023. № 80 (25). P. 207-238.
409. Sponagel M. Informationsrechte des im Insolvenzverfahren: Unter besonderer der Informationspflichten des Insolvenzverwalters dem. Hamburg: Verlag Dr., 2011. 217 s.
410. Tarek M. Hajjiri, Adrian Cohen. Global Insolvency and Bankruptcy Practice for Sustainable Economic Development. Vol 1, General Principles and Approaches in the UAE. Palgrave Macmillan. 2016. 286 p.
411. Tomasic Roman. Insolvency Law in East Asia. 1st ed. Aldershot, England; Ashgate, 2006. Print. 573 p.
412. Wei Chuyi. Chinese Bankruptcy Law in Its Eighth Year: an Evaluation in Theory and Practice // International Company and Commercial L. Rev. 2014. P. 309-317.
413. Werner Flume. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts 1977. 451 s.

Интернет-ресурсы[524]:

414. Банкротство: три способа вернуть имущество в конкурсную массу [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.ru/story/221685/?desc_chrono_1_1.
415. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // URL: https://gufo.me/dict/bes/%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%90%D0%A0%D0%A2.
416. ВС отменил включение в реестр требования кредитора из-за создания фиктивной задолженности [Электронный ресурс] // URL: https://probankrotstvo.ru/news/vs-otmenil-vkliucenie-v-reestr-trebovaniia-kreditora-iz-za-sozdaniia-fiktivnoi-zadolzennosti-7736.
417. Диво-дивное. Чудо-чудное. Новые подробности в деле Югры [Электронный ресурс] // URL: https://finance.rambler.ru/business/45761612-divo-divnoe-chudo-chudnoe-novye-podrobnosti-v-dele-yugry/.
418. Закон Азербайджанской Республики о несостоятельности и банкротстве [Электронный ресурс] // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2766&openfulltext=yes.

[524] Дата обращения указана в сносках в тексте диссертации.

419. Закон Кыргызской Республики о банкротстве (несостоятельности) [Электронный ресурс] // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=281&openfulltext=yes.
420. Закон Республики Армения о банкротстве [Электронный ресурс] // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=2881&sel=show&lang=rus.
421. Закон Республики Беларусь об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] // URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200227&p1=1&p5=0.
422. Закон Республики Казахстан о реабилитации и банкротстве [Электронный ресурс] // URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1400000176.
423. Закон Республики Таджикистан о несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5837&openfulltext=yes.
424. Законопроект № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7?ysclid=m9d2w3mruv220936701.
425. Законопроект № 239932-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц» [Электронный ресурс] // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/239932-7.
426. Зинатуллин З.З. Парадоксы уголовно-процессуальной формы в УПК РФ // Зинатуллин З.З. Избранные труды. Т. 2. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. URL: https://avidreaders.ru/download/izbrannye-trudy-tom-ii1.html?f=fb2.
427. Инфографика: банкротные итоги 2023 г. [Электронный ресурс] // URL: https://probankrotstvo.ru/articles/infografika-bankrotnye-itogi-2023-4727?ysclid=m4ckkalgps19424637.
428. Карелина С.А. Цифровизация и институт несостоятельности (банкротства): современные тренды // Международная Конференция: ММЮФ – 2021 Секция «Актуальные проблемы цифровизации и защиты персональных данных». 2021. [Электронный ресурс] // URL: https://istina.msu.ru/conferences/presentations/370440454/.
429. Карточка должника - юридического лица ООО «Простор» [Электронный ресурс] // URL: https://old.bankrot.fedresurs.ru/OrganizationCard.aspx?ID=C7F1DF91B3D0605897E46E497F1ABA20.

430. Компания одного лица (one-man company) [Электронный ресурс] // URL: https://t.me/bettercallKantor/151.
431. КС счел конституционным увеличение госпошлин при обращении в суды [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru/russia/1020222.
432. Курс на полную реабилитацию: анализ правовых тенденций в общемировом масштабе [Электронный ресурс] // URL: https://probankrotstvo.ru/articles/kurs-na-polnuiu-reabilitaciiu-analiz-pravovyx-tendencii-v-obshhemirovom-masstabe-2617?ysclid=meippsmn5e927464050.
433. Наделение гражданских товариществ правоспособностью в Германии: переводы поворотных судебных актов с комментариями [Электронный ресурс] // URL: https://mvgp.org/product/nadelenie-grazhdanskih-tovarishhestv-pravosposobnostju-v-germanii-perevody-povorotnyh-sudebnyh-aktov-s-kommentarijami/.
434. Проблема мажоризации в банкротстве по российскому праву [Электронный ресурс] // URL: URL: https://zakon.ru/blog/2019/02/17/problema_mazhorizacii_v_bankrotstve_po_rossijskomu_pravu#_ftn1.
435. Регламент Совета Европейских Сообществ 2137/85 от 25 июля 1985 г. о Европейском объединении с общей экономической целью [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/2571688/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/.
436. Суд признал банкротом IT-компанию «Техносерв Консалтинг» [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru/russia/872819.
437. Суд признал банкротом российского разработчика компьютеров «Т-Платформы» [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/ekonomika/15939421?ysclid=m4cs11qrwv572483326.
438. Толковый словарь Ожегова С.И. [Электронный ресурс] // URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30369.
439. Устав о банкротах от 19 декабря 1800 г. [Электронный ресурс] // URL: https://ivo.garant.ru/#/document/55003854/paragraph/1:0.
440. ФССП планирует в 2025 году создать цифровое досье должника [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru/russia/1006919?ysclid=m8qfxeqhu3868520890.
441. Электронные собрания [Электронный ресурс] // URL: https://bankro.tech/products/elektronnye-sobraniya-kreditorov/?ysclid=mbhz77p4me138320697.
442. Юридический словарь (С.Н. Братусь, 1953г.) [Электронный ресурс] // URL: http://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-bratus/fc/slovar-65.htm#zag-83.
443. 11 U.S. Code § 1129 - Confirmation of plan [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/1129.

444. 11 U.S. Code Chapter 11 – REORGANIZATION [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11.
445. 11 U.S. Code Subchapter I - OFFICERS AND ADMINISTRATION [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11/subchapter-I.
446. 18 U.S. Code § 152 - Concealment of assets; false oaths and claims; bribery // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/152.
447. 200 000 дирхамов ОАЭ в долларах США [Электронный ресурс] // URL: https://finance.rambler.ru/calculators/converter/200000-AED-USD/?ysclid=m8kct3tqf0790919842.
448. Abdou Touré Docteur en droit privé [Электронный ресурс] // URL: http://crjfc.univ-fcomte.fr/membre/abdou-toure/.
449. Austrian Insolvency Code. English translation [Электронный ресурс] // URL: https://www.rautner.com/wp-content/uploads/2016/05/3645187_Austrian_Insolvency-Code_ENG.pdf.
450. Beschluss des XII. Zivilsenats vom 16.10.2002 – XII ZR 73/02 [Электронный ресурс] // URL: https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=31a8fbd0e75126cb5f9880f051df3044&nr=24705&anz=2&pos=0/.
451. Bettina Nunner-Krautgasser. Haftungsrechtliche Unwirksamkeit infolge Insolvenzanfechtung und ihre Tragweite in der Insolvenz des Anfechtungsgegners [Электронный ресурс] // URL: https://360.lexisnexis.at/d/fachbuch/haftungsrechtliche_unwirksamkeit_infolge_insolvenz/h_87090_000750_87090_Konecny_ZIKSpezial_4c02bd4dab.
452. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BGB.pdf.
453. China Lays Out Guidelines on Debt-for-Equity Swaps Between Banks, Companies [Электронный ресурс] // URL: https://www.wsj.com/articles/china-lays-out-guidelines-on-debt-for-equity-swaps-between-banks-companies-1476091716.
454. Council Regulation (EEC) № 2137/85 of 25 July 1985 on the European Economic Interest Grouping (EEIG) [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1985/2137/oj.
455. Die Außen-GbR und die Innen-GbR nach MoPEG: Worin liegt der Unterschied und welche Rechtsfolgen ergeben sich hieraus? [Электронный ресурс] // URL: https://www.anwalt.de/rechtstipps/die-aussen-gbr-und-die-innen-gbr-nach-mopeg-worin-liegt-der-unterschied-und-welche-rechtsfolgen-ergeben-sich-hieraus-222972.html.
456. Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks, on discharge of debt and

disqualifications, and on measures to increase the efficiency of procedures concerning restructuring, insolvency and discharge of debt, and amending Directive (EU) 2017/1132 (Directive on restructuring and insolvency) [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2019.172.01.0018.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2019%3A172%3ATOC.

457. Federal Act on the Amendment of the Swiss Civil Code (Part Five: The Code of Obligations) of 30 March 1911 (Status as of 1 January 2023) [Электронный ресурс] // URL: https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2023/03/Swiss-Code-of-Obligations.pdf.
458. Federal Decree-Law № (51) of 2023 Promulgating the Financial and Bankruptcy Law [Электронный ресурс] // URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/2190/download.
459. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG). § 5 Stammkapital; Geschäftsanteil [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gmbhg/__5.html.
460. Insolvenzordnung (InsO) § 9 Öffentliche Bekanntmachung [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/__9.html.
461. Insolvenzordnung (InsO) § 78 Aufhebung eines Beschlusses der Gläubigerversammlung [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/__78.html.
462. La reforma concursal se aprueba sin las enmiendas del Senado [Электронный ресурс] // URL: https://noticias.juridicas.com/actualidad/noticias/17403-la-reforma-concursal-se-aprueba-sin-las-enmiendas-del-senado/.
463. Law of Georgia on rehabilitation and the collective satisfaction of creditors' claims [Электронный ресурс] // URL: https://www.matsne.gov.ge/en/document/view/4993950?impose=parallelenru&fullscreen=1&publication=0.
464. Legge Fallimentare [Электронный ресурс] // URL: https://www.money.it/IMG/pdf/legge-fallimentare.pdf.
465. Les procédures collectives en droit sénégalais [Электронный ресурс] // URL: https://cours-de-droit.net/procedures-collectives-droit-senegalais/.
466. Lex posterior derogat priori [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Lex_posterior_derogat_priori#cite_note-1.
467. Lietuvos Respublikos juridinių asmenų nemokumo įstatymas [Электронный ресурс] // URL: https://www.infolex.lt/ta/541479:str55#.
468. Masse (des créanciers) [Электронный ресурс] // URL: https://www.pernaud.fr/info/glossaire/9206799/masse-des-creanciers-.

469. Partnership Law. Report on a Reference under Section 3(1)(e) of the Law (Commissions Act 1965 The Law Commission and The Scottish Law Commission (Law Com № 283) (Scot Law Com № 192) [Электронный ресурс] // URL: https://paperzz.com/doc/8685570/partnership-law---scottish-law-commission?ysclid=m9seh9kgou708817544/.
470. Report on criminal liability of partnerships [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.uk/government/publications/report-on-criminal-liability-of-partnerships.
471. Rule 9036. Electronic Notice and Service [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/rules/frbp/rule_9036#.
472. Urteil des II. Zivilsenats vom 29.1.2001 – II ZR 331/00 [Электронный ресурс] // URL: https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=31a8fbd0e75126cb5f9880f051df3044&nr=22085&anz=2&pos=1.
473. Voting Rules in Bankruptcy Law [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/304904243_Voting_Rules_in_Bankruptcy_Law.
474. Wei Chuyi and Chen Yongwei. The Predicament of Bank Creditors in Chinese Bankruptcy and the Way Out [Электронный ресурс] // URL: https://ssrn.com/abstract=2952350.
475. White Ross decision [Электронный ресурс] // URL: https://de.zxc.wiki/wiki/Wei%C3%9Fes-Ross-Entscheidung.
476. Yang Ei and Zheng Shaoxuan. Debt-Equity Swap, Subsidy and Optimal Government Policy [Электронный ресурс] // URL: https://ssrn.com/abstract=3538702.
477. საქართველოს კანონი გადახდისუუნარობის საქმის წარმოების შესახებ [Электронный ресурс] // URL: https://www.rs.ge/RsGe.Module/PublicInfoCardDetails/DownloadPDF?documentID=39#.
478. ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՕՐԵՆՔԸ ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԱՆՁԱՆՑ, ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԱՆՁԻ ԿԱՐԳԱՎԻՃԱԿ ՉՈՒՆԵՑՈՂ ՁԵՌՆԱՐԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԵՎ ԱՆՀԱՏ ՁԵՌՆԵՐԵՑՆԵՐԻ ԱՆՎՃԱՐՈՒՆԱԿՈՒԹՅԱՆ (ՍՆԱՆԿԱՑՄԱՆ) ԵՎ ՖԻՆԱՆՍԱԿԱՆ ԱՌՈՂՋԱՑՄԱՆ ՄԱՍԻՆ [Электронный ресурс] // URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1788&lang=arm.
479. Zákon č. 182/2006 Sb. Zákon o úpadku a způsobech jeho řešení (insolvenční zákon) [Электронный ресурс] // URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2006-182.

480. 채무자 회생 및 파산에 관한 법률 (약칭: 채무자회생법) [시행 2014. 5. 20.] [법률 제12591호, 2014. 5. 20., 타법개정] [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=153977#.

481. 破产重整计划强制批准制度完善路径探析 [Электронный ресурс] // URL: https://www.faxin.cn/lib/Flwx/FlqkContent.aspx?gid=F78684#Remark2.